М. И. АРТАМОНОВ

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

(от появления на исторической арене
до конца IV в. до н. э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Письменные известия о киммерийцах и скифах скудны, отрывочны и частично недостоверны. Исследуя археологические данные и критически анализируя письменные сообщения, автор восстанавливает историю киммерийцев и скифов: происхождение, этническую принадлежность, переселение их в Переднюю Азию, возвращение в Северное Причерноморье и возникновение и расцвет Скифского царства. Автор гипотетически связывает достоверные факты истории Северного Причерноморья внутренней логикой исторического процесса и представляет предскифский и скифский периоды в совершенно новом и ярком свете, разъясняющем смысл и значение важных явлений прошлого нашей страны.

Написанная в живой, доступной форме, книга предназначается не только для специалистов — историков и археологов, но и для широкого круга читателей.

Рецензенты:
д-р истор. наук *А. Д. Столяр*, канд. истор. наук
Л. С. Клейн

Рукопись подготовил к изданию
канд. истор. наук *Я. В. Доманский*

А 10603 — 076 / 076 (02) — 74 44 — 74
© Издательство Ленинградского университета 1974 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

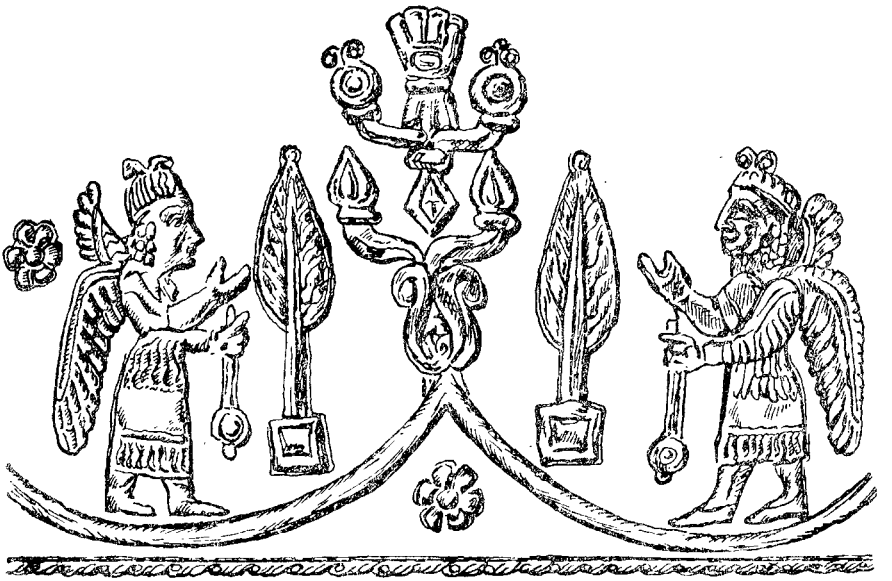
При исключительной широте исследовательских интересов Михаила Илларионовича Артамонова в области древней истории и археологии, скифской проблеме в его научной биографии всегда принадлежало особое место. Выдающийся советский археолог отдал ей более тридцати лет настойчивого исследовательского поиска, внесшего существенный вклад в познание многих страниц древнейшей истории нашей Родины.

Эта проблема поглощала внимание Михаила Илларионовича, волновала его своими нераскрытыми загадками вплоть до последних дней так внезапно оборвавшейся жизни, полной больших замыслов и начинаний. Скифской проблеме посвящена эта книга М. И. Артамонова — итог долгих размышлений, упорной напряженной работы, труд, который, увы, самому автору не суждено было увидеть изданным. С той смелостью, которая была органической чертой М. И. Артамонова, он подверг на страницах книги всестороннему анализу всю совокупность источников, пересматривая некоторые устоявшиеся точки зрения (в том

числе и собственные) и приходя к новым утверждениям, предположениям, гипотезам.

Киммерийцы и скифы... Нелегко сейчас специалистам взяться за труд, охватывающий столь сложную тему в ее полном историческом диапазоне. Возросшая дифференциация знаний неизбежно создает препятствия на пути ее разработки. Обширная, глубокая эрудиция позволила М. И. Артамонову преодолеть эти сложности.

Естественно, что в таком исследовании немало дискуссионных моментов, что разные его аспекты в разной степени обосновываются имеющимися источниками. Объективное положение таково, что труд такого масштаба, при такой постановке цели конкретно-исторической реконструкции не может иметь ничего общего с математической задачей, характеризующейся элементарной однозначностью решения. Сам М. И. Артамонов всегда считал, что лишь дальнейшее развитие науки даст оценку степени достоверности тех или иных положений. Но можно также предположить, что многое новое в этом труде послужит основой последующих смелых исканий, а весь труд в целом будет служить успехам науки и сохранит свое почетное место в отечественной литературе о скифах.



ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ

Древнейшим известным по имени народом на территории СССР был киммерийский. Сведения о нем сохранились не только в «Истории» Геродота, написанной в третьей четверти V в. до н. э., но и в современных с этим народом ассирийских клинописях. В отличие от Геродота, сообщающего дошедшие до него предания, в клинописях говорится о весьма важных для Ассирии событиях, в которых этот народ принимал непосредственное участие. Согласно сведениям, содержащимся в ассирийских источниках, киммерийцы появились в 20-х годах VIII в. до н. э. на северо-западной границе с Ванским царством (Урарту), а в дальнейшем занимали северо-восточную часть Малой Азии — Каппадокию. До своего вторжения в Азию они, по Геродоту, жили в Северном Причерноморье, откуда были изгнаны другим древним народом этой страны — скифами. Этим последним Геродот посвящает четвертую книгу своего сочинения, описывая их страну, нравы и обычаи, а также другие народы, окружавшие

населенную скифами землю. Сведения о скифах содержатся в трудах других античных авторов, не только пересказывавших Геродота, но сообщавших дополнительные данные, относящиеся к последующему, послегеродотовскому времени. Наибольшее значение среди них принадлежит «Географии» Страбона, написанной в I в. до н. э.

Со второй половины XIX в. источником сведений о древних народах нашей страны выступают археологические памятники. По мере их накопления и изучения открываются все новые и новые данные, касающиеся скифов и их окружения. Хотя многое в истории скифов остается еще не выясненным, основные линии развития этого народа прослеживаются со значительной долей достоверности. Археологические данные не только конкретизируют и уточняют сведения древних авторов, но и дают ответы на ряд вопросов, вовсе не освещенных в древней письменности.

Важную роль в разработке истории скифов играет лингвистика. Именно этой наукой установлено, что они принадлежали к иранской языковой семье. Далее оказалось, что ираноязычными были не только скифы, но и их восточные соседи савроматы и следующие за ними на востоке среднеазиатские саки, с чем связана отмеченная археологией близость их культур. Вместе с тем обнаружилось, что однородные археологические памятники распространены не только на территории известных по сообщениям древних авторов ираноязычных народов, но простираются далеко на восток на области, совсем неизвестные средиземноморскому античному миру. Сходные с северочерноморскими и среднеазиатскими археологические памятники открыты в Центральном и Восточном Казахстане, на Алтае, в Саянах, в Минусинской котловине и даже в Центральной Азии вплоть до Северного Китая, в Ордосе. О том, что это сходство не случайное или конвергентное, а того же порядка, что между Северным Причерноморьем, Поволжьем и Средней Азией, т. е. обусловленное этническим родством населения этих областей, свидетельствуют сообщения, содержащиеся в древнекитайских исторических сочинениях. Китайцам был известен центральноазиатский народ юэчжи, являвшийся частью народа сэ, т. е. саков. Таким образом, оказывается, что саки жили не только в Средней Азии, а и дальше на восток за Тянь-Шанем в степях, в пустынях Северо-Западного Китая — в Джунгарии и Западной Монголии, а временами доходили до Северного Китая — Ордоса. Из этого вытекает, что и в других областях распространения культуры, получившей в археологии название скифской или скифо-сибирской, о населении которых нет письменных данных, обитали родственные сакам и скифам ираноязычные народы. Это подтверждается топонимикой — наукой, изучающей географические названия. В Южной Сибири такого рода названия встречаются вплоть до Енисея.

Столь широкое распространение ираноязычного населения от Дуная, составлявшего, по Геродоту, западную границу заселенной скифами страны — Скифии, до Енисея на востоке, по всей полосе степного, лесостепного, а также горного ландшафтов Евразии относится еще к эпохе бронзы, когда по всей этой территории выступают сходные андроновско-срубные археологические культуры, со времени которых и начинается продолжительный иранский период истории, охвативший в дальнейшем, кроме Южной Евразии, значительные части Передней Азии, Пакистана и Индии. Историческое значение этого периода огромно; в течение его сформировался ряд современных народов с восходящими к нему традициями, определяющими их национальные особенности. Культурные элементы этого периода вошли в национальное достояние и многих других народов, относящихся к иным, неираноязычным лингвистическим семьям, как проживающим на территории, ранее населенной иранцами, так и по соседству с ней, но формировавшимся под иранским влиянием.

В археологии южной половины Восточной Европы различаются три периода эпохи бронзы: ранний, средний и поздний, которые по господствующей в каждом из них культуре иначе называются ямным, или древнеямным, катакомбным и срубным. Не знакомясь с каждым из них детально, отметим, что, хотя в культурном развитии интересующей нас части Европы каждый из этих периодов был более прогрессивным сравнительно с предшествующим, чередование характерных для них культур было связано с катаклизмами, со сменой представляющего эти культуры населения. На большей части южной половины Восточной Европы древнеямная культура вынуждена была уступить свое место катакомбной, не связанной с ней своим происхождением, возникшей где-то на стороне, с другими традициями и с иным физическим типом населения. Свое название катакомбная культура получила по характерным для нее могилам в виде подземной камеры. Она занимала степную и частично лесостепную полосы Северного Причерноморья от Днестра до Волги. Население предшествующей ей древнеямной культуры в процессе своего дальнейшего развития создало срубную культуру и в свою очередь обратилось против катакомбного населения, к концу эпохи бронзы не только возвратило ранее принадлежавшую ему территорию, но и распространилось далеко за ее пределы. Одновременно со срубной культурой в лесостепном пограничье между Европой и Азией сформировалась сходная с ней во многих отношениях андроновская культура, экспансия которой направилась на восток — в Южную Сибирь и в Среднюю Азию.

Население всех этих культур по языковой принадлежности было индоевропейским, причем в части срубно-андроновской имеются основания относить его к индоиранской семье. В Азии андроновцы выступают, по-видимому, не первыми представите-

лями индоевропейцев, так как еще до них в нее проникла группа населения с языками тохарского типа, известная по тохарскому языку в Китайском Туркестане и, возможно, по современным с катакомбной культурой Северного Причерноморья поздним фазам афанасьевской культуры Минусинского края. Однако более или менее сплошное заселение индоевропейцами Южной Сибири до Енисея и Средней Азии связывается с распространением разных вариантов андроновской культуры. Овладевая просторами Средней Азии и смешиваясь с аборигенами, население с позднейшими вариантами андроновской культуры достигло горной южной границы этой страны и, преодолев встреченную на пути естественную преграду, расселилось по современному Ирану, Афганистану и северной части Пакистана и Индии, после чего только в двух последних из этих стран возникли отличные от иранских индусские языки. В письменных данных древнее ираноязычное население современного Ирана выступает под именами мидян и персов.

Ираноязычные имена в ассирийских письменных источниках появляются в XI—X вв. до н. э. и связываются с областями Западного Ирана, находившимися в сфере политической активности Ассирийского царства. Что в это время происходило дальше на восток—в Центральном и Восточном Иране—в этих источниках не отражено. Тем не менее некоторые современные историки, основываясь на данных ассирийской письменности, полагают, что ираноязычное население сначала проникло в Западный Иран. Они ведут его туда из степей Восточной Европы через Кавказ, хотя никаких следов движения иранцев этим путем в Азию археологическими памятниками этого и более раннего времени не засвидетельствовано. Вероятнее полагать, что ираноязычное население явилось в области, пограничные с Ассирией не с севера, а с востока, из Средней Азии.

Наиболее ранним иранским памятником в современном Центральном Иране считается могильник «Б» в Тепе Сиалке близ Кашана с его трупоположениями в скорченном виде и сопровождающим инвентарем. Исследовавший его Р. Гиршман датировал могильник X—IX вв. до н. э., но в настоящее время наблюдается тенденция к его омоложению в пределах IX—VIII вв. вплоть до 700 г. до н. э. Могильник «А» в той же местности относится к более раннему времени — к концу II тысячелетия до н. э., к XII—XI вв. и не связывается с иранцами. Было ли индоевропейское население на территории Ирана до вторжения туда иранцев — неизвестно. В Переднюю Азию индоевропейцы проникали из Малой Азии, где еще во II тысячелетии до н. э. существовали хетто-лувийские языки индоевропейского строя. Заимствования из индоевропейского были в касситском языке, появившемся на севере Передней Азии не позже XIX—XVIII столетий до н. э. Индоевропейские имена и слова известны в Северной Месопотамии, в особенности в царстве

Митани в верховьях Евфрата, на западе Армянского нагорья и по восточному побережью Средиземного моря, главным образом в хурритской среде, начиная с XVIII—XVII вв. до н. э. В дальнейшем из Малой Азии в Переднюю Азию вторглись родственные фригийцам армяне. Но все это относится к западной части Передней Азии.

По мнению Э. Герцфельда, в IX—VIII вв. до н. э. в Северо-Западном Иране было уже большое число ираноязычного населения, но наряду с ним оставалось еще много и туземцев, сохранивших свой язык и свою культуру. К памятникам последних относятся находки в Хурвине, Хасанлу, Марлике, Амлаше и других местах современного Северо-Западного Ирана. Предполагается, что скотоводческие ираноязычные племена, селясь среди туземцев, постепенно заняли господствующее положение и, распространяя среди них свой язык, сами восприняли местную культуру.

Расселение создателей срубной культуры по степной полосе Восточной Европы относится ко второй половине II тысячелетия до н. э. Вместе с ними вместо мышьяковистой бронзы северокавказского происхождения распространяется оловянистая приуральская бронза в формах, появляющихся вместе с сейминской культурой Прикамья и Среднего Поволжья. Эти последние возникают в готовом виде и обнаруживают близкое сходство с бронзами Западной Сибири. Есть основания полагать, что сейминская культура в Приуралье сложилась в результате миграции какой-то группы населения из Сибири, толчком для которой послужило возникновение карасукской культуры в Минусинском крае, по-видимому, центральноазиатского происхождения. Характерные для нее вещи, но в составе совершенно иной культуры известны по находкам в Монголии и Северном Китае — в столице древнего Иньского царства Аньяне, основание которой относится к XIV—XIII вв. до н. э. Должно быть, этим же временем следует датировать и возникновение карасукской культуры в Минусинском крае, связанное с вторжением в него нового населения.

Быстрое распространение по Северному Причерноморью срубной культуры, заимствовавшей от сейминской культуры более совершенное сибирское вооружение, сопровождалось вытеснением и ассимиляцией занимавшей его катакомбной культуры с ее вариантом — культурой многоваликовой керамики, оттесненной в самый начальный период срубной экспансии из междуречья Дона и Северского Донца до низовий Дона и Днепра. Около середины XIII в. до н. э. срубная культура оказывается уже на Днестре, где в составе замечательного Бородинского клада близ Белгорода-Днестровского найдены копья сейминского типа. К тому же времени срубная культура продвигается в степи Северного Кавказа, оттесняя к горам Кавказа господствовавшую там катакомбную культуру.

В последующее время в истории срубной культуры определяются два этапа: сабатиновский и белозерский, имевшие, по-видимому, не только хронологическое, но и территориальное значение. Памятники сабатиновского этапа распространены в северо-западном Причерноморье. В керамике наряду со старыми срубными формами появляются новые типы сосудов, как-то: черпаки с петельчатой ручкой, кубки с цилиндрической шейкой, широко открытые вазы с парой ручек и др. Они тонкостенные, подлощенные и иногда с прочерченным или гребенчатым орнаментом. Памятники сабатиновского этапа относятся к XII—XI вв. до н. э. и возникают, вероятно, в результате слияния населения срубной культуры с населением поздней катакомбной культуры, и усиливающегося влияния Карпато-Подунавья. Дальнейшее развитие сабатиновская керамика получает на белозерском этапе, а затем и в скифской культуре.

По словам Геродота, скифы считали своей прародиной Нижнее Поднепровье, где в Гилее (Полесье) обитала их прародительница полуженщина-полузмея — Эхидна, а по другой версии их прародителем был сын Зевса (Папая) и дочери реки Борисфена (Днепра) — Таргитай (IV, 5—6; 8—10). Однако более вероятным Геродот признавал сообщение поэта Аристея, в VI или даже в VII в. до н. э. побывавшего у варваров Евразии и написавшего поэму «Аримаспия» (IV, 12), известную только по приведенным у Геродота отрывкам. В этой поэме говорилось, что скифы вторглись в Северное Причерноморье из-за реки Аракс в Азии, потесненные там то ли приуральскими массагетами, то ли южноприуральскими исседонами, изгнали господствовавших в нем ранее киммерийцев в Азию и, преследуя их, сами оказались по соседству с мидянами (IV, 11). Так как появление скифов в Передней Азии по данным, независимым от Геродота, относится к VII в. до н. э., этим временем датируется и вторжение их в Северное Причерноморье.

Хотя древнее, ведущее свое происхождение от Аристея, мнение об азиатской родине скифов где-то за Араксом — Амударьей является господствующим и в современной науке, его достоверность подлежит сильному сомнению. Во-первых, ни массагеты, ни тем более исседоны не могли вытеснить скифов из-за Аракса, если под последним понимать среднеазиатскую реку Амударью. Эта река, через которую персидский царь Кир вступил в землю массагетов (I, 209—211), действительно названа Геродотом Араксом, так она по примеру Геродота именуется и позднейшими историками походов Александра Македонского. В действительности Амударья называлась в древности Оксом. Название же Аракс перенесено на нее из Закавказья, где река с этим именем существует и в настоящее время. Представления Геродота о географии стран, прилегающих к Каспийскому морю, как и о самом этом море, были крайне неопределенными, и перенесение сведений, относящихся к одной его сто-

роне, на другую было при этом условии не только возможным, но и неизбежным. Попытка некоторых ученых спасти положение путем замены Аракса на Оар, а Амударьи на Волгу основывается только на отдаленном созвучии первых двух имен. Геродот знал Волгу — Оар, хотя и не больше, чем по имени. Но он не мог спутать эту реку с Араксом, так как, по его же данным, Аракс вытекает из земли матиенов (I, 202) в современном Азербайджане, тогда как Оар протекает по земле меотов и впадает в Меотиду (IV, 123, 124) — Азовское море, т. е. соответствует Кубани или Дону. Однако Геродоту были известны другие древние имена двух последних рек, из чего следует, что Оар действительно означает Волгу, хотя она ошибочно и связывается им не с Каспийским, а с Азовским морем. Далее, в археологических памятниках нет никаких данных о вторжении в Северное Причерноморье в VII или VIII вв. до н. э. нового народа с особой культурой, что могло бы подтвердить сведения о появлении скифов именно в это время. Некоторые и притом немногие новые элементы в культуре Северного Причерноморья VIII—VII вв., как мы увидим ниже, не связываются ни со Средней Азией, ни с Сибирью, а скифская культура как таковая возникает только в VI в. до н. э.

Археология не знает ни о каком вторжении нового населения в Северное Причерноморье, которое могло бы соответствовать появлению там скифов и изгнанию ими киммерийцев, после указанного выше распространения срубной культуры к западу от Волги и вытеснения ею предшествующей катакомбной культуры, но оно относится не к VIII—VII вв. до н. э., а к значительно более раннему времени — к последней трети II тысячелетия до н. э. Ввиду этого в основе события, о котором говорится у Аристея — Геродота, может лежать только смена катакомбной культуры срубной, соответствующая замене одного народа другим, а именно киммерийцев скифами. Что же касается Азии и Аракса, то они появились потому, что в сообщении Аристея — Геродота смешаны два различных разновременных события. Скифы действительно приходили в Северное Причерноморье из Азии из-за Аракса, но не при своем там первом появлении, а значительно позже, в VI в. до н. э., возвращаясь через Кавказ после продолжительного пребывания в Передней Азии, о чем будет рассказано ниже. Совмещение двух событий в одно оказалось возможным потому, что сведения Аристея — Геродота основывались на смутных преданиях, из которых наиболее конкретными, естественно, были относящиеся к менее отдаленному времени, т. е. к возвращению скифов из Передней Азии. В них сохранилась память о закавказской реке Аракс, в представлении древних являвшейся границей между Европой и Азией. Но и в предании, относящемся к первоначальному появлению скифов, упоминаются реальные народы — исседоны или массагеты (восточные соседи скифов), предки которых представлены хотя

и родственной со срубной, но иной, андроновской культурой, давление которой на срубную вполне ощутимо по археологическим данным и во всяком случае могло вызвать распространение последней на запад, а не на восток.

Срубная культура была оседло-земледельческой и представлена на Волге и в Северном Причерноморье многочисленными поселениями с жилищами типа землянок, нередко отличающимися значительной площадью — около 100 м^2. Такие поселения в степи находятся по большей части в речных долинах на первой надпойменной террасе и содержат многочисленные остатки, свидетельствующие о занятии их обитателей не только земледелием на легких аллювиальных почвах, но и разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и даже свиней, а также, в благоприятных для этого условиях, рыболовством и охотой. Занимались они и домашними производствами, такими, как изготовление оружия, орудий и вещей бытового назначения из камня, дерева, кости, рога и глины, прядением, ткачеством и переработкой для нужд потребления других продуктов своего хозяйства: зерна, молока, мяса, шкур, кожи и т. д.

Им была известна и металлургия бронзы — литье в вырезанных из камня твердых формах или по восковой модели. Однако металл был дорог, он получался со стороны — из Приуралья или в северо-западном Причерноморье, и из Трансильвании. В переплавку шли сломанные или несоответствующие своему назначению вещи. Литейное производство осуществлялось специалистами, может быть, даже бродячими, в связи с чем находится значительное число кладов, состоящих из предназначенного для переплавки лома, незавершенной или готовой продукции и литейных форм. Они оставлены ремесленниками, по той или иной причине не сумевшими вернуться к зарытому ими добру.

Наиболее многочисленны на поселениях находки фрагментов керамики, представленной слепленными от руки прямостенными или со слабо выпуклыми стенками баночными горшками, а также приземистыми сосудами с широким устьем и выпуклыми с реберчатым перегибом боками, с расположенным по верхней части стенок нарезным или штампованным прямолинейным геометрическим орнаментом. С течением времени в керамике появляются новые формы, хотя наиболее распространенными долго остаются банки с налепным валиком в верхней части стенок или под самым краем.

В первые века I тысячелетия до н. э. оседлые поселения в степной полосе Восточной Европы исчезают, что может означать только одно, а именно смену комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства специализированным скотоводческим и в соответствии с этим оседлого образа жизни кочевым. Разведение домашних животных существовало с мезолита и с того же времени всегда сочеталось с другими видами хозяйственной дея-

тельности: охотой, рыболовством, собирательством и в особенности с земледелием. В зависимости от географических условий и совокупности хозяйственных занятий скотоводы вели оседлый или подвижный образ жизни и в соответствии с этим разводили те или другие виды животных. У оседлого населения предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту и свиньям, у подвижного — мелкому рогатому скоту и лошадям. Примитивная повозка на колесах была известна с энеолита, а кочевание как образ жизни существовало с древнейших времен, как непосредственное продолжение бродячего образа жизни палеолитических охотников. Однако, до конца эпохи бронзы скотоводство как у относительно оседлых, так и у более или менее подвижных общин было только одним из направлений хозяйственной деятельности, сочетавшимся с другими производствами в пределах каждого отдельного хозяйства. Оно могло играть в одних случаях бо́льшую, а в других меньшую роль, но не являлось единственной основой их существования.

Преимущественное внимание к разведению скота и увеличению его количества сверх пределов текущих потребностей данного хозяйства возникло тогда, когда скот и продукты скотоводства стали представлять собой меновую ценность, когда появилась возможность получения взамен их продуктов других производств. Только со времени развития регулярного обмена возникли специализированные скотоводческие хозяйства. При отсутствии значительных кормозаготовок содержание большого числа животных на подножном корму в одном месте было невозможным. Перегоняя скот с одного пастбища на другое, люди и сами вынуждены были порвать с оседлостью и сделаться кочевниками. В соответствии с природной средой возникают различные формы кочевания. В ровных степях это более или менее непрерывное передвижение в меридиональном направлении: с юга на север и с севера на юг — в зависимости от времен года и состояния растительности. Зимой скот пасется на обильных кормом бесснежных или малоснежных областях на юге, а летом, когда растительность выгорает от жары, содержится на севере, где травостой сохраняется более продолжительное время. В полупустынях и пустынях скот перегоняют с пастбища и на пастбище на значительные расстояния, определяющим возможность содержания скота здесь является наличие воды — естественных источников или колодцев, и путь кочевников пролегает между ними. В горах скот летом пасется на альпийских лугах, а зимой содержится в малоснежных долинах или в предгорьях. В зависимости от емкости пастбищ кочевники живут то большими, то маленькими общинами и в соответствии с кормовыми ресурсами пастбищ разводят те или иные виды животных с преобладанием во всех случаях овцы. В степях важную роль играет лошадь, в пустынях — верблюд. Главным транспортным животным во многих местах выступает бык или як. Передвижение людей и их

имущества совершается опять-таки в зависимости от географических условий или на применимой в ровной степи повозке, оборудованной в виде передвижного дома на колесах — кибитке, или во вьюках, характерных для пустынь и гор. В последнем случае на местах остановок ставятся разборные жилища — юрты, состоящие из деревянного каркаса и войлочной оболочки.

Несмотря на определяющее значение скотоводства, кочевые хозяйства при первой возможности совмещали его с другими видами производственной деятельности, в том числе и с земледелием. В некоторых случаях кочевники возделывали небольшие участки земли, но при минимальном уходе за посевами урожай не мог быть сколько-нибудь значительным. Больше внимания они уделяли охоте и переработке продуктов скотоводства — шерсти, кожи, но и эти занятия редко выходили за пределы удовлетворения внутренних потребностей. Все виды хозяйственной деятельности при кочевом скотоводстве играли вспомогательную роль и ни в коей мере не обеспечивали кочевников при утрате основного источника существования, например при падеже скота или угоне его неприятелями. Скотоводческое кочевое хозяйство не могло доставлять своими ресурсами все средства существования своим владельцам, недостающие продукты им приходилось приобретать путем обмена излишков своего производства на продукцию хозяйств с другим направлением экономической деятельности.

Выделение скотоводов из остальной массы варваров Ф. Энгельс назвал первым великим общественным разделением труда, из чего, однако, не следует, что кочевое скотоводческое хозяйство, несмотря на свою специализацию, было уже товарным, т. е. направленным на производство для обмена. Большая часть потребностей его владельцев удовлетворялась своими средствами и только сравнительно небольшая часть продуктов питания, орудий, оружия и в особенности предметов роскоши в виде тканей, посуды, украшений и тому подобных вещей, не изготовлявшихся в домашних условиях самими кочевниками, получалась со стороны.

Главными контрагентами в обмене с кочевниками могли быть общества с более высоким, чем они, уровнем экономического развития, с выделившимся ремеслом и организованной торговлей. Кочевники всегда были заинтересованы в торговых связях с этими обществами и очень остро реагировали на их прекращение. Ряд известных истории войн кочевников с соседями был вызван препятствиями, чинимыми правительствами этих обществ для торговли с ними. Способствовал контактам с инокультурным окружением и самый образ жизни кочевников с их регулярными передвижениями на значительные расстояния. Это обстоятельство, а также имевшаяся у кочевников развитая система транспорта делали их весьма удобными помощниками и посредниками торговцев, прибывающих из других стран. Тор-

говые караваны, пересекавшие пустыни и степи, проходившие через малодоступные горы, делали занятые кочевниками области подобными по значению морям, соединяющим отдаленные страны между собой и при том столь же опасными для путешественников, которым угрожали и стихии и человеческие страсти.

Раньше других перешли к кочевому образу жизни богатые хозяйства с большим количеством скота, но вскоре этот процесс охватил все население степей, так как наряду с кочевым скотоводством существование оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства стало невозможным: скот вытаптывал поля и травил посевы. В полупустынях и пустынях и раньше господствовал подвижный образ жизни, теперь же там, где при наличии искусственного орошения не окрепло земледельческое хозяйство, он остался единственным из возможных. В горах ввиду ограниченности передвижений связь с зимовниками оказалась более прочной и быт, как и раньше, остался полукочевым.

Существовавшее и прежде экономическое и социальное неравенство с возникновением кочевого скотоводства значительно усилилось. Одновременно увеличилась и эксплуатация бедных богатыми. Богатые хозяйства нуждались в рабочей силе для ухода за скотом, его охраны и переработки продуктов скотоводства. Беднота попадала в экономическую кабалу, до поры до времени прикрываемую маской родовой солидарности и взаимопомощи. За подачки в виде нескольких голов скота или даже только за право пользоваться молоком и шерстью определенного числа животных бедные сородичи также, как кабальные и рабы, должны были выполнять различные работы по хозяйству своего «благодетеля», обычно выступавшего вместе с тем в роли родовладыки или племенного вождя.

Огромную роль при кочевом образе жизни стала играть война. И не только потому, что кочевники были более приспособлены для этого занятия, а потому, что она стала своего рода производством-промыслом. Кочевое скотоводческое хозяйство было неустойчивым, скот нередко погибал вследствие эпизоотий и гололедов, или его похищали враги. Потерявшим скот грозило не только разорение, но и голодная смерть. Восстановить положение можно было, отобрав скот у других. К этому надо добавить столкновения из-за пастбищ и грабительские набеги с целью обогащения. Разбои и грабежи вместо обмена, завоевательные войны становятся обычными явлениями в кочевнической среде. Они были нужны и кочевой аристократии, таким путем добывавшей себе власть и богатство, и рядовым кочевникам, стремившимся за счет военной добычи улучшить свое материальное и социальное положение. Путем завоеваний и союзов в степях создавались огромные, но недолговечные империи, нередко распространявшие свою власть и на соседние оседло-земледельческие области, значительно более развитые в социально-

экономическом и культурном отношении, чем их завоеватели. Причиной же крушения таких империй чаще всего являлось соперничество и вражда между племенами, не пользовавшимися в них одинаковыми правами.

Заселение Северного Причерноморья народом срубной культуры, т. е. предками исторических скифов, происходило еще в условиях существования у него оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства. Переход к кочевому скотоводству совершился уже в период господства этого народа в степях Северного Причерноморья и растянулся на несколько столетий. Еще в IX в. до н. э. в долинах больших степных рек, таких, как Днепр и Дон, существовали оседлые поселения. Окончательно они исчезли в VIII в. до н. э. Но к тому времени относится и зафиксированное археологией общее запустение степей. Однако прежде чем заняться последним явлением, нам необходимо рассмотреть вопрос об отношениях киммерийцев и скифов.

У Геродота говорится, что при заселении Северного Причерноморья скифы изгнали обитавших там до них киммерийцев. По его словам, теснимые скифами киммерийцы собрались на Днестре и там решили, как им быть дальше. Киммерийские цари (вожди) настаивали на продолжении борьбы со скифами, но народ решил оставить свою страну. Тогда будто бы киммерийские цари разделились на две группы и, сражаясь между собой, перебили друг друга. Киммерийцы похоронили их у реки под таким высоким курганом, что могила была видна еще во времена Геродота, а сами удалились в Малую Азию, но путь для своего переселения странным образом выбрали не по ближайшему к цели западному, а по восточному берегу Черного моря (I, 103; IV, 11,12). Мало того, что второй путь был много труднее первого, он еще вел в сторону врагов, от которых уходили киммерийцы. Кроме того, возникают и хронологические противоречия. Если мы согласимся, что изгнание скифами киммерийцев произошло в последней трети II тысячелетия до н. э., когда народ срубной культуры оттеснил носителей катакомбной культуры к западной оконечности их территории, то это расходится с данными ассирийской письменности, в которой встревожившее ассирийцев появление киммерийцев (гимирри) в Закавказье на границе Ванского царства (Урарту) отмечено в 20-х годах VIII в. до н. э. С другой стороны, независимый от Геродота, значительно более поздний греческий писатель Страбон сохранил смутные воспоминания о нападении киммерийцев на Малую Азию с западной стороны Босфора из Фракии еще во времена Гомера или даже еще раньше (География, I, 2, 9; III, 2, 12). Время Гомера можно понимать по-разному — или как время создания гомеровского эпоса (считается, что это VIII в. до н. э.), или как время описанных в нем событий — Троянской войны (это XIII в. до н. э.). Когда же киммерийцы перешли через Босфор?

И Геродот (I, 6), и Страбон (I, 3, 21; III, 2, 12; XI, 2, 5; XIII, 4, 8; XIV, 4, 40) упоминает о нападениях киммерийцев на Малую Азию — от Пафлагонии в северной части этого полуострова до Эолиды и Ионии на юго-западе и Фригии в его центральной части; причем Страбоном они отождествляются с фракийским племенем треры, которое помещают на Балканском полуострове на реке Искыре между трибаллами и бессами (в северо-западной части современной Болгарии между Балканскими горами и Дунаем — Страбон, XIII, I, 8; XII, 7). Страбон же называет треров соседями фракийцев (I, 3, 18). По Фукидиду (История, II, 96, 4), треры относятся к фракийцам. В Малой Азии киммерийцы заселили часть Фригии восточнее Абидоса (Страбон, XIII, 1, 8), а по Стефану Византийскому (ВДИ, 1948, № 3, с. 345) они около ста лет владели на северо-западе Малой Азии городом Антандром, который даже назывался Киммеридой. Все это свидетельствует, что киммерийцы действительно вторгались в Малую Азию из-за Босфора. Возможно, что и отождествление киммерийцев с трерами имеет под собой серьезные основания. Изгнанные из Северного Причерноморья киммерийцы отступили в Карпато-Дунайскую область, где и смешались с фракийцами, в результате чего возникла так называемая фрако-киммерийская культура, распространенная, как полагают венгерские археологи, широкой полосой вдоль Карпат и в Подунавье. Однако время, когда смешанное население этой области достигло Босфора и начало свои разбойничьи нападения на Малую Азию, остается неизвестным.

Страбон (XIII, 4, 8; XIV, 1, 40) в качестве источников своего осведомления об этих нападениях ссылается на Каллина, поэта первой половины VII в. до н. э., и на Каллисфена, писателя IV в. до н. э. Со слов последнего он знает, что царь Лидии Гиг (Гуггу) погиб в борьбе с киммерийцами, а столица этой страны Сарды была ими захвачена (кроме кремля) при его сыне Ардисе. О том же сообщает и Геродот (I, 15). Время жизни Гига В. В. Струве определяет между 692 и 654 гг. Еще раньше, около 676—674 гг., сын мифического основателя Фригийского царства Гордия Мидас (асс. Мита) отравился бычьей кровью, чтобы не попасть в руки киммерийцев (Страбон, I, 3, 21). Из этого следует, что наиболее значительные выступления киммерийцев в Малой Азии относятся к VII в. до н. э., но это то время, когда там находились не только западные киммерийцы, т. е. фрако-киммерийцы, явившиеся в Малую Азию из-за Босфора, но и киммерийцы, вторгшиеся туда через Кавказ.

Эти последние разбили выступившего против них урартского царя Русу I, а в 679/678 г. сами были разбиты ассирийцами, при чем погиб их царь Теушпа. Но это не остановило киммерийцев. Теперь они напали на расположенную в середине Малой Азии Фригию, затем и на Лидию. Предводителем киммерийцев, взявших г. Сарды, был, по Страбону (I, 3, 21), известный Плутарху

(Марий, XI) и Каллимаху (Гимны, III. К Артемиде) Лигдамис, погибший в дальнейшем в Киликии, в юго-восточной части Малой Азии, пограничной с Ассирией. В гимне Ашшурбанипала богу Мардуку он упоминается под именем Тугдамме, царя Умман-Манды. Вторично Сарды были захвачены в 645 г. до н. э. Кобом, стоявшим во главе сближаемых с киммерийцами треров.

Из всего этого следует, что восточные киммерийцы и западные фрако-киммерийцы разбойничали в Малой Азии приблизительно в одно время, нападая на нее с разных сторон, возможно, но не обязательно находясь в связи друг с другом, а также что в рассказе Геродота об изгнании киммерийцев из Северного Причерноморья совмещены два события, одно из которых относится к западным киммерийцам, а другое — к восточным. Переселение киммерийцев при этом могло быть не только двухактным, но и отделенным одно от другого значительным промежутком времени.

Срубная культура разрезала катакомбную на две части, из которых одна оказалась прижатой к Днестру и вместе со своими создателями ушла за Карпаты, а другая, восточная, удержалась в Азово-Каспийском междуречье — только оттуда киммерийцы могли попасть в Малую Азию через Кавказ.

В. А. Городцов пытался определить киммерийские памятники Северного Причерноморья, но смог выделить в их число только некоторые виды позднебронзовых предметов, которые в дальнейшем оказались относящимися к позднейшему второму периоду срубной культуры. О. А. Кривцова-Гракова признала срубную культуру этого периода киммерийской; к этому мнению присоединились и многие другие археологи. Однако еще в этом периоде памятники сабатиновского этапа срубной культуры распространяются по всему Северному Причерноморью, не отличаясь существенным образом ни в одном из его районов, что дало бы возможность выделить из господствующего скифского населения остатки сохранивших свою независимость киммерийцев. Позже, на белозерском этапе некоторые особенности выступают в кизыл-кобинской культуре Крыма и в сходных с нею памятниках Прикубанья на северо-западном Кавказе. Однако кызыл-кобинская культура горного Крыма, по-видимому, восходит к дольменной культуре западного побережья Кавказа и генетически не связывается с занимавшей степной Крым катакомбной культурой. Это культура известных по письменным источникам тавров, которых многие исследователи без достаточных к тому оснований считали остатком киммерийцев, сохранившимися под защитою Крымских гор.

В своем продвижении на юг срубная культура оттесняла катакомбное население Азово-Каспийского междуморья к горам Кавказа. Она рано заняла Доно-Манычскую степь; в поселении Ливенцовка в низовьях Дона сохранились следы упорного сопротивления, оказанного ей прежними хозяевами этой области с их

многоваликовой керамикой. Сооруженное ими укрепленное поселение, с напольной стороны огражденное рядом разделенных узкими проходами больших жилищ со сложенными из камней стенами, некоторое время выдерживало нападение осыпавших его кремневыми стрелами людей срубной культуры, но в конце концов пало, как, вероятно, и многие другие очаги сопротивления разрозненных катакомбных племен. Под натиском срубников катакомбное население степей Азово-Каспийского междуморья отходило к Кавказу и проникало в предгорья к югу от Кубани. Но и туда вслед за ним распространялась срубная культура, по меньшей мере в некоторых характерных для нее элементах.

В Доно-Манычской области не найдено в катакомбных погребениях глиняных курильниц 3-го типа по классификации А. А. Иерусалимской, какие находятся в других областях катакомбной культуры Азово-Каспийского междуморья и характерны для позднейшего этапа ее существования. К XI в. до н. э., ко времени возникновения кобанской культуры горного Кавказа катакомбные могилы вообще прекращают свое существование. К этому времени по всей степной полосе господствующими становятся сильно скорченные погребения на боку с кистями рук у лица, впущенные в насыпи или в материк более древних курганов. По большей части они безинвентарные или сопровождаются одним грубым горшком баночной формы. Такие погребения относятся к срубной культуре, но они распространены значительно шире занятой ею области и характерны для всего позднебронзового века. Ввиду этого можно предположить, что в составе культуры поздней бронзы, унифицированной срубным влиянием, в степи Азовско-Каспийского междуморья могло сохраниться киммерийское население, в особенности в прикаспийской ее части, геофизические условия которой не отвечали требованиям типичного срубного хозяйства.

В Прикаспийской степи, несмотря на значительные раскопки, не встречено памятников срубного типа. Эпоха бронзы закончилась там катакомбными погребениями едва ли моложе XI—X вв. до н. э., и взамен их не известно памятников иного рода вплоть до V в. до н. э. Около половины тысячелетия эта область остается незаселенной. В порядке предварительного предположения все же можно допустить, что если не там, то все же где-то в пределах Азово-Каспийского междуморья до VIII в. до н. э. оставалась часть киммерийцев, сохранившихся в виде особого народа в период господства в южной половине Восточной Европы ираноязычных создателей срубной культуры.

Известные истории три имени киммерийских вождей в Малой Азии — Теушпа, Лигдамис (Тугдамме), Сандакшатру считаются иранскими, что служит основанием некоторым ученым относить киммерийцев, как сарматов и скифов, к ираноязычным народам. Однако, если связывать киммерийцев с катакомбной культурой,

такое заключение невероятно, катакомбная и срубная культуры настолько различаются между собой, что об общем их происхождении и этническом родстве не может быть и речи. Следовательно, если имена киммерийских вождей действительно иранские, их можно отнести только на счет срубного влияния на катакомбную культуру. А если это так, то влияние могло не ограничиться именами, а распространиться и на другие стороны киммерийской культуры. Это тем более вероятно еще и потому, что сама срубная культура на последних этапах своего существования претерпела существенные изменения, охватившие также и другие соседние культуры. Иными словами, киммерийская культура за время контактов со срубной культурой могла настолько сблизиться с последней, что распознание археологических памятников той и другой стало почти невозможным.

Самым главным условием унификации степных культур было распространение кочевого скотоводства и вместе с ним новых форм быта, при которых многие прежние элементы культуры должны были исчезнуть, уступив свое место другим, более соответствующим изменившемуся образу жизни и новым отношениям между различными группами и слоями населения. Даже такой устойчивый, консервативный признак культуры, как обряд погребения, отступает под натиском новых обстоятельств и утрачивает многие прежние черты, что существенным образом усложняет задачу установления преемственности, а следовательно, и распознавания этнических образований.

В недавнее время Э. С. Шарафутдинова выделила особую, кобяковскую культуру, представленную несколькими поселениями на Нижнем Дону. Она определила ее хронологию X—VIII вв. до н. э. и отметила сходство ряда характерных для этой культуры элементов с распространенными в то же время на Северном Кавказе. Таким образом, оказывается, что в первые века I тысячелетия до н. э. сформировавшаяся где-то поблизости от Северного Кавказа, т. е. в Азово-Каспийском междуморье, особая культура, иначе говоря, особое этническое образование распространяется к Нижнему Дону и в течение по крайней мере двух столетий противостоит не только кобанской культуре Кавказа, но и заполняющим тогда Приазовско-Причерноморские степи кочевникам с тем, чтобы в VIII в. исчезнуть без следа. Было бы преждевременно уже теперь отождествлять кобяковскую культуру с киммерийцами, но она является бесспорным свидетельством нахождения в Азово-Каспийском междуморье населения, не совпадающего ни с населением горного Кавказа, ни со скифами Северного Причерноморья, а следовательно, и возможности открытия, если не в виде этой самой культуры, то какой-то другой, еще не обнаруженной среди совершенно недостаточно изученных древностей конца эпохи бронзы и начала железа в этой области, культуры предполагаемых киммерийцев.

Хотя изложенная гипотеза остается не обоснованной прямыми археологическими данными, она мне представляется более вероятной, чем все другие, получившие отражение в литературе и также не доказанные бесспорными материалами. Киммерийцы могли сохраниться как особый народ до переселения их в Малую Азию в VIII в. только в пределах Азово-Каспийского междуморья, так как только оттуда они могли пройти к новому месту своего поселения по восточному побережью Черного моря. А они появились в Малой Азии через Закавказье, об этом согласно свидетельствуют и клинописные тексты, и Геродот.

Резюмируя сказанное, можно признать, что исторические скифы ведут свое происхождение от народа срубной культуры, в последней трети II тысячелетия до н. э. вытеснившего из Северного Причерноморья большую часть отождествляемого с киммерийцами народа с катакомбной культурой. Эта западная часть киммерийцев ушла за Дунай и Карпаты и через Балканский полуостров вместе с фракийцами вторглась в Малую Азию. Оставшаяся в Азово-Каспийском междуморье восточная часть киммерийцев в течение нескольких столетий сосуществовала в соседстве с иранской срубной культурой и за это время, как и последняя, утратила многие из своих прежних этнографических признаков, а затем в VIII в. до н. э. переселилась, как и ее западные соплеменники, в Малую Азию, но уже не по западному, а по восточному берегу Черного моря.

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ В АЗИИ

По Геродоту, скифы, преследуя изгнанных ими из Северного Причерноморья киммерийцев, сбились с пути и вместо того, чтобы идти вдоль западного побережья Кавказа, где шли киммерийцы, двинулись по Каспийскому побережью и поэтому оказались не в Малой Азии, куда удалились киммерийцы, а в Передней Азии в бассейне Аракса севернее озера Урмии (I, 103; IV, 12) в стране, называемой у Страбона Сакасена (XI, 8, 4; 44, 4), а позже под этим именем (Шакашен) известной армянам. Но этим несообразности в рассказе Геродота не ограничиваются. Из древневосточных источников известно, что киммерийцы появились в Малой Азии в 20-х годах VIII в. до н. э., тогда как первые упоминания о скифах в тех же источниках относятся к 70 гг. VII в. Вторжение тех и других в Азию, следовательно, разделяет по меньшей мере пятьдесят лет, что не согласуется с понятием о преследовании. Ясно, что преследования в собственном смысле этого слова не было, что киммерийцы и скифы ушли в Азию

независимо друг от друга и при этом в совершенно разные места. Едва ли можно сомневаться, что те и другие с самого начала знали, куда идут и на что могут рассчитывать в новом месте поселения. Киммерийцы знали, что в Малой Азии они найдут ранее переселившихся туда соплеменников, а скифы выбрали себе новое место поселения по соседству с родственными с ними ираноязычными мидянами.

Вторжение скифов в Азию обычно рассматривается как кратковременное военно-грабительское предприятие, как поход или несколько следующих один за другим походов, поскольку скифы неоднократно и в течение довольно длительного времени выступают в переднеазиатских событиях. Некоторые исследователи, опираясь на Страбона (XI, 8, 4), связывающего с саками вышеупомянутое название лучшей области древней Армении (современного Азербайджана) Сакасена, полагают, что совместно со скифами или вперемежку с ними действовали среднеазиатские саки и что по имени последних эта область и получила свое название.

По словам Страбона, саки дошли до Каппадокии и Евксинского (Черного) моря, но персы в этой стране напали на них ночью во время праздники и совершенно уничтожили. В честь этого события персами был будто бы учрежден ежегодный праздник Сакеи (XI, 8, 4). В легендарном рассказе об этом празднике саки явно подставлены вместо скифов, действительно уничтоженных, хотя и не персами, а мидянами. Персы овладели Малой Азией значительно позже ухода скифов из Азии; о походах же саков до Черного моря иначе, как в составе персидской армии, никаких других сведений не имеется. Следует иметь в виду, что персы называли саками не только среднеазиатских варваров, но и близко родственных с ними северочерноморских скифов так же, как греки распространяли имя скифов на среднеазиатских саков. Ввиду этого персидское название занятой скифами страны — страна саков вовсе не требует для своего объяснения поселения в ней саков, а не скифов. И те и другие были настолько близки между собой, что название одного из этих народов легко переходило на другой.

Продолжавшееся в течение почти ста лет участие скифов в событиях, происходивших в Передней и Малой Азии, не может быть квалифицировано как один или несколько походов скифов из Северного Причерноморья. О серии походов не приходится говорить не только потому, что об этом умалчивают источники, а главным образом потому, что скифы выступают в Азии в определенном месте, в занятой ими названной области, и притом в течение длительного времени, чего не могло бы быть при эпизодических появлениях. Это были не походы, а переселение с расчетом остаться в оккупированной стране.

В качестве возможной причины переселения можно было бы предположить так называемый «демографический взрыв»,

обычно сопровождающий существенные улучшения в условиях существования людей, т. е. быстрое увеличение населения вслед за переходом его в северочерноморских степях к специализированному скотоводческому, а следовательно, и кочевому хозяйству. В данном случае следовало бы, пожалуй, говорить не о перенаселении в собственном смысле этого слова, а о значительном увеличении поголовья скота у населения степей и о возникшем в связи с этим остром недостатке пастбищ для его содержания. Впрочем, одно с другим настолько тесно связано, что термин «перенаселение» покрывает и то и другое. Но эта причина маловероятна, так как перенаселение могло привести, как это обычно и бывает, к выселению излишков населения, а не к тому обезлюдению степей Северного Причерноморья, какое констатируют археологи, сопоставляя количество памятников VIII—VII вв. с числом их предшествующего времени. Полагают также, что вторжение скифов в Переднюю Азию может быть связано с вступлением их в период «военной демократии», при которой война и грабеж становятся своего рода производством, промыслом. При этом, однако, имеется в виду не переселение в собственном значении этого слова, а военно-грабительские походы скифов в страны Древнего Востока. Но мы уже показали, что появление скифов в Передней Азии было не эпизодическими военными предприятиями, а настоящим переселением, ввиду чего и мотивировка его жаждой обогащения отпадает. Война и грабеж сами по себе никогда не являются целью народных переселений, для них существуют другие, более глубокие причины. Война и грабеж сопровождают переселения, а не вызывают их. Остается думать, что причиной переселения скифов были серьезные изменения в окружающей их природной среде, вызванные периодически происходящими климатическими колебаниями.

Наиболее ярким следствием климатических колебаний в Восточной Европе являются изменения уровня Каспийского моря. Главный водосбор Волги, питающей Каспийское море, находится в средней полосе Восточной Европы, из чего следует, что количество выпадающих в ней осадков определяет уровень не только самой реки, но и Каспийского моря. Распределение же осадков в Восточной Европе зависит от преимущественного направления приносящих их атлантических циклонов, проходящих то по южной, то по средней, то по северной ее полосе. Когда господствуют циклоны, проходящие над южной, аридной зоной, степи покрываются буйной растительностью, но зато Волга и Каспий мелеют. Наоборот, при прохождении циклонов над средней частью страны количество воды в Волге и Каспийском море увеличивается, но степи страдают от засухи. При северном направлении циклонов в Арктике происходит потепление, а средняя и южная части страны испытывают недостаток в увлажнении. Причины перемещения циклонов неизвестны, но

раз выбранное ими направление удерживается на долгое время, что приводит к серьезным изменениям даже в распределении ландшафтов по стране — в засушливые периоды степь наступает на лесостепную полосу и оттесняет ее к северу.

Наступление засушливого периода в степях Северного Причерноморья и могло послужить причиной переселения скифов в Азию, в предгорья и горы с их более устойчивым распределением осадков и растительности. Другие причины переселения скифов отсутствуют. Но если это так, то и предшествовавшее скифскому переселение киммерийцев в VIII в. до н. э. могло быть вызвано той же причиной. Занимавшие наиболее засушливую, полупустынную часть Восточной Европы — прикаспийскую степь, киммерийцы раньше, чем скифы, могли испытать на себе тяжесть неблагоприятных климатических условий и двинуться в другую страну. Примерно через 50 лет в таком же положении, как они, оказались и северочерноморские скифы, также не нашедшие другого выхода из него, кроме переселения, и устремившиеся в Азию.

Это было не стихийное беспорядочное бегство людей куда попало, а переселение по заранее разработанному плану, свидетельствующее, что скифы, как и ранее киммерийцы, представляли собой организованное общество, скорее всего в виде союза племен, управляемого советом родоплеменных властей и выбранными ими военными предводителями. Такие союзы создавались скифами, вероятно, и раньше, но с более ограниченными целями и не столь значительные по размерам. Теперь же в союз вошло большинство кочевого населения Скифии, для которого передвижение на далекое расстояние не составляло неразрешимой проблемы, и, возможно, какая-то часть оседлого, как и кочевники, испытывающего губительное влияние засухи. О самом передвижении скифов в Азию ничего неизвестно, кроме того, что путь их пролегал по побережью Каспийского моря. Никаких памятников, оставленных ими на этом пути, не обнаружено, а те находки в Дагестане, которые относятся за счет скифов, датируются значительно более поздним временем, чем переселение. Точно так же и так называемые скифские памятники Азербайджана оставлены не скифами, а другими народами, вовлеченными в процесс становления скифской культуры после переселения скифов в Азию.

Внимание археологов давно уже обращено на запустение Северного Причерноморья в VIII—VII вв. до н. э., что выражается в значительном уменьшении числа памятников, относящихся к этому времени, сравнительно с предшествующим и последующим периодами. Указывалась и непосредственная причина запустения, а именно уход киммерийцев и скифов в Азию. Однако со всей реальностью и с полным своим значением это явление выступает только в настоящее время, когда мы можем назвать подлинную его причину, а именно ухудшение кли-

матических условий, к которым особенно чувствительным было еще неокрепшее кочевое хозяйство.

Не следует думать, что переселения киммерийцев и скифов привели к полному обезлюдению степей Северного Причерноморья. Часть прежнего населения в них осталась в тех местах, где можно было пережить длительную засуху, например в особенно обильно увлажненных долинах больших рек, хотя наиболее удобные участки их, где раньше находились поселения срубной культуры, были ввиду подъема воды в реках затоплены или заливались водой в половодья. Уцелело население и в лесостепной полосе, где сохранялось оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Там произошли лишь некоторые перемещения отдельных групп населения в связи с изменениями в ландшафте. Так, именно в это время оседлое население с культурой скифского типа появилось в лесостепном днепровском левобережье, где его раньше, по-видимому, не было. По правую сторону Днепра земледельческое население сдвинулось к северу вслед за перемещением границы степи с лесостепной полосой. Впрочем вопрос о перемещениях земледельческого населения в Скифии остается еще недостаточно изученным и приведенные выше заключения являются первыми и предварительными соображениями.

Ранее скифов переселившиеся в Малую Азию из Азово-Каспийского междуморья киммерийцы выступают в переднеазиатских источниках, если исключить сомнительное упоминание их в хетской иероглифической надписи середины VIII в. до н. э. из Кархемиша о разгроме царства Кулха в Закавказье (вероятно, на р. Чорох), в донесениях ассирийских шпионов из Ванского царства, относящихся к 722—715 гг. до н. э. В них сообщается о разгроме ванского царя Русы I, причиненном киммерийцами во время похода на них через область Куриани (Гурианиа), где-то близ северо-западной границы Ванского царства, вероятно, еще на пути киммерийцев к Малой Азии (ВДИ, 1939, № 1, с. 266—368). В 679—678 гг. до н. э. киммерийцы вторглись в Ассирию, но потерпели поражение. Царем их в это время вавилонская хроника называет Теушпу, а местом события Кушехну, сответствующую, по-видимому, Хубушну (Хубушкия) в верховьях реки Тигр, так указано в анналах Асархаддона. В своей хронике ассирийский царь с торжеством заявляет: «Теушпу киммерийца, земля которого далеко, я убил и войско его уничтожил». Несколько позже Асархаддон с тревогой вопрошает бога Шамаша: «...сбудутся ли планы... воинов гимири (киммерийцев)?» В то же время киммерийцы значатся в числе наемного войска Ассирии.

Сопоставляя данные восточных и греческих источников, И. М. Дьяконов представляет дальнейшую историю киммерийцев следующим образом: около 676—674 гг. до н. э. киммерийцы в союзе с Ванским царством и еще каким-то народом разгро-

мили находившееся в центральной части Малой Азии государство Фригию. Союз между Ванским царством и киммерийцами в 672 г. весьма обеспокоил Ассирию, опасавшуюся нападения на область Шубрию на северной границе Ассирийского царства в Сасунских горах по соседству с Ванским царством.

Около 660 г. до н. э. Лидия в западной части Малой Азии и Табал на востоке близ Ассирии обращаются к ассирийцам за помощью против киммерийцев, что не помешало последним напасть на Лидию. В битве с ними около 654 г. до н. э. лидийский царь Гуггу (Гиг) был убит, а столица его царства Сарды взята и разграблена победителями. В 50-х—40-х годах на помощь Лидии пришла, наконец, Ассирия. Направленные ею в Малую Азию скифы под предводительством своего царя Мадия разбили киммерийцев, которых тогда возглавляли Лигдамис (Тугдамме) и его сын Сандакшатру. Известно, что первый из них погиб в Киликии, в юго-восточной Малой Азии вблизи границы с Ассирией. Мадию же приписывается победа и над трерами — фракийским племенем, предводителем которого был Коб. Имеются сведения, что треры вновь после киммерийцев взяли Сарды в 645 г. до н. э.

Имя Лигдамиса было известно Плутарху (Марий, XI), который называет его предводителем наиболее воинственной части киммерийцев, под давлением скифов вторгшейся в Малую Азию от Меотиды (Азовского моря), тогда как на самом деле ко времени жизни этого царя киммерийцы уже не менее 70—80 лет жили и бесчинствовали в Малой Азии.

Борьба скифов с киммерийцами и их союзниками фракийскими трерами, закончившаяся поражением тех и других и поселением киммерийцев в Каппадокии по реке Галис (Кызыл-Ирмак), и послужила, по всей вероятности, основой для созданной греками легенды о неутолимой вражде к киммерийцам и о преследовании их скифами от Северного Причерноморья до Малой Азии, благодаря чему и сами скифы будто бы попали в Азию.

В действительности, как мы видели, скифы появились в Азии значительно позже киммерийцев и за несколько десятков лет до столкновения с ними в Малой Азии. Первое упоминание скифов в ассирийских источниках, как уже говорилось, относится к семидесятым годам VII в. до н. э., когда они в союзе с маннейцами и мидянами выступают против Ассирии. Вождем скифов этого времени называется Ишпакай, а занятая ими страна граничит на юго-востоке с мидянами, на юге с царством Манна, а на западе с Ванским царством. Точные границы ее неизвестны, но приблизительно она находилась между северной оконечностью озера Урмия и рекой Курой, охватывая, вероятно, Мильскую степь, занимавшую угол между Курой и Араксом. По словам Страбона (XI, 8, 4), это была лучшая земля в Армении, в которую в те времена входила западная часть современного Азербайджана. На новом месте своего жительства скифы, несомненно, встрети-

лись с туземным населением, и, хотя неизвестно, как они с ним поступили, вероятнее всего полагать, что аборигены были ограблены, частью истреблены, а частью изгнаны или подчинены скифами и в случае надобности входили в той или иной роли в их ополчения.

Согласно имеющимся данным, едва успевшие обосноваться на новом месте скифы немедленно были вовлечены в войну, кипевшую тогда между народами Передней Азии. Около 674 г. до н. э. Ассирия вела борьбу с восставшими против нее мидийскими племенами. При этом ассирийским отрядам пришлось иметь дело не только с мидянами, но и с пришедшими им на помощь скифами, появившимися в ближайших к Ассирии мидийских областях Сапарда и Бит-Кари, куда скифы могли проникнуть только через территорию Маннейского царства, возникшего южнее и восточнее озера Урмия еще в конце IX в. до н. э. путем объединения оставшихся и после того полузависимыми маннейских племен. Это царство в то время тоже воевало с Ассирией. Маннейцы с участием скифов захватили ряд пограничных ассирийских крепостей. Положение Ассирии было явно неблагоприятным, несмотря на то, что в хвалебной надписи Асархаддона говорится о разгроме маннейцев и гибели «войска Ишпакаи, скифа, союзника, не спасшего их».

В то же время в так называемых оракулах — вопросах к богу Шамашу — в качестве союзников маннейцев упоминаются киммерийцы. Невероятно, чтобы это были те же самые киммерийцы, которые в то время разбойничали в Малой Азии. Скорее всего термин «гимирри», означающий народ, уже известный Ассирии, употреблен здесь в смысле «северные варвары» в приложении к плохо еще знакомым скифам. В одном из писем к ассирийскому царю говорится о каких-то переговорах с «киммерийцами» и о том, что они обещали не вмешиваться в ассиро-маннейские отношения. Между тем восстание мидян расширялось. Под руководством своего вождя Каштарити они осаждали господствовавшие над их страной ассирийские крепости. Почти вся Мидия была потеряна ассирийцами. Ассирия пыталась завязать переговоры и с Каштарити и со скифами с целью разорвать их союз. Замечательно, что в одном из сохранившихся документов этого времени наряду с «киммерийцами» названы скифы, из чего можно заключить, что в борьбе с Ассирией принимали участие не только скифы, но и другие народы, среди которых обосновались вышедшие из Северного Причерноморья скифы. Все они покрывались общим именем «киммерийцы», равнозначным нарицательному обозначению их северными народами, причем скифы едва ли еще занимали среди них господствующее положение.

В ходе войны с Ассирией вождь скифов Ишпакаи был убит. Его наследник Партатуа (у Геродота Прототий) значится уже не вождем, а царем страны Ишкуза, т. е. Скифского царства. Из

этого следует, что положение скифов изменилось в занятой ими стране: глава их из племенного вождя превратился в подобного другим восточным правителям царя. Партатуа пошел навстречу предложениям Ассирии и, изменив прежним союзникам, перешел на ее сторону. В награду он получил в жены дочь Асархаддона, а вместе с тем и признание его нового положения как главы Скифского царства, вероятно, включавшего в свой состав не только скифов, а и подвластные им туземные племена, ставшие теперь скифами по своей политической принадлежности. В результате перемены в политике скифов Ассирии с их поддержкой удалось отбить мидян и удержать часть своих владений в их стране. Зато все остальные части Мидии полностью освободились от власти Ассирии и основали независимое Мидийское царство, вставшее рядом с Маннейским и Ванским царствами. В тылу у них всех находилось союзное с Ассирией Скифское царство.

В 660—659 гг. до н. э. Ассирия напала на Маннейское царство и ее войска осадили важнейшие города страны: столицу царства Изырты (предполагаемый современный г. Саккыз), Узбию (Зивийе), Урмейаше (Армаит), но взять их не смогли, а ограничились угоном окрестного населения в плен и захватом главного богатства страны — скота. После ухода ассирийцев в Манну вспыхнуло восстание подвластного населения, царь Ахсери был убит, а его наследник обратился за помощью к Ассирии. Возможно, что справиться с восставшими ему помогли союзники Ассирии скифы. В пятидесятых годах того же столетия царь их Мадий со своими скифами был направлен Ассирией в Малую Азию для войны с киммерийцами и трерами, о чем уже говорилось. Мадий выступает как подручный ассирийского царя, выполняющий его поручения. Скифы прошли в Малую Азию, вероятно, через территорию Ассирии, так как ассирийцы не сомневались в их верности и послушании.

После этого известия о скифах прекращаются более чем на 30 лет, должно быть, не потому, что они утратили свою политическую самостоятельность и перестали угрожать соседям, а потому, что письменных памятников этого периода известно очень мало. Скифы вновь появляются на исторической арене только в последней четверти VII в., когда руководящая роль в политической истории Древнего Востока определенно переходит от Ассирии к Вавилону. Этот период в истории скифов в Азии тщательно исследован В. А. Белявским по клинописным, еврейским и греческим источникам. Ему мы и следуем в дальнейшем изложении.

Огромный город и важнейший центр древневосточной культуры Вавилон входил в состав Ассирийской империи. В 627 г. он восстал, и царем его стал Набопаласар, создавший мощную коалицию противников Ассирии, в которую в первую очередь вошла Мидия. Мидийский царь Фраотр в 625 г. выступал против Асси-

рии, но был разбит и пал в сражении. Во главе Мидии стал его сын Киаксар. Одержав победу над ассирийцами в 623—622 гг., мидяне осадили столицу Ассирийского царства Ниневию. Город спасли явившиеся на выручку скифы. Они оставались верными союзниками Ассирии. 623—622 годом В. А. Белявский начинает отмеченный Геродотом 28-летний период господства скифов над Азией. Он полагает, что отбив мидян от Ниневии, «скифы, словно ураган, прошли через Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта. Фараон Псамметих I с большим трудом откупился данью от их нашествия». В источниках, кроме упоминания у Геродота в связи с нашествием скифов египетского фараона Псамметиха I, умершего в 610 г., нет никаких данных о скифских завоеваниях в это время. Да и об установлении какого господства можно говорить в результате подобного урагану набега? По словам Геродота, скифы 28 лет господствовали над Азией, налагали дани, подвергали население поборам и неистовствам. Для установления такого рода господства «набега» явно недостаточно, а требуется подчинение страны с организацией какой-то формы управления ею завоевателями.

Новое обострение борьбы между противниками относится ко второй половине второго десятилетия VII в. до н. э. К этому времени обе стороны заручились сильными союзниками. Ассирия опиралась на поддержку Египта, Маннейского и, вероятно, Ванского царств, на стороне Вавилона, кроме Мидии, называется Умман-манда. Это название употреблялось и ассирийцами и вавилонянами как нарицательное в отношении к киммерийцам и даже мидянам и значило варвары, т. е. то же, что и киммерийцы до тех пор, пока древний мир не ознакомился с киммерийцами как особым народом и его название из нарицательного не стало собственным, относящимся только к нему, а не к неизвестным северным народам вообще. В данном случае народом манда названы народы, во главе которых стояли скифы, что явствует из сообщений библии, относящихся к крушению Ассирийского царства. Вавилону, следовательно, удалось порвать союз скифов с Ассирией и перетянуть их на свою сторону.

В 614—613 г. до н. э. мидяне двинулись на Ассирию и по пути встретились со скифами, возможно, как и раньше, выступившими на помощь Ассирии. Однако при свидании Киаксара с царем скифов главе мидян удалось уговорить скифского царя примкнуть к вавилонской коалиции. Мидяне и скифы направлись на Ниневию, туда же поспешили и вавилоняне. Соединенные силы союзников осадили город и через три месяца в августе 612 г. до н. э. штурмом овладели им. Ассирийский царь во избежание плена сжег себя вместе с наложницами, евнухами и сокровищами в своем дворце, население города было в значительной части вырезано, имущество его разграблено, а сам город разрушен. Победители захватили огромную добычу и множество пленных. После этого мидяне удалились с добычей в свою страну,

а вавилоняне и скифы остались продолжать войну за покорение Ассирии.

После падения Ниневии борьба продолжалась еще несколько лет, причем главным противником Вавилона в это время выступает Египет, спешивший прибрать к своим рукам владения Ассирии. Вавилоняне воевали с ним с помощью то мидян, то скифов. В 605 г. до н. э. вавилоняне взяли последний оплот Египта в Месопотамии — город Кархемыш на правом берегу Евфрата — и уничтожили всю египетскую армию. После этого вавилоняне вместе со скифами устремились в Палестину и Египет. Фараон Нехо (у Геродота ошибочно назван Псамметих — I, 104) с большим трудом в 600 г. отразил их нашествие. Память о скифах сохранилась в библии книге пророчеств Иеремии. Участвовавшие в этом походе скифы в 604 г. сожгли знаменитый храм Астарты-Афродиты в Аскалоне на берегу Средиземного моря в Палестине (Геродот, I, 104). Имя скифов осталось за местностью, где находилась крепость Скифополь возле Бетсана на реке Иордан. Там помещался лагерь и кладбище погибших от эпидемии скифов.

При разделе ассирийского наследства между победителями Вавилон забрал себе собственно ассирийские владения, скифам достались связанные с Ассирией союзным договором Маннейское и Ванское царства. Подчинение их стало главной задачей скифов после взятия Ниневии. Оккупация Маннейского царства, по-видимому, не представила особых затруднений, но при подавлении сопротивления Ванского царства скифам пришлось обратиться за помощью к Вавилону и Мидии. В 609—607 гг. военные действия велись на территории Ванского царства. Кроме скифов в них принимали участие вавилоняне и мидийцы. Мидяне на первое время удовлетворились захваченной ими добычей в Ниневии.

В 597 г. согласие между скифами и Вавилоном нарушилось по неизвестному поводу. Над Вавилоном нависла угроза со стороны скифов и подвластных им Ванского и Маннейского царств. В числе врагов Вавилона пророк Иеремия называет и мидян, но по Геродоту именно ими опасность для Вавилона была ликвидирована. Мидийский царь Киаксар в 595/94 г., заманив скифских царей на пир, перебил их (Геродот, I, 106) и таким образом обезглавил Скифское царство. Надо полагать, что измена мидян была подстроена Вавилоном, согласившимся на передачу им доставшихся скифам бывших ассирийских владений. Действительно, мидяне немедленно после убийства скифских царей приступили к захвату подчиненных скифам областей. Дезорганизованные гибелью своих вождей, скифы не могли оказать сильного сопротивления и вынуждены были отступать на запад, к границе с Лидией. Один из эпизодов войны мидян со скифами стал известен благодаря археологическим раскопкам в местности Кармир-Блур (Красный Холм) возле Еревана. Там находилась

ванская крепость Тейшебаини, занятая, как показали сделанные в ней находки, скифским гарнизоном. Мидяне штурмом овладели этой крепостью и сожгли ее. Вероятно так же они расправлялись и с другими опорными пунктами скифов в их владениях, в том числе и со столицей Ванского царства г. Тушпой на Ванском озере.

Маловероятно, что при первых же ударах мидян скифы покинули Азию и бежали в Северное Причерноморье. А именно так представляет себе события В. А. Белявский, датирующий окончание 28-летнего господства скифов в Азии 595/594 г. На самом деле мидянам понадобилось более пяти лет, чтобы овладеть подчиненными скифами областями и в 590 г. столкнуться с Лидией, тоже претендовавшей на скифское наследство. К этому времени Лидия уже успела оккупировать Каппадокию, где жили киммерийцы, вероятно, до этого тоже находившуюся в сфере скифской гегемонии. Туда же, по-видимому, оказались оттесненными и отступившие перед мидянами скифы.

По рассказу Геродота, война между Мидией и Лидией разгорелась потому, что лидийский царь Алиат отказался удовлетворить требование Киаксара о выдаче укрывшихся в Лидии скифов. По его словам, группа скифов, служивших Киаксару, в отместку за причиненную им обиду угостила его и других собравшихся на пир мидян мясом обучавшихся у них стрельбе из лука мидийских мальчиков и немедленно затем скрылась в Лидии. Трудно поверить, что даже столь возмутительное, но частное событие могло вызвать войну двух держав; оно могло послужить только поводом для нее. Подлинная же причина, надо полагать, заключалась в том, что отступившие к границе Лидии скифы при поддержке киммерийцев усилили отпор мидянам, а заинтересованная в сохранении за собой Каппадокии Лидия пришла им на помощь. И, конечно, Алиат встал на защиту не преступников, бежавших в его страну, как повествует Геродот (I, 74), а интересов Лидийского царства, совпавших в данном случае с интересами скифов.

Война с участием Лидии продолжалась еще более пяти лет с переменным успехом, пока, наконец, при содействии Вавилона до этого занятого тяжелыми войнами с Египтом и Иудеей, между враждующими сторонами не был заключен мир, по которому владения скифов в Азии, включая Каппадокию, отошли к Мидии, граница которой таким образом отодвинулась на запад до реки Галис. Лидии пришлось удовольствоваться признанием ее власти над Фригией. Существенное добавление к своим владениям получила Киликия, ставшая теперь южным соседом мидийской Каппадокии.

Дата прекращения войны между Мидией и Лидией точно известна благодаря сообщению Геродота о том, что во время сражения произошло солнечное затмение. Это было 28 мая 585 г. Оно остановило кровопролитие и разъединило врагов,

после чего и начались мирные переговоры. Перед силами грозных врагов — Мидии и поддерживающего ее Нововавилонского царства Лидия вынуждена была согласиться на продиктованные ей условия, по которым скифам и киммерийцам не оставалось места в Азии и они должны были уйти туда, откуда пришли, т. е. в Северное Причерноморье. По словам Геродота, Алиат изгнал киммерийцев из Азии (I, 16) за то, что они были врагами скифов, согласно своей, как мы видели, несостоятельной версии о неутолимой вражде между скифами и киммерийцами, в силу чего будто бы те и другие и появились в Азии. На самом деле скифам и киммерийцам по сложившимся обстоятельствам пришлось действовать заодно и разделить общую для тех и других судьбу.

«Скифы,— говорит Геродот,— владычествовали над Азией в течение двадцати восьми лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Они взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, но кроме дани совершали набеги и грабили, что было у каждого народа» (I, 106). Указанные этим автором 28 лет владычества скифов в Азии в точности соответствуют времени между падением Ниневии в 612 г. и заключением мира между Мидией и Лидией в 585 г., что же касается характеристики этого владычества, то у Геродота она настолько выразительна, что не требует дополнительных комментариев. Скифы, используя свое военное превосходство, паразитировали в Передней Азии. Они вернулись в Северное Причерноморье с укоренившейся привычкой жить за чужой счет и с соответствующей этому военной организацией. Скифское предание о возвращении из Передней Азии в Северное Причерноморье было соединено с легендой об их первоначальном вторжении в Северное Причерноморье, благодаря чему в нем и появилась река Аракс, за которой скифы действительно находились, но не на своей первоначальной родине, а во время пребывания в Передней Азии.

СКИФСКАЯ КУЛЬТУРА

Скифы пробыли в Передней Азии около 90 лет. Вернувшиеся в Северное Причерноморье скифы отличались от своих предков, вторгшихся в Азию, не только составом, но и культурой. За время пребывания их в Азии сменилось три поколения, из родившихся в Северном Причерноморье едва ли кто остался в живых. При тесных контактах с цивилизациями Древнего Востока культура скифов не могла не измениться, в особенности в части внешних,

материальных элементов. В связи с их господствующим положением среди туземцев в Азии произошли существенные перемены в социальных отношениях. Одной из них было превращение племенного вождя в восточного царя со всеми относящимися к нему прерогативами, в том числе и с почитанием его священной особы.

То новое в области материальной культуры, что скифы принесли из Азии, можно определить лишь путем сравнения скифской культуры, какой она выступает в Северном Причерноморье после их возвращения, с их же культурой перед вторжением в Переднюю Азию. К сожалению, о культуре скифов перед их переселением в Азию мы можем составить только самое общее представление. Это уже была не срубная культура в ее классическом виде, так как ко времени переселения скифы стали кочевниками, в связи с чем многие характерные для срубной культуры элементы должны были исчезнуть вместе с доставившими наиболее многочисленные данные об этой культуре поселениями. К интересующему нас времени могут относиться выделенные В. А. Городцовым погребения в насыпях и на горизонте с сильно скорченными скелетами на боку, но эти впущенные в более древние курганы погребения отличаются почти полным отсутствием сопровождающих покойников вещей. В лучшем случае в них находится грубый глиняный горшок баночной формы.

В. А. Городцов выделил в составе кладов и случайных находок металлические вещи, относящиеся к концу эпохи бронзы в европейской части СССР, и признал их киммерийскими, поскольку в его представлении до конца VII в. до н. э. в Северном Причерноморье обитали киммерийцы. В настоящее время выделенные В. А. Городцовым формы связываются с поздними периодами срубной культуры — сабатиновским и белозерским. В 1953 г. появился труд А. А. Иессена, посвященный кладу, обнаруженному в г. Новочеркасске. В нем находились собранные в качестве лома для переплавки бронзовые вещи: топор, две пары удил и части нескольких пар удил того же типа, пара псалий, обломки бронзового стержня и половинка формы для отливки втульчатых двухперых наконечников стрел. Топор и удила с псалиями новочеркасского типа были известны по находкам кобанской культуры на Северном Кавказе, а наконечники стрел — по ранним комплексам скифской культуры. А. А. Иессен подыскал для этих вещей и другие аналогии из находок в Северном Причерноморье, в том числе одну, происходящую из документированного погребения в кургане № 375 у с. Константиново Черкасской области, где вместе с удилами новочеркасского типа находился небольшой чернолощеный кубок с полосой геометрического орнамента, заполненного белой пастой. Он датировал вещи Новочеркасского клада временем от середины VIII до середины VII в. до н. э., отметив, что в это время они одинаково могли принадлежать и киммерийцам и скифам.

В последние годы открыты три погребения с вещами того же типа: у с. Зольное близ г. Симферополя, у с. Бутенки Полтавской области и у с. Носачево Черкасской области. Первое было найдено во впускной могиле в кургане с несколькими другими погребениями, два других обнаружены при сельскохозяйственных работах. В этих погребениях кроме бронзовых удил новочеркасского типа находились бронзовые и костяные, гладкие и орнаментированные бляшки, причем в центре костяных бляшек с геометрическим орнаментом из кружков и спиралей из носачевского погребения изображена характерная четырехконечная звездочка, известная по ряду произведений скифского времени. Этой звездочкой специально занимались М. И. Вязьмитина и В. А. Ильинская. Первая из них определила ее как солярный знак, связанный с восточной богиней плодородия, известной под именами: Иштарь, Кибела, Астарта, Анахита и другие, вплоть до греческой Афродиты. Такие звездочки на вещах Мельгуновского клада, Келермесских курганов, кургана 12 у с. Жаботин и других, относящихся к раннескифскому времени. В. А. Ильинская дополнила перечень вещей с этим знаком памятниками, относящимися, как она полагает, к доскифскому времени, в частности бронзовым навершием скипетра из могильника близ г. Кисловодска с вещами того же рода, что и в вышеперечисленных погребениях в Северном Причерноморье. При всех этих погребениях были бронзовые наконечники стрел с ромбическим или овально-ромбическим пером и длинной втулкой, близкие к представленным литейной формочкой из Новочеркасска. В погребениях у Бутенок и Носачева найдены железные наконечники копий, в Бутенках с круглыми дырочками в нижней части пера возле втулки. В Зольном и Носачеве, кроме того, обнаружены обломки железных двулезвийных мечей с брусковидным навершием на рукоятке, какое типично для акинаков. В носачевском погребении оказались бронзовые бляшки, сходные с изображенными на конской упряжи в ассирийских рельефах времени Саргона II и Ашурбанипала, т. е. последней четверти VIII и VII вв., что соответствует датировке указанных погребений по времени Новочеркасского клада. Исследователи указанных погребений А. А. Щепинский и Г. Г. Ковпаненко считают их киммерийскими. Они характеризуют культуру, с которой киммерийцы и скифы переселились в Азию и которая продолжала существовать в Северном Причерноморье вплоть до их возвращения.

В 1971 г. в кургане Высокая Могила близ с. Балки Васильковского района Запорожской области открыто еще два погребения так называемого киммерийского типа. Они были впущены в высокую насыпь большого кургана эпохи бронзы, помещены в деревянных срубах и сопровождались значительным инвентарем. У одного из погребенных был железный кинжал с овальной головкой на бронзовой рукоятке и с перекрестьем со свисающими

концами. От ножен сохранилась золотая обойма, а от портупеи застежка. Среди других вещей была золотая бляха с инкрустациями и характерный лощеный кувшин с узким горлом. При другом погребении в срубе, обмазанном глиной и украшенном охрой орнаментом, у головы покойника были бронзовый обруч и золотая массивная серьга, при нем же золотая застежка с алебастром. Из оружия здесь были бронзовый кинжал без рукоятки и граненые наконечники стрел, а из принадлежностей конского снаряжения бронзовые двукольчатые удила. Это погребение тоже сопровождалось орнаментированным сосудом и многочисленными остатками жертвенной пищи.

Пока в предварительном порядке можно лишь отметить, что эти погребения представляют первый случай наличия в могилах этого типа золотых вещей. Не меньший интерес вызывает и сходство орнаментации на инкрустированной золотой бляхе с орнаментом на золотых вещах Михалковского клада, найденного в 1878 г. в Поднестровье в районе г. Каменец-Подольского и относимого к VIII—VII вв. до н. э., это усиливает связь так называемой киммерийской культуры с карпато-дунайским гальштатом и подкрепляет предположение о возникновении этой культуры на основе форм, распространявшихся в Северное Причерноморье не с Северного Кавказа, а из Средней Европы, причем сам Северный Кавказ оказывается в области их бытования. Там они получили своеобразное развитие в кобанской культуре и в известной мере определили ее облик.

Из вышесказанного следует, что к числу вещей, известных скифам до их переселения в Переднюю Азию, и остававшимся на месте до возвращения из Азии скифов-царских и даже некоторое время после этого, относятся бронзовые наконечники стрел. В странах Древнего Востока скифы появились как конные лучники. Вооруженные небольшими сигмаобразными луками и запасом стрел, они оказались непобедимыми для тяжеловооруженной пехоты и конницы древневосточных государств, в армиях которых главной ударной силой были боевые колесницы с находившимися в каждой из них возничим и одним или двумя воинами с большим арочным луком, мечом и щитом. Скифы легко ускользали от их натиска и, осыпая врагов тучами стрел, пользуясь быстротой своих коней, то исчезали, то вновь появлялись перед противником с той или другой стороны, изматывая его непрерывностью своих атак.

Скифы вторглись в Азию, вооруженные стрелами с костяными и кремневыми наконечниками, какие были в широком употреблении в Евразии в течение всего бронзового века. Появившиеся в андроновской и срубной культурах бронзовые ромбические или листовидные наконечники стрел с втулками были еще очень редки. В период пребывания скифов в Азии эти стрелы получили широкое распространение и были усовершенствованы

путем превращения наконечника из плоского в более устойчивый при полете трехперый.

Типология наконечников скифских стрел ныне хорошо разработана. Как наиболее распространенные находки, они играют важную роль в первоначальной хронологизации комплексов, в составе которых встречаются. Для VII—VI вв. до н. э. характерны двухлопастные наконечники стрел лавролистной или ромбической формы с довольно длинной втулкой, иногда с выступающим сбоку нее изогнутым шипом, но тогда же появляются и трехлопастные наконечники с внутренней втулкой, занимающие в последующее время (V—IV вв. до н. э.) преобладающее положение. Двухлопастные еще в начале V в. до н. э. выходят из употребления. Во второй половине V в. распространяются наконечники с треугольной и башневидной головкой, в дальнейшем получившие особенно широкое применение. В IV в. наконечники стрел становятся вытянутыми, жаловидными, но известны стрелы и с треугольной головкой и широким основанием, возникающие еще в V в. Железные наконечники не получили в Скифии сколько-нибудь широкого применения, хотя довольно часто находятся на Кубани и Верхнем Дону, костяные же встречаются в течение всего скифского периода. Они бывают пирамидальные, конусовидные, пулевидные и другие.

Лук вместе со стрелами скифы носили в коробке, подвешенной на поясе с левой стороны (горит). Одни стрелы хранились в колчанах из кожи и дерева. В некоторых погребениях IV в. до н. э. находят по нескольку колчанов с сотнями стрел. Едва ли в таком количестве они имели только военное употребление. Возможно, что бронзовые наконечники стрел служили и разменной монетой, о чем можно заключить по находкам в Ольвии и Добрудже стрелкообразных бронзовых слитков, явно не предназначенных для употребления по основному назначению этого рода предметов. Скифские луки известны только по изображениям. Они были деревянные, склеенные из разных пород дерева; остатками их в могилах, куда они клались вместе со стрелами, являются костяные накладки, на которые натягивалась тетива. Судя по длине стрел, луки достигали в длину 80—100 см, а по письменным известиям, били на расстояние до 0,5 км.

Прототипы копий также существовали еще у предков скифов в бронзовом веке, а ко времени вторжения скифов в Азию наконечники копий изготовлялись не только из бронзы, но и из железа. Подобно стрелам, они были листовидной формы с узким высоким ребром посредине, не переходящим во втулку. У поздних экземпляров перо отличалось шириной и в длину достигало двух третей общей длины с втулкой. Имеются наконечники копий и без выделенного ребра, а просто со скатами в обе стороны. Среди поздних встречаются наконечники остролистной формы с ребром и без ребра посредине. Последние даже преобладают. Тупой конец древка копья снабжался цилиндрической или

рюмкообразной втулкой — втоком, или подтоком. Древко копья имело от 1,75 до 2,20 м в длину.

Из-за неустойчивости посадки всадники пользовались для удара копьем рукой, а не силой движения лошади и часто метали его в противника на близком расстоянии. Наряду с копьями применялись специальные метательные дротики. Они были короче и легче копий и имели жаловидный или тонкий заостренный наконечник на длинном оканчивающемся втулкой стержне. От такого дротика, не поразившего врага, а вонзившегося в щит или другой оборонительный доспех, нельзя было быстро освободиться, перерубив мешающее свободно действовать древко, острый же и тонкий наконечник пробивал панцирь. В могилах при одном воине находятся кроме копья по два дротика, впрочем, встречается и по нескольку копий.

Менее распространенными, чем стрелы и копья, были мечи и кинжалы. Прототипы этого вида скифского оружия в бронзовом веке Евразии неизвестны. Характерные для позднебронзового века листовидные ножи или кинжалы с упором между клинком и черенком для рукоятки, равно как и более длинные клинки с параллельными лезвиями, исходными для характерной формы этого рода скифского оружия быть не могли. Редко встречающиеся железные мечи с бронзовой рукояткой, грибовидным навершием и прямым узким перекрестьем, датируемые VIII—VII вв. до н. э., генетически со скифскими мечами и кинжалами не связываются, как и целиком железные мечи с рукояткой, воспроизводящей биметаллические экземпляры.

Метеоритное железо было известно давно, и из него посредством ковки иногда выделывались даже одинаковые по форме с бронзовыми кинжалы, но подлинная металлургия железа начинается только со времени открытия способа восстановления этого металла из руды. В Восточной Европе железо получает распространение не позже VIII в. до н. э., т. е. еще до переселения киммерийцев и скифов в Азию, и продолжает развиваться во время их отсутствия. Так как отмеченные выше ранние образцы железного оружия представляют формы, существенно отличающиеся от бронзовых, надо полагать, что они не возникли на месте, а появились вместе с искусством выплавки железа из руды и ковки со стороны, из области более древнего железоделательного производства. Откуда именно — остается, несмотря на предпринятые в свое время исследования, не выясненным.

Оставив вопрос о происхождении железного оружия в предскифском периоде открытым, следует еще раз подтвердить, что скифские мечи и кинжалы не связываются с предшествующими образцами этого рода оружия типологически, т. е. не представляют дальнейшего развития свойственных им форм. Они созданы, по-видимому, в Передней Азии в период пребывания там скифов совместно с мидянами, почему и стали оружием, общим для

тех и других, а через Мидию распространились в Среднюю Азию и Сибирь.

Скифские мечи отличаются от кинжалов только длиной. У мечей длина клинка варьирует от 0,50 до 0,85 см, у кинжалов от 0,17 д 0,50 см. Форма клинка удлиненно треугольная и только у наиболее длинных мечей в верхней части края параллельная. Вдоль клинка посредине утолщение или ребро. Наиболее оригинальным является устройство рукоятки, у древнейших с овальным или брусковидным навершием и почковидным или бабочкообразным перекрестьем. Второй половиной VI—V вв. до н. э. датируются мечи и кинжалы с антенным навершием, у которого боковые концы загибаются кверху и иногда трактуются в зверином стиле в виде головки хищной птицы или когтей. Последние относятся преимущественно к V в. до н. э., но встречаются и в комплексах IV в. Однолезвийные мечи, появляющиеся в IV в. до н. э., очень редки.

Греки называли скифский меч акинаком и считали его оружием мидян и персов. В Иране он известен по находкам в ряде памятников конца бронзового и начала железного века, а также по изображениям на рельефах VI—V вв. до н. э. Скифы, занимавшие ванскую крепость Тейшебаини на рубеже VII—VI вв., были вооружены типичными акинаками, из чего можно заключить, что свое оформление этот вид оружия получил в период пребывания скифов в Азии. Скифские мечи, как и кинжалы, были в большей мере колющим, а не рубящим оружием и в соответствии с этим носились на поясе справа или спереди в деревянных ножнах, в ряде случаев украшенных золотой обкладкой и у верхнего края снабженных лопастью для подвешивания. У мидо-персов конец ножен такого меча привязывался к ноге и с этой целью снабжался круглым наконечником. Скифский меч был оружием ближнего боя, малопригодным для сражения верхом на лошади. Им пользовались в случае вынужденного спешивания для самообороны или для того, чтобы прикончить поверженного врага.

Одинаково пригодными для пешего и конного боя были топор и клевец, или чекан, различающиеся между собой тем, что у одного более или менее широкое рубящее лезвие, а у другого — круглое или граненое острие. И тот и другой — с проухом для насаживания на рукоятку и с выступающим обушком. Проушные топоры находятся не часто и выступают по большей части как принадлежность парадного вооружения, как традиционный символ социального положения и власти. Парадные топорики небольшие — клиновидные с четырехгранным обушком или вытянутые и более или менее изогнутые с расширением для проуха и с молоточкообразным обушком, иногда заменешным головкой животного или птицы. Есть случаи, когда и клинок трактован в виде скульптурного изображения головки животного или птичьего клюва. Клевцы встречаются очень редко, а двулезвий-

ные топоры — секиры известны только по изображениям, по всей вероятности представляющим не соответствующие действительности привнесения изображавших скифов греческих художников.

Как оружие могли употребляться длинные однолезвийные ножи с прямой спинкой. В большинстве случаев ножи с прямой или горбатой спинкой и костяной рукояткой находятся в погребениях парами вместе с остатками жертвенной пищи.

Встречаются и цельнометаллические бронзовые ножи со звериной головкой на конце рукоятки, вероятно, культового назначения. Судя по находкам в погребениях грубо обработанных камней округлой формы, скифы пользовались для метания пращой.

Защитное оружие у скифов не имело широкого распространения: оно было принадлежностью знатных воинов, редко встречающейся у рядовых. Чаще всего находятся остатки панцирей, подобных ассирийским и урартским из чешуйчато нашитых на кожу железных, бронзовых и реже костяных пластинок, прикрывавших грудь, спину и плечи. Очень редки греческие бронзовые нагрудники. К защитному вооружению относится и широкий пояс, покрытый узкими железными и бронзовыми пластинками. Он прикрывал живот, но к нему, как и к специально портупейным поясам, подвешивалось оружие. Последние нередко украшались бронзовыми бляхами в зверином стиле. Шлем и поножи находятся редко; за исключением наиболее ранних, так называемых кубанских шлемов, они греческие. Происхождение «кубанских» остается неустановленным. Тяжелые крытые железными пластинами щиты очень редки, чаще употреблялись небольшие легкие щиты разнообразной формы из дерева, обтянутого кожей.

Об орудиях и вещах бытового назначения речь пойдет ниже, здесь же рассмотрим не менее важную, чем оружие, часть скифской материальной культуры, относящуюся к снаряжению коня. Поскольку скифы были конными воинами, конь и его снаряжение входят в понятие вооружения.

Лошадью, как средством передвижения, степняки пользовались издавна. Начиная с середины II тысячелетия до н. э. одновременно с металлическими удилами с надетыми на их концы металлическими псалиями, удерживающими удила во рту лошади и помогающими управлять ею, распространенными в Передней Азии, в Евразии употреблялись сделанные из ремней или сухожилий мягкие удила с такими же по принципу устройства, как на Востоке, но костяными или роговыми псалиями. У костяных псалий кроме центрального отверстия, в которое пропускался конец удил для прикрепления к нему повода, устраивалось меньшее по размеру боковое отверстие с перпендикулярным к большому направлением для привязывания к нащечному ремню оголовья уздечки. У роговых псалий таких боковых

отверстий делалось два в соответствии с двумя концами нащечного ремня. Наибольшее распространение получили трехдырчатые псалии с боковыми отверстиями, расположенными в одной плоскости с центральным. Они известны от Венгрии до Алтая и явились прототипом металлических псалий с металлическими же удилами, применявшимися на Ближнем Востоке в VIII—VII вв. до н. э. во время появления там киммерийцев и скифов.

Бронзовые удила делались литые из двух звеньев, соединенных подвижно круглыми петлями между собой и с псалиями, прикрепленными к кольцам на концах. Наиболее древними бронзовыми удилами в Восточной Европе являются цельнолитые, состоящие из двух подвижных звеньев с двумя кольцами по наружным концам каждого звена и, кроме того, с подвижными дополнительными звеньями с отростком в виде шляпки для повода. С этими удилами соединяются бронзовые трехпетельчатые псалии со шляпкой на одном конце и изогнутой широкой лопастью на другом. Происхождение этого типа удил, известного по находкам в южной части Европы, А. А. Иессен связывает с Северным Кавказом и называет его кобанским. Второй тип удил с большими ординарными кольцами на концах тоже характерен для Северного Кавказа, но известен и в Южной Сибири до Алтая включительно. Соответствующие ему удила употреблялись в Иране, где, вероятно, этот тип удил и появился. Наиболее распространенным в Евразии был третий тип со стремявидными концами. Он возник не позже второй половины VII в. до н. э., по всей видимости, в Передней Азии. В Северном Причерноморье с этим типом часто применялись не металлические, а костяные трехдырчатые псалии. В Средней Азии и в Сибири встречаются удила с небольшим кольцом перед стремявидным концом. По-видимому, они восходят к двукольчатым удилам и представляют звено, соединяющее последние с удилами со стремявидными концами.

Бронзовые удила первого из этих типов, кроме Кавказа, найдены в нескольких пунктах на Дону и в двух-трех местах степного Поднепровья. Большая же часть их происходит из лесостепного днепровского Правобережья. На левой стороне Среднего Днепра известна всего одна находка этого типа из с. Бутенки в бассейне реки Ворсклы. Такие удила обнаружены в Крыму, где самая замечательная находка сделана во впускном погребении у с. Зольное близ Симферополя. Принимая во внимание локализацию находок, бронзовые удила первого, или кобанского, типа следует относить ко времени еще до ухода кочевых скифов в Переднюю Азию, а главным образом к периоду их отсутствия в степном Причерноморье, т. е. к VIII—VII вв. до н. э. Вместе с этими удилами в Скифии распространялись и другие бронзовые принадлежности конского снаряжения, такие, как большие кольца с подвижной муфтой, круглые ажурные бляшки с дужкой

позади, пуговицы, украшенные криволинейным геометрическим орнаментом, и такие же лунницы. С удилами находятся также кавказские бронзовые топоры кобанского типа, отмеченные выше мечи или кинжалы с овальным навершием и прямым перекрестьем, железные наконечники копий с круглой или граненой втулкой и наконечники стрел с овально-ромбическим пером на длинной втулке. Несмотря на нахождение в комплексах этих вещей кобанских топоров, кавказское происхождение удил кобанского типа остается неустановленным, и возможно, что они, как и другие сопутствующие им вещи, проникли в Северное Причерноморье из другого источника.

Удил второго типа в Северном Причерноморье не найдено. Что касается бронзовых удил со стремявидными концами, то они также, как и удила первого типа, известны преимущественно по находкам в лесостепной полосе Скифии. В степи они встречены в небольшом кургане возле Цимбаловой могилы у с. Большая Белозерка вместе с архаическими наконечниками стрел, бронзовой пуговицей и чернолощеным узкогорлым сосудом с заполненным белой пастой геометрическим орнаментом. Пара удил этого типа обнаружена в кургане № 2 близ Мелитополя. К степным погребениям относятся удила из впускного скорченного погребения в кургане № 1 у с. Черногоровка Изюмского района. Железные удила со стремявидными концами находятся редко. При замене бронзовых удил железными стремявидный конец заменяется загнутой петлей. Псалии при этом тоже изготовляются из железа. Бронзовые стремявидные и железные с петлями на концах удила иногда находятся вместе, причем и у тех и у других псалии трехпетельчатые железные. И те и другие удила имеются в занятой скифами ванской крепости Тейшебаини возле Еревана и в погребениях Северного Причерноморья VI в. до н. э.

Удила со стремявидными концами в Северном Причерноморье генетически не связываются с предшествующими им по времени удилами с двукольчатыми концами, т. е. они не могли возникнуть в этой области. Промежуточные формы, соединяющие между собой эти два типа удил, известны по находкам в Средней Азии, где стремявидные концы удил снабжены еще и небольшим кольцом или круглым отверстием в их расширенном основании. Поскольку непосредственная связь Северного Причерноморья со Средней Азией в скифское время исключается, надо полагать, что переход от двукольчатых удил к удилам со стремявидными концами совершился в Передней Азии и что последнего вида удила в готовом виде принесены скифами из Азии и только в VI в. распространились в Северном Причерноморье. В Средней Азии они, как и другие формы предметов «скифской триады», могли появиться ненамного раньше.

Редчайший случай сочетания в одном комплексе бронзовых двукольчатах и стремявидных удил представлен в жаботинском

кургане № 2. Раскопавший его В. В. Хвойка указывает, что кроме замечательных роговых пластинок с гравировками, подвесок в виде лежащего двухголового козла, пронизок и орнаментированных псалий в нем находились две пары удил. В качестве аналогий последних он приводит удила, изданные во 2 выпуске «Древностей Приднепровья», точное происхождение которых, к сожалению, неизвестно. М. И. Вязьмитина отождествила с жаботинскими удилами удила, значащиеся в Киевском музее найденными в Пруссах, где по дневнику В. В. Хвойка они не упоминаются. Несмотря на эту неувязку, отождествление В. И. Вязьмитиной не вызывает сомнений, но частично основанное на нем ее заключение о хронологии находки не является убедительным. Поскольку двукольчатые удила датируются VIII—VII вв., она, принимая во внимание найденные вместе с ними стремявидные удила, относит жаботинский комплекс к концу VII в., тогда как определяющими хронологию в данном случае являются более поздние стремявидные удила, появляющиеся в Северном Причерноморье вместе со скифами, вернувшимися из Азии, т. е. не ранее конца 80-х годов VI в. до н. э. Отсюда следует, что и двукольчатые удила еще бытовали в начальные десятилетия этого столетия.

С V в. до н. э. псалии не привязываются к концам удил, а вкладываются в кольца на их концах. В соответствии с этим трехдырчатые псалии заменяются двудырчатыми. Изменяется устройство и ременной части узды. Костяные или бронзовые пронизки заменяются перекрывающими узлы разнообразными бляхами с петлей на обороте. Особо выделяются наносная бляха, расположенная между налобным и наносным ремнями, и соответствующие ей нащечные бляхи. Седел с твердой основой и стременами скифы, как и весь древний мир, не знали. Они пользовались вместо седла двумя соединенными между собой подушками, положенными вдоль лошадиного хребта и закрепленными под брюхом лошади подпругой, а также нагрудным и подхвостным ремнями.

Считается, что оружие и конское снаряжение представляют наиболее характерные элементы скифской культуры. Это действительно так, но то и другое, как мы видели, очень слабо связано с формами доскифской культуры, но зато во многом находится в зависимости от культуры Передней Азии и, что особенно замечательно, состоит в близком соответствии с того же рода элементами современных со скифскою культур Средней Азии и Сибири. С наибольшей отчетливостью зависимость скифской культуры от переднеазиатской выступает в третьем члене «скифской триады», в зверином стиле.

Под скифской триадой принято понимать три группы характерных для скифской культуры элементов, а именно: оружие, конское снаряжение и звериный стиль. О первых двух было сказано выше, что же касается третьего, то скифский звериный стиль отличается большим своеобразием и обладает признаками,

не свойственными никакому другому искусству. Но и здесь необходимо сделать существенную оговорку: скифский стиль не был достоянием одних скифов, он, как оружие и конское снаряжение, был широко распространен в Средней Азии и Сибири в первую очередь в тех областях, которые заселяли иранские народы.

Никаких произведений изобразительного искусства, кроме геометрических орнаментов на глиняной посуде, в памятниках срубной культуры не обнаружено. Если исходить из этого, то надо полагать, что скифы вторглись в Переднюю Азию, не имея в части изобразительного искусства ничего, кроме геометрической орнаментации. Однако принято думать, что искусство звериного стиля возникает в Евразии не позже рубежа VII—VI вв. до н. э., т. е. еще до возвращения скифов из Азии, что, следовательно, возникновение его не находится в связи с пребыванием скифов в странах Древнего Востока. Сюжеты и формы древнейших памятников скифского искусства свидетельствуют о другом.

Число сюжетов в скифском искусстве очень ограниченно. Наиболее распространенными являются: голова птицы с загнутым клювом, лежащее на подогнутых под туловище ногах копытное животное — олень или козел и напоминающий пантеру кошкообразный хищник, стоящий, лежащий или свернувшийся кольцом. Вот и все, не считая более редких сюжетов и некоторых разновидностей уже указанных, из которых следует особо отметить голову лошади или подобного ей длинноухого животного — осла или мула — и голову то ли барана с птичьим клювом, то ли птицы с бараньими рогами, изогнутыми вокруг глаз. Все эти сюжеты не местного происхождения. Голова птицы с большим круглым глазом и сильно изогнутым клювом хорошо известна в древневосточном искусстве, где она, как и у скифов, нередко настолько схематизирована, что от нее остались только круглый глаз и примыкающий к нему в виде завитка клюв. В других случаях она явно представляет фантастического грифона с ушами и полураскрытым клювом с виднеющимся в нем языком. К грифону, по-видимому, восходит и образ барано-птицы. Непонятные завитки так называемых локонов, свешивающиеся по сторонам малоазийского грифона, вполне могли быть поняты как рога и трактоваться в виде реалистических рогов барана.

Изображения козла или оленя, лежащего с подогнутыми ногами, издавна известны в искусстве Месопотамии и явно являются прототипами скифских произведений того же рода. Сложнее с изображением пантеры, барса или леопарда — кошкообразного хищника, представленного то стоящим, то идущим на согнутых лапах, то свернувшимся кольцом так, что морда его касается кончика хвоста. В древневосточном искусстве хищник обычно изображался в образе льва. Пантера, свойственная горным областям северной части Ближнего Востока и Закавказью, только там и могла занять место царя зверей. В живот-

ном мире Северного Причерноморья пантера вообще неизвестна и, следовательно, в скифское искусство могла проникнуть только из указанных выше областей своего обитания. Мотив изогнутого кольцом хищника не встречается в древневосточном искусстве, но в нем имеются сильно скорченные фигуры хищников в геральдических композициях, вписанных в окружность, что и обусловило скорченность фигур зверей. Образ сильно скорченного зверя и мог породить характерный для скифского искусства мотив изогнутого кольцом животного. Мул и осел не были известны в Северном Причерноморье.

Специфически скифскими являются так называемые «зооморфные превращения» — трактовка частей животного в виде самостоятельных образов животных, например, лап в виде головок птицы с острым клювом, плеча в виде фигуры того или другого животного и т. д. Такие превращения частей фигуры в особые образы, вероятно, имели целью усиление образа зверя качествами помещенного на нем дополнительного изображения или же раскрытие свойств выделенного таким способом органа путем сравнений или эпитетов, что роднит эти изображения с народной поэзией.

Стилистически скифское искусство отличается реалистической передачей животного, но в обобщенных и несколько условных формах. Для него характерен отказ от изображения деталей и сведение образа к четко отграниченным одна от другой широким плоскостям. Общий скульптурный характер этого искусства, по всей вероятности, выработался в технике резьбы по дереву или кости в обычной для него мелкой пластике, связанной с украшениями оружия, принадлежностей конской сбруи и личного убора. Это было прикладное или декоративное искусство, что не могло не сказаться на его дальнейшем развитии.

Наиболее ранние памятники скифского искусства известны по находкам по обе стороны Керченского пролива и в Поднепровье. Из Темир-Горы на Керченском полуострове происходит костяная или роговая подвеска с изображением свернувшегося кольцом животного. По идее это должна быть пантера, но животное представлено с длинной мордой, с превращенным в кольцо для подвешивания большим ухом и с маленьким изогнутым хвостиком. Протянутые вдоль шеи и туловища ноги заканчиваются кружками, какими в других случаях обозначаются лапы хищника. Близ с. Жаботин на Среднем Днепре в кургане № 2 найдены, кроме пары роговых или костяных псалий с головкой птицы на одном конце и копытом на другом и пары бляшек в форме фигуры лежащего с повернутой назад головой козла, три роговые пластинки с выгравированными на них изображениями животных и птиц. Среди животных узнаются лоси и быки. Часть их представлена в сцене рождения теленка. Замечательной особенностью козлов, изображенных на бляшках, является совмещение с одной фигурой двух голов, что в других образцах скифского искусства

нигде не повторяется. На бедре одного из козлов солярный знак. Пластинки с изображениями имеют в длину около 18 см и на слегка суженных концах снабжены тремя расположенными треугольником дырочками для нашивания. В целом изображения из Жаботина отличаются своеобразием, хотя, с другой стороны, законченность форм и уверенность в манере исполнения свидетельствуют об их традиционности и выработанности.

К ранним произведениям скифского искусства относятся также костяной наконечник из кургана у с. Нижние Серогозы в Нижнем Поднепровье и костяная пластинка, недавно найденная в погребении у станицы Константиновской на Дону. Наконечник имеет вид скульптурной головки грифона, а пластинка покрыта сплошь гравированными фигурками лежащих оленей.

Ранним временем следует датировать и некоторые бронзовые предметы, по сюжетам и по стилю примыкающие к указанным костяным или роговым изображениям. Это прежде всего два бронзовых навершия из кургана № 476 у с. Великие Будки Роменского района. Они представляют собой полый конус с прорезями в боках, увенчанный головкой барано-птицы с рогами, трактованными изогнутыми фигурами пары животных. Совершенно такой мотив известен по роговому наконечнику, найденному на Керченском полуострове в погребении на Темир-Горе вместе с указанной выше подвеской в форме свернувшегося кольцом животного. Из Прикубанья с берега Цукур-Лимана происходит бронзовая бляха в виде пары геральдически сопоставленных хищников типа пантер, а из станицы Махошевской — шаровидное прорезное навершие, увенчанное скульптурной фигуркой стоящего оленя с ветвистыми рогами. Эта фигурка напоминает изображения оленей в позднехетском искусстве Малой Азии и, по-видимому, свидетельствует о связях Нижнего Прикубанья в этом направлении.

Точная хронология памятников раннескифского искусства в Северном Причерноморье остается неопределенной, хотя некоторые из них найдены вместе с архаической греческой керамикой. Бронзовое махошевское навершие, по данным А. А. Иессена, было найдено вместе с бронзовыми удилами с псалиями кобанского типа. По М. И. Ростовцеву, там же был обнаружен бронзовый шлем, вероятно, того же типа, что и другие шлемы, известные по находкам на Северном Кавказе, в частности в Келермесских курганах. Удила первого, или кобанского, типа датируются VIII—VII вв., но, как мы видели, доживают и до VI в. до н. э. Если все это так, то махошевская фигурка оленя представляет собой древнейшее произведение искусства скифского времени к северу от Кавказских гор, возможно, как отмечено выше, связанное своим происхождением не с Передней, а с Малой Азией.

Более определенные указания на время самых ранних произведений скифского искусства дают находки в Закавказье, в развалинах ванской крепости Тейшебаини возле Еревана. Там най-

дены роговые или костяные вещи вместе с заготовками для их выделки, и по назначению и по стилю полностью соответствующие вышеуказанным произведениям скифского искусства в Северном Причерноморье. Среди них были типично скифские роговые псалии с головкой барано-птицы на конце и уздечные пронизки в виде головок птицы, барано-птицы, барана, клыка, клюва или когтя, а также четырехугольный стержень, украшенный резными головками птиц и квадратами из сдвоенных треугольников, совершенно таких же, как на псалиях из жаботинского кургана № 2. В этой крепости до разрушения ее мидянами в начале VI в. до н. э. находился скифский гарнизон, и перечисленные вещи являются следами его пребывания в ней. Того же рода роговые или костяные псалии обнаружены близ д. Зивийе в Иранском Курдистане, что вместе с другими сделанными там же находками самым убедительным образом свидетельствует о существовании специфического скифского искусства еще во время пребывания скифов в Передней Азии.

Так называемый Саккызский клад, происходящий из упомянутой д. Зивийе близ г. Саккыза, по всей вероятности, составился из вещей, добытых кладоискателями из находившихся там древних погребений. Возле селения зарегистрирован курганный могильник. Происходят ли все вещи Саккызского клада из одного богатейшего погребения или из разных могил, неизвестно, но что они входили в состав погребального инвентаря, не вызывает сомнений, тем более, что в их числе имеются части медного ванноообразного гроба, сходного с ассирийскими гробами конца VII в. до н. э., что и послужило основанием Барнету для датировки клада этим временем. Однако составляющие «клад» вещи далеко не однородны ни в стилистическом, ни в хронологическом отношении. Среди них имеются, например, превосходные образцы ассирийской резной кости, относимые к VIII в. до н. э., а в числе золотых предметов различаются произведения ассирийского, урартского (ванского) и маннейского происхождения. Кроме того, в золотых украшениях отчетливо выступают мотивы скифского художественного стиля, к тому же иногда на вещах скифского обихода. Так, например, золотая прямоугольная обкладка горита скифского типа украшена штампованными рельефными изображениями лежащих козлов и оленей, помещенных в ромбических клетках, образованных стилизованными S-видными ветками урартского древа жизни. Изображения животных здесь даны с характерными чертами скифского стиля. В том же стиле трактованы фигурки идущей пантеры и схематизированные головки птиц на золотой диадеме или ленте от пояса. На золотом набалдашнике ручки меча представлен свернувшийся кольцом зверь типа пантеры, бедро которого трактовано в виде схематизированной головы птицы.

Первые исследователи Саккызского клада, обнаруженного в 1947 г., полагали, что скифские элементы в его составе пред-

ставляют собой скифские привнесения в древневосточном комплексе. Однако, принимая во внимание указанные выше обстоятельства, а именно, что мотивы скифского искусства древневосточного происхождения и что в Северном Причерноморье нет памятников скифского искусства, бесспорно более древних, чем Саккызский клад, надо думать, что скифское искусство звериного стиля, как и скифская культура, сложилось в период пребывания скифов в Передней Азии на основе древневосточного искусства. Скифы не просто воспроизводили восточные образцы, а отобрали из сюжетов древневосточного искусства наиболее соответствующие их идеологии и придали им формы, отвечающие свойствам наиболее доступных для них материалов художественного творчества — дереву и кости. В формах, выработанных в этом материале, эти сюжеты вошли в состав изображений в металле — в золоте наряду с мотивами, сохранившими признаки древневосточного стиля в его различных локальных подразделениях. Следует также учесть, что со скифами в искусство вошла техника штамповки, или, точнее, обкладки тонким золотым листком вырезанного из дерева изображения. Этот прием позволял придавать вещам из простого материала богатый вид, соответствующий потребностям в блеске и роскоши представителей варварской аристократии, тогда как просто деревянные или костяные изображения стали достоянием рядового населения.

В создании скифского звериного стиля, а равным образом и всей скифской культуры, участвовали не одни скифы, а и другие варварские народы, занимавшие окраины древневосточного мира. Из них, несомненно, такую же роль, как и скифы, играли мидяне. К сожалению, отсутствие памятников, относящихся к мидийскому периоду истории Ирана, лишает наше предположение документальной обоснованности. К мидийским в настоящее время можно отнести, пожалуй, только могильник «В» у Тепе-Сиалка, откуда происходит цилиндрическая печать с изображениями животных, среди которых имеется и олень, лежащий с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, занявший столь видное место в искусстве и скифов Северного Причерноморья и саков Средней Азии и Сибири. Не исключается и определенная роль в этом процессе варварского населения Малой Азии вроде киммерийцев, через которых могли осуществляться контакты скифов и мидян с греко-ионийским миром. Как мы потом увидим, так называемое фракийское искусство Балканского полуострова и Средней Европы восходит, хотя и не столь прямолинейно, к тем же основам, что и искусство Северного Причерноморья и Сибири.

Не лишне отметить, что северочерноморское скифское искусство связано с искусством собственно скифов в Передней Азии, а не какого-либо другого народа. В доказательство этого можно указать на полное соответствие между тем и другим в такой детали, как трактовка формы животного резкими гранями, чего

не наблюдается у восходящего к мидийскому среднеазиатского и сибирского искусства того же времени, но что присуще фракийскому звериному стилю. Этот признак позволяет узнать в находках из Зивийе, происходящих с территории Маннейского царства, скифские, а не мидийские вещи. Скифские погребения там возникли, вероятно, в период оккупации скифами Маннейского царства после победы над Ассирией в последнее десятилетие VII в. до н. э.

Древнейшие произведения скифского художественного стиля появляются в Северном Причерноморье в том же виде, что и в Передней Азии, и в близкое с ней время. Из этого следует, что или между скифами, переселившимися в Переднюю Азию и оставшимися в Северном Причерноморье, существовали постоянные связи, благодаря которым явления, возникшие у одних из них, немедленно передавались другим, или же что скифское искусство в Северном Причерноморье было в готовом виде принесено скифами, вернувшимися из Азии, т. е. не раньше 585 г. до н. э.

В противоречии со вторым из этих заключений находятся находки в погребениях на Темир-Горе и Цукур-Лимане с произведениями скифского искусства и с родосско-ионийскими сосудами, датируемыми если не VII в., то началом VI в. до н. э., а также раннее время оригинальных, не имеющих аналогии гравированных и резных по кости изображений из разграбленного кургана № 2 у с. Жаботин в днепровском Правобережье. Следует иметь в виду неустановленность точной хронологии родосско-ионийской керамики. Что касается жаботинского погребения, то в нем не найдено ничего подтверждающего предложенную для него дату — конец VII в. до н. э. Она основывается на находке в нем бронзовок двукольчатых удил и на общей оценке жаботинских курганов и связанного с ними поселения на Тарасовой горе, как наиболее раних скифских памятников, в доказательство чего приводятся: фрагмент родосско-ионийского сосуда с поселения и пара происходящих оттуда же бронзовых котелков кавказского типа, датируемых VIII—VII вв. до н. э. Не отрицая относительно раннего времени жаботинских памятников, все же следует признать, что ни фрагмент греческого сосуда, ни тем более кавказские котелки не могут определить время погребения с костяными художественными произведениями. Стилистически эти произведения бесспорно раннескифские, сходные с найденными в развалинах Тейшебаини, но это не исключает появления их в Северном Причерноморье — в Поднепровье или по сторонам Керченского пролива только после возвращения скифов из Азии, т. е. не раньше конца первой четверти VI в. до н. э. Северочерноморские скифы в VIII—VII вв., видимо, были связаны с Кавказом, но эти связи не доказывают их сношений со скифами, находившимися в Передней Азии, хотя теоретически возможность таких связей отрицать не приходится.

Долгие годы пребывания скифов в Азии не могли не отразиться на их культуре, и, хотя этнически они остались теми же, что и их предки до переселения в Азию, вернувшиеся отличались и от этих предков и от оставшихся в Северном Причерноморье соплеменников своей культурой, характерным скифским искусством, сложившимися в Передней Азии. Красноречивее всего об этом свидетельствуют древнейшие богатые комплексы вещей скифских типов в Келермеских курганах на Кубани и в Мельгуновском кладе в Западном Поднепровье. Представляемая ими культура, в готовом виде принесенная в Северное Причерноморье, имеет очень мало общего с культурой скифов до переселения в Азию и соответственно с культурой той части скифов, которая оставалась на месте. В вещественном выражении новая культура выступает в виде так называемой «скифской триады» — в вооружении, конском снаряжении и в искусстве звериного стиля. Все это появляется в Северном Причерноморье только со скифами, вернувшимися из Азии, не ранее 585 г., но в короткий срок, примерно до середины VI в. распространяется по всей скифской стране.

Нет надобности далеко ходить за объяснением этого последнего явления. У населения Северного Причерноморья ко времени возвращения скифов из Азии сложились социально-экономические отношения того же порядка, что и у их соплеменников в Азии, у них тоже выделился слой, находящийся во главе общества, обладающий экономическим и социальным превосходством над сообщинниками, у них тоже были более или менее могущественные вожди, воины и соответствующий культ силы и воинской доблести. Все это нуждалось во внешнем выражении, в воплощении в образах, для чего геометрический орнамент был непригоден, но что в готовом виде принесли с собой скифы из Азии.

О процессе социально-экономического расслоения автохтонного населения Северного Причерноморья красноречиво свидетельствуют указанные выше погребения с железным оружием и бронзовым конским снаряжением, относящиеся ко времени как до, так и после переселения большей части скифов в Азию. Из числа первых наиболее замечательным является погребение под высоким (около 10 м) Широким курганом у с. Малая Лепатиха Херсонской области, раскопанным Н. И. Веселовским в 1916—1917 гг. Обширная могила под этим курганом была покрыта длинными бревнами, а по стенкам облицована деревом. Погребение оказалось разграбленным, и из вещей в нем нашелся только нож с бронзовым клинком и железной рукояткой с круглым упором между ними. По форме этот нож соответствует бронзовым ножам сабатиновского этапа позднесрубной культуры, а по времени, судя по присоединению к бронзе железа, едва ли раньше IX в. Из этого следует, что консолидация скифов под властью могущественных вождей началась задолго до переселе-

ния их в Азию. С уходом большей части степного населения Скифии в Азию этот процесс у оставшейся части населения Северного Причерноморья, видимо, прервался, но ненадолго. Он возобновился в более ограниченных масштабах, что и получило отражение в появлении относительно богатых погребений с железным оружием и бронзовым конским снаряжением и даже, как стало недавно известно, с золотыми украшениями. До создания крупных объединений дело, по-видимому, не дошло, но локальные военные образования, несомненно, возникали. Земледельческому населению Скифии пришлось вооружаться и строить городища-убежища (чернолесского типа) для защиты от нападений степняков.

После переселения скифов в Азию традиционные формы культуры у автохтонного населения Северного Причерноморья не исчезли, а продолжали свое существование, например, в керамике, производственном и бытовом инвентаре, в принадлежностях одежды, таких, как булавки с эсовидной головкой, в простейших украшениях (кольца, браслеты, подвески, бусы и пр.). Эта культура дожила до возвращения скифов из Азии и в дальнейшем продолжала свое развитие как составная часть скифской культуры главным образом у земледельческого населения страны. Возможно даже, что местные и принесенные скифами из Азии формы оружия и конского снаряжения некоторое время сосуществовали друг с другом, чем и объяснялось бы наличие железного меча с брусчатым навершием типа акинака и бронзовых ассирийского типа бляшек в Носачевском погребении, во всем остальном сохранившем элементы культуры предшествующего периода. Тот же смысл имеет сочетание в Жаботинском кургане № 2 вещей скифского типа с бронзовыми двукольчатыми удилами.

Астрономически точно установленная дата изгнания скифов и киммерийцев из Азии, а следовательно, и появления скифской культуры в указанном выше понимании в Северном Причерноморье ставит под сильное сомнение хронологию тех предметов скифской культуры, главным образом произведений искусства, которые принято относить к концу VII—началу VI в., а вместе с тем и всех памятников предскифской культуры — к VIII—VII вв. В свете приведенных выше данных памятники скифской культуры в Северном Причерноморье не могут быть древнее конца первой четверти VI в., а часть вещей предскифских типов, наоборот, может не только доживать до возвращения скифов, но и некоторое время сосуществовать с принесенной ими культурой.

Если мы станем на точку зрения сторонников заволжского происхождения скифов, то должны будем признать возникновение «скифской триады» в Средней Азии и Сибири. Действительно, самые ранние из известных ныне погребений с вещами скифского типа в Средней Азии в могильниках Тагискен и Уйгорак в древ-

ней дельте Сырдарьи содержат формы, близкие к ранним памятникам Северного Причерноморья, и датируются VII в. до н. э. Типологически древнейшие формы в этих могильниках представлены бронзовыми удилами. Авторы предварительной публикации этих могильников первыми из них по времени считают удила со стремявидными концами и роговыми трехдырчатыми псалиями, видимо, потому, что возникновение последних К. Ф. Смирнов относит к рубежу II и I тысячелетий до н. э., хотя такие же псалии употреблялись и в VI в. Более правдоподобным является отнесение к числу древнейших удил со стремявидными концами, снабженными большей или меньшей величины кольцом в основании стремечка, к которому и привязывался псалий с тремя трубчатыми отверстиями. Вариантами их являются удила тоже с колечком в основании стремечка, но с псалиями, у которых вместо центрального отверстия имеется вдевавшийся в стремечко крюк. Третий тип представлен удилами с прямоугольной рамкой на концах и с псалиями со скобой для их продевания. Этот последний тип датируется изображениями лошадей с такими удилами на персепольских рельефах VI—V вв.

Типологически удила со стремявидными концами восходят к удилам с кольцом в основании стремечка, составляющим промежуточное звено, связывающее их с удилами двукольчатого типа (по классификации А. А. Иессена, «кобанскими»). Двукольчатые удила, столь характерные для Северного Причерноморья и Кавказа, в Средней Азии не обнаружены, а в Сибири известны лишь по нескольким экземплярам из Минусинского края, и то без характерных для них псалий. Зато стремявидные удила с кольцом в основании стремечка в разных вариантах известны и в Средней Азии, и в Сибири в значительном числе экземпляров и, наоборот, вовсе не находятся в Северном Причерноморье. Казалось бы, это обстоятельство прямо указывает на создание стремявидных удил в Средней Азии и Сибири и на появление их в Северном Причерноморье только вместе со скифами, подтверждая тем самым и большую древность «скифской триады» за Волгой и принятую датировку удил со стремявидными концами, с кольцом в основании стремечка VII в. до н. э., несмотря на то, что появление производных от них удил со стремявидными концами, но без кольца в основании стремечка в Северном Причерноморье относится тоже к VII в. Последнее как раз и свидетельствует, что стремявидные удила в Северном Причерноморье не местного происхождения.

В изменениях формы удил отражается обычный путь рационализации. К двукольчатым удилам повод прикреплялся посредством особой подвески со шляпкой, висевшей на крайнем из колец. С приданием этому кольцу стремечковидной формы надобность в подвеске отпала, а в дальнейшем исчезло и кольцо в основании стремечка, так как псалий снабжался или скобкой, через которую пропускалось стремечко, или крючком, вдевавшимся

в последнее. В дальнейшем конструкция удил еще больше упростилась, так как псалий просто привязывался к концу удил или продевался в кольцо на их конце.

Бронзовые удила со стремявидными концами, распространенные в Северном Причерноморье, прошли предшествующие этапы своего образование за пределами области своего бытования и по времени непосредственно примыкают к двукольчатым удилам, как это видно по совместной находке их в кургане № 2 у с. Жаботин Черкасской области. Но действительно ли местом возникновения их была Средняя Азия и Сибирь?

Это было бы бесспорным, если бы другие элементы «скифской триады» продемонстрировали нечто подобное удилам. В действительности этого нет. Наиболее распространенные в Северном Причерноморье и в Средней Азии и Сибири бронзовые наконечники стрел очень сходны между собой. Первое, что обращает на себя внимание при их сопоставлении — это преобладание в Средней Азии и Сибири наконечников с черенком, а не с втулкой, тогда как в Северном Причерноморье черенковые наконечники почти совсем неизвестны. Наконечники стрел с втулкой в Средней Азии и Сибири генетически связываются с такими же, относящимися к андроновской культуре эпохи бронзы, так что в местном происхождении их не может быть сомнения. К сожалению, датируются они только по северочерноморским аналогиям, и поэтому собственный возраст их остается в точности не установленным. Северочерноморские наконечники стрел тоже восходят к прототипам, представленным в местной, параллельной с андроновской срубной культуре и поэтому не могут в своих формах и своем развитии ставиться в зависимости от заволжских образцов, тем более, что характерные для последних черенковые наконечники в собственно скифской культуре не встречаются.

То же самое относится к акинакам. И там и тут они появляются в готовом виде, и формирование этого оружия не прослеживается ни в Северном Причерноморье, ни в Средней Азии и Сибири. Поэтому приоритет древности их в одной из этих областей остается неустановленным. Что касается третьего члена «скифской триады», то независимость звериного стиля Северного Причерноморья и Средней Азии и Сибири друг от друга совершенно очевидна хотя бы из того, что несмотря на общее сходство, в искусстве второй из этих областей вовсе нет характерной для древнейших образцов искусства Северного Причерноморья трактовки формы широкими плоскостями с резкими гранями между ними, да и в сюжетах изображений наблюдаются существенные различия, исключающие возможность какой-либо зависимости искусства одной из этих областей от другой.

Ввиду этого «скифская триада» Северного Причерноморья не может восходить к культуре Средней Азии и Сибири и, поскольку о подобном в последней в свою очередь можно утверждать то же самое, только по отношению к Северному Причерно-

морью, остается один возможный вывод, что обе родственные культуры ведут свое происхождение из общего источника, находящегося вне каждой из них в отдельности. Выше уже говорилось, что таким источником была Передняя Азия. Можно полагать, что в формировании культуры Средней Азии и Сибири важная роль принадлежала Мидии и что созданные в ней формы несколько раньше проникли в Среднюю Азию и Сибирь, чем близко сходные с ними были принесены скифами из Передней Азии в Северное Причерноморье. Однако хронологический приоритет Средней Азии с Сибирью по сравнению с Северным Причерноморьем не дает никаких оснований ставить культуру последней из этих областей в зависимость от первой и на этом основании выводить скифов с их «триадой» из-за Волги, да еще датируя это VII в. до н. э., несмотря на то, что «скифская триада» в Северном Причерноморье появляется только в конце 80-х годов VI в.

КИММЕРИЙЦЫ НА КУБАНИ

Кубанские курганы скифского времени представляют собой одно из наиболее примечательных явлений в археологии СССР. Они появляются вне всякой связи с предшествующим культурно-историческим развитием Северного Кавказа и, хотя Прикубанье знало более ранние комплексы блестящих находок, вроде обнаруженного в Майкопском кургане, отделены от них и по времени и по своему характеру. Среду, в которой появились кубанские курганы, характеризуют грунтовые могильники, во многих отношениях сходные с известными и в Центральной части Северного Кавказа. Древнейший из них — Николаевский на левой стороне Кубани, напротив станицы Воронежской. В нем было исследовано 47 погребений, расположенных в черноземе, ввиду чего форма могил осталась невыявленной. Скелеты лежали в скорченном положении на боку, реже вытянутые на спине, в большинстве с южной ориентировкой. Они сопровождались лепными сосудами, чаще всего чаркой с петельчатой, поднимающейся над краем ручкой. В обломках встречены образцы керамики, орнаментированной резными треугольниками, напоминающей керамику крымской кызыл-кобинской культуры, а равным образом и керамику северо-западного Причерноморья. В остатках заупокойной пищи находились кости коровы и лошади. Нередкими находками в могилах были характерные для меотских погребений Прикубанья гальки, в некоторых случаях в двух-трех экземплярах. Из оружия чаще всего встречались бронзовые или железные

наконечники копий с листовидным пером и круглой или шестигранной втулкой, бронзовые и железные ножи. Найдены каменный топор, булава и оселки, а из украшений — булавки, браслеты и бусы. В трех могилах оказались бронзовые однокольчатые удила 2-го типа по классификации А. А. Иессена и в одной — обломки костяных псалий, у одного из которых конец оформлен в виде схематического изображения копыта. К конскому снаряжению относятся и найденные с удилами бронзовые и костяные бляшки.

Второй могильник того же типа открыт у хут. Кубанского напротив г. Усть-Лабинска. В целом он несколько моложе Николаевского. Оружие в нем железное, состоящее из кинжалов, один из которых типа акинака, и наконечников копий. Имеется бронзовый топорик-секира с четырехконечной звездочкой над втулкой. Удила бронзовые двукольчатые — 1-го типа по А. А. Иессену, но имеются и со стремявидными концами. С последними найден трехдырчатый бронзовый псалий с головками грифона по концам. В керамике отсутствуют чарки с петлеобразной ручкой. Примечательно наличие, как и в Николаевском могильнике, нескольких погребений воинов с конями, точнее со шкурой коня с оставленными при ней головой и нижними частями ног с копытами.

Несколько погребений того же типа найдено в могильнике Ясиновая Поляна близ пос. Колосовка в верхнем течении реки Фарс, в 40 км юго-восточнее г. Майкопа. Там были такие же, как в Николаевском могильнике, железные наконечники копий и архаической формы бронзовые двукольчатые удила и псалии с тремя колечками сбоку и изогнутой лопастью на конце. В числе сосудов, кроме черпаков с острым выступом наверху ручки и нарезным орнаментом по отогнутому венчику, оказались большие корчаги с раздутым туловом, маленьким донцем и узким цилиндрическим горлом.

Эти грунтовые бескурганные могильники с инвентарем, почти полностью соответствующим находимому в погребениях предскифского времени в Северном Причерноморье, надо полагать, оставлены древним населением Прикубанья местами, известными здесь по письменным источникам с VI в. до н. э. В целом они датируются, как и аналогичные северочерноморские находки, VIII—VII вв. до н. э., но часть погребений в них относится к VI в. В Усть-Лабинском и Пашковском могильниках на правом берегу Кубани погребения того же рода со скорченными и вытянутыми скелетами, ориентированные на юг, с такими же гальками и другими деталями погребального обряда сопровождаются вещами не только VI—V вв., но и более позднего времени, свидетельствуя об устойчивости традиции в быту местного населения. В этих могильниках не обнаружено погребений, сколько-нибудь выделяющихся значительным богатством своего инвентаря, если только к их числу не относить упомянутое выше неизвестного

устройства погребение у станицы Махошевской, в которой были будто бы найдены бронзовые удила кобанского типа, бронзовое навершие с фигуркой оленя наверху и даже бронзовый шлем. Маловероятно, чтобы эти вещи составляли единый комплекс, относящийся, судя по удилам, к VIII—VII вв. до н. э., хотя упомянуть их необходимо.

Богатые погребения под высокими курганами появляются только в первой половине VI в. до н. э., только после изгнания скифов и киммерийцев из Азии. Наиболее ранние из них представлены группой курганов у станицы Келермесской, кладоискательски раскопанных техником Д. Г. Щульцем в 1903 г. Они дали замечательные находки. К сожалению, устройство погребений и условия, в которых находились обнаруженные в этих курганах вещи, остались неизвестными. Отобранные у Д. Г. Щульца вещи происходят из разных курганов, но достоверных сведений об их распределении по отдельным погребениям не имеется. Несомненно, что в этих курганах было по меньшей мере одно не тронутое грабителями богатейшее царское погребение и что все курганы относятся в общем к одному периоду и составляют фамильное кладбище. В 1904 г. в той же группе по поручению Археологической комиссии произвел исследования профессор Н. И. Веселовский. Он раскопал два оставшихся в ней кургана, оба ограбленных, но все же давших некоторое количество вещей того же рода, что и найденные Д. Г. Щульцем. Самое главное значение его раскопок заключается в том, что они позволили составить некоторое представление об устройстве келермесских могил.

Могилы имели вид обширных четырехугольных ям со следами столбов на дне, оставшихся от находившихся в них деревянных погребальных сооружений. По краям ям лежали скелеты — в одном случае двадцати четырех, а в другом — шестнадцати лошадей, сопровождавших покойника, помещавшегося на дне ямы в расхищенном погребальном сооружении со столбами. В них уцелели части бронзовых котлов, обломки глиняных сосудов, два бронзовых шлема, наконечник жезла, украшенный накладкой листового золота, вырезанной острыми зубцами, бронзовое зеркало с двумя столбиками в центре оборотной стороны, прикрытыми сверху бляшкой с изображением свернувшегося кольцом хищника, три золотые розетки, золотая пластинка с головкой зайца, мелкие золотые, сердоликовые и стеклянные бусы, бронзовые наконечники стрел, кусок известняковой плиты с четырехугольным углублением, вероятно, от жертвенника и некоторые другие мелкие и малоценные вещи. Возле лошадей были собраны части уздечек в виде железных и бронзовых удил со стремявидными концами, железных трехпетельчатых псалий, тонких золотых пластинок, по-видимому, покрывавших деревянные круглые бляшки, частично орнаментированные концентрическими рядами двойных спиралей, множество белых

рубленых бус и характерных костяных или роговых пронизок, украшенных скульптурными головками барана, барано-птицы, птицы, изображениями лошадиного копыта, свернувшегося хищника и просто цилиндрика, таких же, как найденные в захваченной скифами ванской крепости Тейшебаини возле Еревана. Вместе с лошадьми в обоих курганах обнаружены навершия. В одном кургане их было четырнадцать штук, а в другом семь. Они имеют вид полых ажурных шаров или эллипсоидов с двумя-тремя звенящими шариками внутри. Три таких навершия железные, остальные бронзовые. Назначение наверший точно неизвестно; они могли быть и наконечниками штандартов и, что более вероятно, украшениями шестов балдахина, непременной принадлежности восточных владык, под которым они появлялись перед своими подданными и который растягивался над их колесницей или повозкой. Навершия известны по находкам и изображениям в Закавказье и странах Ближнего Востока. Везде они выступают с признаками культо-магического характера. Ту же роль апотропеев они играли и в Прикубанье.

Из найденных Д. Г. Щульцем вещей выделяется набор дорогого оружия, состоящий из железного меча с обложенной золотом рукояткой и с одетыми в золото ножнами, парадного топорика с покрытыми золотом фигурным обушком и рукояткой, а также золотой нащитной бляхи в виде рельефной фигуры идущей пантеры. Вместе с ним (курган № 1) были найдены: золотая диадема в виде широкой ленты, украшенной цветками и розетками, чередующимися с фигурками разделанных зернью птичек, представленных впрямь и в профиль, две золотые чаши, одна со штампованными изображениями птиц и животных по бокам и розетками на дне, а другая с боками, покрытыми миндалевидными и четырехгранными выпуклостями, золотой наконечник ритона в виде лежащего оленя, большой бронзовый котел с ручками из фигурок стоящих козлов по борту, два бронзовых навершия в форме скульптурной головы животного с длинными вертикально поставленными ушами и длинной шеей-втулкой (осла или мула) и две пары бронзовых удил. Одно такое же навершие с петлей под мордой животного происходит из окрестностей г. Майкопа.

В других раскопанных Д. Г. Щульцем курганах найдены: еще две золотые диадемы, одна из которых украшена восьмилепестковыми розетками, скульптурной головкой грифона, каплевидными подвесками по нижнему краю и двумя головками барана на длинных цепочках по концам, пара полых полуцилиндров с головками львов по концам и двумя головками баранов и шишечкой между ними по бокам. Поверхность каждого полуцилиндра покрыта рядами прямоугольных и треугольных ячеек для цветных инкрустаций, а головки и шишечки украшены зернью. Назначение этих предметов неизвестно, предполагается, что это подлокотники роскошно разукрашенного трона. Из тех же кур-

ганов происходят серебряные ритон и зеркало с изображениями греко-ионийского стиля, бронзовый шлем, золотая покрышка горита в виде прямоугольной пластины, разделенной идущими вдоль и поперек валиками на части, в каждой из которых помещается рельефная фигурка лежащего оленя, а по продольным краям пластины — ряд маленьких фигурок идущей пантеры. Эта покрышка того же рода, что и находящаяся в составе Саккызского клада. Из найденных в этих курганах наверший выделяются грушевидные с прорезными отверстиями по бокам, с головкой грифона наверху.

Следует отметить литые бронзовые котлы с ручками по верхнему краю, иногда в виде стоящих козлов. В быту кочевой аристократии эти предметы получают в дальнейшем широкое распространение. До появления литых котлов существовали котлы, склепанные из горизонтальных полос бронзы, такие же, как распространенные на Кавказе котелки с зооморфными ручками. Изготовление литых котлов требовало не только большого количества дорогого металла, оно и высокой степени литейного мастерства, едва ли до возвращения скифов доступного местным литейщикам. Древнейшие экземпляры литых бронзовых котлов, вероятно, в готовом виде поступали в Северное Причерноморье из стран Ближнего Востока. На ассирийских рельефах нередки изображения воинов, уносящих из урартских храмов в виде добычи котлы, сходные со скифскими. Известны находки литых котлов в Иране. Древнейшими в Северном Причерноморье считаются котлы с кольцевыми ручками, наполовину возвышающимися над краем.

Один из них, найденный на горе Бештау на Северном Кавказе, датируется VIII, «может быть» (А. А. Иессен), началом VII в. до н. э. Здесь в одном комплексе были: бронзовый котел с кольцевыми ручками, бронзовые обивка щита, пекторали и двукольчатые удила с псалиями, железный наконечник копья, два фрагмента кинжала с характерным для акинаков брусковидным навершием и четыре бронзовых втульчатых наконечника стрел овально-ромбического типа. По формам большинство этих вещей соответствует находкам в «протомеотских» (Н. В. Анфимов) могильниках Прикубанья и предскифских погребениях Северного Причерноморья. Котел выступает в таком сочетании с другими вещами, при котором нельзя не согласиться с датировкой его, предложенной А. А. Иессеном. Эта находка показывает, что вещи восточных типов через Закавказье могли поступать на Северный Кавказ до появления киммерийцев на Кубани, что, вероятно, находится в связи с формированием кобанской культуры Горного Кавказа при участии Западного Закавказья и Малой Азии.

Не местного производства и литые бронзовые шлемы из Келермесских курганов, хотя Б. З. Рабинович, выделивший их в особую группу, считал их туземными по происхождению.

В настоящее время кроме пяти таких шлемов, найденных в Прикубанье, известно еще два из Средней Азии, что определенно исключает возможность их изготовления на Северном Кавказе и заставляет предполагать происхождение этого рода шлемов в Передней Азии.

По типам и стилю вещи из Келермесских курганов делятся на три группы. Одна из них состоит из предметов ближневосточного происхождения, другая представляет сочетание черт восточного и скифского характера, а третья выделяется своим особым скифским обликом. К вещам восточного, ассиро-вавилонского или урартского происхождения относятся, например, золотые чаши и подлокотники трона, украшенные головками львов и баранов и цветными инкрустациями. Типично скифской является нащитная бляха в виде фигуры идущей пантеры, осложненной на лапах и вдоль хвоста дополнительными изображениями того же зверя, свернувшегося кольцом. Большинство вещей смешанного характера с преобладанием восточных элементов над скифскими. Так, например, меч с обложенными золотом рукояткой и ножнами представляет собой характерный акинак с брусковидным навершием на концах рукоятки и бабочкообразным перекрестьем, воспроизведенным и на верхнем конце ножен. Такие мечи являются типичными для скифской культуры.

Перекрестье меча и верхний конец ножен украшены изображениями гениев по сторонам стилизованного священного дерева, ручка меча заполнена продольными полосами из чередующихся кружков и ромбиков. Вдоль ножен размещается ряд фантастических существ, составленных из частей различных животных, птиц и рыб. Над поставленым в профиль туловищем животного с ногами, оканчивающимися то лапами, то копытами и иногда покрытым колечками шерсти, возвышается голова то козла, то льва, то барана, то быка, то грифона, то другого животного и, наконец, человека. Хвост бычий или львиный, или в виде скорпиона. Крыло у всех в форме рыбы. Некоторые фигуры с руками, держащими лук со стрелой. На конце ножен два скорченных льва в геральдическом положении. Все они выполнены в характерном восточном графическом стиле с проработкой деталей и с мотивами, свойственными урартскому искусству, тогда как на лопасти, составляющей одно целое с ножнами и служившей для подвешивания меча к поясу, представлен в рельефе олень в обобщенных формах скифского, по природе своей скульптурного, искусства. То же самое сочетание восточных и скифских элементов выступает в украшениях топорика и на ряде других вещей из Келермеса, в стиле которых графическая дробная разделка соединяется с приемами скифской светотеневой моделировки.

Некоторые предметы выделяются греко-ионийским стилем своих украшений. К их числу относится серебряное зеркало скифской формы в виде диска с выступающим бортиком по краю

и столбчатой ручкой на обороте. Тыльная сторона его покрыта золотым листком с оттиснутыми на нем выгравированными по серебру изображениями, сюжеты и стиль которых не вызывают сомнений в их греко-ионийском происхождении. Однако среди изображений имеются мотивы, наряду с формой зеркала свидетельствующие о изготовлении его если и не в скифской среде, то, во всяком случае, с учетом потребностей и вкусов заказчика. К этому заключению приводят и другие вещи смешаного характера.

Подавляющее большинство вещей из Келермесских курганов создано не в Прикубанье, где они найдены, а в Азии, в области, где на основе не только древневосточной, преимущественно ассиро-вавилонской и урартской культуры, но и малоазиатского греческого искусства складывались скифская культура и скифское искусство. Эта область, простиравшаяся от Ирана до восточной части Малой Азии, в течение двух-трех десятилетий находилась во владении скифов. Представляющие эту культуру вещи в Келермесских курганах были принесены в Прикубанье в готовом виде, в Прикубанье же не было условий для их возникновения. Вместе с тем, как уже говорилось, уже в Азии эта культура была распространена не только у скифов и родственного с ними ираноязычного населения, но и среди других связанных с ними народов.

Ввиду этого возникают сильные сомнения в принадлежности Келермесских курганов скифам. Считается, что эти курганы оставлены в Прикубанье скифами при их кратковременной остановке на пути из Азии в Северное Причерноморье. Однако по своему устройству келермесские могилы сильно отличаются от характерных для вернувшихся из Азии скифов. Как мы увидим ниже, эти скифы погребали своих умерших в подземных камерах — катакомбах, тогда как келермесские могилы имеют вид больших четырехугольных ям с какими-то деревянными сооружениями внутри. Такие могилы, хотя и не с деревянными, а с каменными и сырцовыми склепами, сооружались в Прикубанье и позже, в IV—III вв. до н. э. Так, например, под курганами возле значительной величины (11 га) Елизаветинского городища близ г. Краснодара, представлявшего собой важный меотский административный и торгово-ремесленный центр с чертами эллинизации, вместо столбовых деревянных сооружений в больших могилах строились склепы со стенами из каменных блоков хотя и с деревянным перекрытием. Для входа в них служил длинный коридор, в котором помещалась доставившая покойника к могиле повозка с двумя или тремя парами колес и соответственно с четырьмя или шестью запряженными в нее цугом лошадьми. Все склепы оказались разграбленными, но в них все же уцелели некоторые ценные вещи, такие, как меч с обложенной золотом рукояткой и великолепный бронзовый нагрудник с рельефной головой Горгоны греческой работы. В одной могиле в особой выемке помещался скелет вооруженного воина, воз-

можно, оруженосца, а в других на полу могилы или по ее верхнему краю находилось по 4—5 человеческих скелетов со скромными женскими украшениями, вероятно служанок-рабынь, и до десятка коней с бронзовыми бляхами и псалиями, украшенными ажурными, сильно орнаментализированными изображениями животных или их частей, чаще всего рогов. В устройстве этих курганов продолжается традиция Келермесских курганов, хотя и сильно преобразованная греческим влиянием.

Письменные данные свидетельствуют о том, что в Прикубанье жили меоты, и нет никакого сомнения в том, что и Елизаветинское городище с его курганами было заселено именно этим народом. Тем не менее меотская принадлежность Келермесских курганов вызывает сильные сомнения потому, во-первых, что в меотских погребениях предшествующего времени не наблюдается ничего подобного, а во-вторых, что нет никаких данных об участии меотов в скифских завоеваниях в Азии.

С наибольшей вероятностью Келермесские курганы можно признать киммерийскими, принадлежавшими не киммерийцам, возможно оставшимся на Северном Кавказе после переселения основной части этого народа в Малую Азию, а вместе со скифами вернувшимся из Азии. По сообщению Геродота лидийский царь Алиат изгнал киммерийцев из своей страны. Надо думать, что это произошло после заключения мирного договора между Лидией и Мидией, по которому границей между этими государствами стала река Галис, где жили киммерийцы, по-видимому, принимавшие участие в войне на стороне скифов. После разгрома последних киммерийцы не могли удержаться на своей отошедшей к Мидии территории и, поскольку Лидия отказала им в убежище, должны были искать себе новое место поселения. Им не оставалось ничего другого, как вместе со скифами отправиться туда, откуда они пришли, т. е. в Азово-Каспийское междуморье. Но поселиться в прикаспийской степи они не могли то ли потому, что ко времени их возвращения климат там оставался по-прежнему засушливым, то ли потому, что за время пребывания в Азии характер хозяйства их изменился и наиболее удобным им представилась не солончаковая степь и полупустыня западного Прикаспия, а многообразный ландшафт Прикубанья, куда уже в прошлом внедрялись их предки с катакомбной культурой.

Поселившись в меотской среде, киммерийцы благодаря своей более высокой культуре и организованности заняли в Прикубанье руководящее положение, но, оставаясь в меньшинстве, не могли сохранить этническую самостоятельность и с течением времени слились с туземным населением. Возможно, что прямыми потомками киммерийцев были синды, представлявшие наиболее прогрессивную часть населения Нижнего Прикубанья — Таманского полуострова и прилегающей части Черноморского побережья. Нам еще придется к ним вернуться в связи с историей Боспорского царства, здесь же уместно заметить, что киммерийские

топонимы по обе стороны Керченского пролива и древнее название этого пролива Боспором Киммерийским, о чем сообщает Геродот (IV, 12), по всей вероятности, связаны с пребыванием там киммерийцев, вернувшихся из Азии, а не с давно прошедшим господством их в Северном Причерноморье. Греки, колонизовавшие берега Керченского пролива в VI в. до н. э., застали давно знакомых им по Малой Азии киммерийцев, а не меотов и не скифов.

По-видимому, с ранними киммерийскими погребениями в Прикубанье генетически связаны так называемые сырцовые могилы имеющие вид перекрытой досками ямы со стенками, обложенными сырцовыми кирпичами. Такие могилы характерны для грунтовых могильников Таманского полуострова V—III вв. до н. э. С конца V в. они встречаются и под курганами на этом полуострове. Варварские черты погребальной обрядности, представленные сырцовыми могилами, не оставляют сомнения в их принадлежности местному синдскому населению. На европейской стороне Керченского пролива сырцовые могилы находятся в Нимфейском и Пантикапейском некрополях. В. Д. Блаватский считает, что появление их в Пантикапее свидетельствует о притоке синдского населения в столицу Боспора.

Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев остается открытым. Несмотря на признание иранскими имен киммерийских царей в Малой Азии, больше всего данных о близости киммерийцев не со скифами и не с туземным населением Кавказа, каким были меоты, тем более не с таврами горного Крыма, у которых катакомбная культура не была распространена, а с древним населением Малой Азии и Балканского полуострова, в частности с фракийцами. Об этом свидетельствует и литературная традиция, ведущая свое начало со Страбона (Эратосфена), и тождество имен фракийских и боспорских царей, последние из которых, как мы покажем ниже, скорее всего вышли не из собственно фракийской, а из киммерийско-синдской среды.

Изложенное решение киммерийской проблемы еще ни разу не обсуждалось в научной литературе, оно представляется впервые и уже своей необычностью может вызвать если не возражения, то недоумение. Ввиду этого я считаю необходимым присоединить к сказанному еще несколько замечаний. Келермесские курганы внезапно появляются на Кубани,не подготовленные какими-то памятниками, объясняющими их возникновение. Они никак не связаны с местной культурной традицией.Это мне представляется бесспорным. Следовательно, они принадлежат новому для Кубани народу. Но почему киммерийцам, а не кем-либо другим? Что они не скифские, это следует из сказанного выше, но они появляются одновременно со скифскими памятниками Северного Причерноморья. Это не вызывает сомнений. Но в таком случае кто же, кроме киммерийцев, мог поселиться на Кубани одновременно с возвращением скифов в Северное Причерноморье, да еще

с культурой восточного происхождения, т. е. принесенной из Азии? Известно, что киммерийцы были изгнаны царем Алиатом, известны и обстоятельства этого изгнания, связывающие их со скифами. С другой стороны, нет никаких указаний на то, куда они удалились. Отсюда закономерно следует не предположение, а заключение, что они ушли вместе со скифами и осели на Кубани.

Кроме Келермесских курганов, оставленных первым поколением царей вернувшихся из Азии киммерийцев, в Прикубанье имеются богатые царские курганы, относящиеся к тому же или несколько более позднему времени. Устройством могил они отличаются от келермесских тем, что помещение для покойников устраивалось не в земляной могиле, а на поверхности почвы в виде деревянного шатра. Древнейшее из таких погребений найдено под насыпью кургана у станицы Костромской. Оно устроено на поверхности более древнего кургана с катакомбной могилой эпохи бронзы. Деревянное сооружение было зажжено, но обуглившиеся части настолько сохранились, что позволили составить некоторое представление о его форме, в частности о четырехскатном пирамидальном покрытии. Снаружи вдоль стен этого сооружения были положены двадцать две лошади с бронзовыми стремявидными и железными удилами. Внутренность погребального шатра оказалась разграбленной. Случайно уцелел незамеченный грабителями круглый железный щит с золотой массивной бляхой в виде лежащего оленя посредине. Стилистически эта бляха аналогична с нащитным же украшением из Келермесского кургана, имеющим вид пантеры. Под шатром же найдены: чешуйчатый панцирь, четыре железных наконечника копий с втулками и два колчана с бронзовыми наконечниками стрел, а также черепки глиняной посуды. Из других находок следует отметить каменную плиту, которую Н. И. Веселовский счел за точильный камень. И золотая нащитная бляха, и наконечники стрел свидетельствуют о раннем VI в. до н. э. как времени этого погребения. Вероятно, из этого же погребения происходит большой корчагообразный сосуд характерной раннескифской формы с росписью на поверхности, представляющей сцену терзания грифоном оленя. Это единственный пример расписных сосудов скифского типа и наиболее ранняя композиция скифского звериного стиля. К сожалению, сосуд не сохранился и известен только по зарисовке А. А. Спицына, к тому же в списке раскопавшего курган Н. И. Веселовского он ошибочно значится происходящим из пятого кургана у станицы Костромской с погребением майкопской культуры, относящимся к эпохе ранней бронзы.

Сходные с Костромским курганы с шатровыми сооружениями на материке для погребения обнаружены и близ Ульского аула (Улеп аула). Самый величественный из Ульских курганов, раскопанных в 1898 г., имел в высоту более 15 м и отличался огром-

ным числом погребенных вместе со знатным покойником лошадей. Кубанские курганы скифского времени вообще отличаются большим числом сопровождающих покойника лошадей, а в нем их было больше, чем где-либо в другом месте. Лошади располагались в правильном порядке внутри ограды с частично сохранившимися столбами для ворот, у коновязей в виде столбов и горизонтальных стоек. У каждого столба помещалось по 18 лошадей, и по столько же с каждой стороны у стоек. Много лошадей, кроме того, находилось в насыпи кургана. Только с двух сторон погребального шатра, раскопанных широкой траншеей, насчитано более 360 лошадиных скелетов, а с находившимися в насыпи и под нераскопанной частью кургана их было много больше.

Большое число лошадей, погребенных в Ульском кургане 1898 г., представляет собой совершенно исключительное, неповторимое явление. Едва ли это были лошади, принадлежавшие погребенному под этим курганом, последовавшие за ним в загробную жизнь как его личная собственность, скорее можно предположить, что эти сотни лошадей составились из подношений покойному владыке от его подданных, выражавших таким образом свое почитание умершего вождя. А если это так, то в сочетании с огромной насыпью Ульский курган свидетельствует о существовании на Кубани большого объединения, находившегося под властью могущественного царя.

К сожалению, шатер для человеческого погребения оказался разграбленным. В нем уцелели только: большая каменная плита с четырехугольным отверстием посредине — жертвенник того же типа, что и найденный в Келермесском кургане, обломки двух медных котлов, бронзовые пластинки от панциря, головка терракотовой статуэтки Астарты и черепки чернофигурных греческих ваз. У некоторых лошадей нашлись железные удила. В грабительском ходе найдены: золотая пластина, вероятно служившая обивкой колчана, с рельефным изображением двух грифонов, терзающих козла, и бегущего оленя позади одного из фантастических животных, а также кучка железных наконечников стрел — трехгранных на втулках, с утолщенным ободком в основании.

Несмотря на грубость исполнения, композиция на золотой пластинке стилистически сближается с росписью на туземной корчаге из кургана у станицы Костромской. Являясь варварским воспроизведением какого-то греческого оригинала, она может относиться к тому же времени, что и черепки греческого расписного сосуда (килика). Такого рода греческий чернофигурный сосуд был найден в раскопанном в том же году соседнем кургане. К. Шефольд датировал его временем около 540 г., из чего следует, что большой Ульский курган следует относить ко времени не раньше этой даты. Скорее всего он рубежа VI—V вв. или даже раннего V в.

Другие Ульские курганы, раскопанные в 1908—1910 гг., столь массовых погребений лошадей не содержали. Немного лошадей

было в позднейшем кургане № 19 у станицы Воронежской, где 30 лошадиных скелетов лежали вокруг центрального шатра в широкой канаве в виде кольца с перерывом на южной стороне. Это погребение относится к IV в. до н. э.

В отличие от Келермесских курганов Ульские не содержали вещей, принесенных киммерийцами из Азии, но зато в них отчетливо выступают произведения греческого происхождения или созданные под влиянием, идущим из греческих колоний, к середине VI в. до н. э. обосновавшихся на берегах Керченского пролива. Так, в кургане № 2 (1909 г.), кроме ручки от кувшина в виде скачущего оленя с повернутой назад головой, реалистически моделированного в мягкой греческой манере, и грушевидного прорезаного навершия с головой быка, представленной в более обобщенном виде, но в том же стиле, найдены два бронзовых навершия в виде толстой пластины в форме сильно стилизованной птичьей головы с человеческим глазом и загнутым клювом, край которой от глаза до уступа, означающего конец надкостницы, заполнен тремя уменьшающимися кверху такими же, но еще более стилизованными рельефными птичьими головками. У одного из этих наверший над широкой втулкой помещено рельефное изображение козла, лежащего с повернутой назад головой. Выше его имеется еще одна того же рода, что и другие, птичья голова, а клюв заполнен рельефными криволинейными полосами, соответствующими его очертаниям. Моделировка козла на навершии характеризуется теми же чертами, что и фигурка оленя на ручке сосуда и головка быка на грушевидном навершии. Сюда же относится и золотой наконечник неизвестного назначения в виде схематической головы какого-то животного с выпуклыми глазами и рельефными зайчиками на месте ноздрей. По лбу и вдоль шеи она инкрустирована пиленым янтарем в треугольных перегородках.

Замечательными вещами из этого кургана являются также серебряные и бронзовые эсовидные двухдырчатые псалии с плоскими серповидными концами, частично вырезанными по контуру выгравированных на них изображений. Большую часть серебряных псалий занимает фигура лежащего хищника, на одном конце псалии с птичьей головой, а на другом со звериной. Над каждой из этих голов возвышается еще одна головка с длинной мордой. Внутри этих фигур находится по изображению другого хищного зверя с повернутой назад головой и с вписанной в плечо птичьей головкой. Эти изображения частично совмещаются с фигурой основного животного так, что лапы у них оказываются общими. Позади описанных изображений выгравировано еще по фигурке животного: оленя, барана и зайца. Вторые бронзовые псалии выполнены по той же, но сокращенной схеме. Совмещенной с основным изображением фигурки животного у них нет.

Прием частичного совмещения изображений животных очень редко встречается в скифском искусстве. Он известен по костяным пластинкам из с. Жаботин в Среднем Поднепровье и тоже в гравировке, частично повторенной контуром предмета. Но жаботинские изображения датируются ранним VI в., тогда как ульские псалии — едва ли раньше V в. до н. э.

Из того же Ульского кургана № 2 (1909 г.) происходят золотые бляшки в виде барана и птицы, сходные с найденными в кургане той же группы № 1 (1909 г.). Они представляют собой лежащих оленей и идущую пантеру в форме обычной скифской стилизации и свидетельствуют, что, хотя эти бляшки и сочетаются с сильно стилизованными, уплощенными изображениями, курганы, в которых они найдены, не могут относиться к слишком позднему времени, для которого схематизм и уплощенность становятся характерными признаками. В кургане № 1 (1909 г.) также было найдено бронзовое навершие с сильно схематизированной уплощенной головкой грифона, помещенной на этот раз не непосредственно на втулке, а на конусовидном полом бубенце с шариками внутри.

Трудно решить, в каком отношении друг к другу находятся два типа богатых погребений Прикубанья, представленные Келермесскими и Ульскими курганами, — являются ли они этнографическими особенностями различных групп населения или вариантами, бытовавшими в одной и той же среде. Можно только утверждать, что тот и другой принадлежали социальной верхушке населения, правящей знати, стоявшей во главе составлявших его племен, образовавшейся если и не из киммерийцев, то под их сильным влиянием и по их образцу. Возможно также, что в этих различных формах устройства погребений отражаются два бытовых уклада, существовавших в Прикубанье, — один, связанный с прочной оседлостью и соответствующим ей домостроительством, а другой — с подвижным кочевым образом жизни. Вместе с тем трудно допустить, что у киммерийцев, долго проживших в окружении азиатских народов с относительно высокой культурой, мог существовать столь варварский погребальный обряд, какой представлен в большом Ульском кургане 1898 г. с его массовыми погребениями лошадей. Обычно в могилу с умершим шли вещи, составлявшие его личную собственность, причем состав их все больше и больше ограничивался, особенно в части средств производства, считавшихся, как правило, не личным, а общинным или семейным достоянием. В Ульском кургане с его табунами убитых при погребении лошадей выступает другое отношение к собственности, характерное для переходного периода, когда в связи с увеличением богатства и накоплением имущества, находящегося в распоряжении отдельных лиц, граница между личной и семейной собственностью еще не установилась и «право мертвой руки» простирается на все, чем покойник владел при жизни. Впрочем, в данном случае

могли действовать и другие соображения, связанные со стремлением особенно возвеличить и почтить умершего могущественного вождя.

СКИФЫ-ЦАРСКИЕ

Вернувшимся в Северное Причерноморье скифам далеко не сразу удалось там утвердиться и занять то господствующее положение, в каком их застал Геродот в третьей четверти V в. до н. э. Не следует забывать, что они явились не обремененными добычей победителями, а разгромленными беглецами, сумевшими унести с собой лишь небольшую часть своего имущества. Да и число их не могло быть значительным, так как многие погибли в войнах, а часть успела влиться в среду местного азиатского населения. Первой задачей вернувшихся на землю своих предков скифов было овладение необходимыми средствами существования — скотом и территорией для кочевания. Они как ушли, так и вернулись скотоводами-кочевниками и, естественно, были заинтересованы в территории, наиболее благоприятной для развития своего хозяйства, какой было степное Поднепровье, в частности низовье Днепра с его угодьями, пригодными для зимнего содержания животных на подножном корму.

Появившиеся вместе с этими скифами богатые погребения с вещами азиатского происхождения сложностью своего устройства и ценностью инвентаря далеко уступают могилам киммерийских царей Прикубанья. Собственно говоря, известно всего два погребения, принадлежавших скифским царям, относящихся ко времени, немедленно следующему за возвращением скифов из Азии. Это так называемый Мельгуновский клад — комплекс вещей, случайно обнаруженных в Литом кургане близ Кировограда, и жалкие остатки погребения у слободы Криворожье на реке Калитве в бассейне Северского Донца. Подробности устройства того и другого точно не установлены. Вещи Мельгуновского клада, хотя и победнее и выполнены из золота с большой добавкой серебра, близко сходны с келермесскими, может быть, даже изготовлены в одной мастерской. Меч в ножнах, обложенный в данном случае скорее электром, чем золотом, представляет такое же сочетание восточного и скифского стиля и близко сходные сюжеты изображений. На перекрестье меча вместо гениев по сторонам священного дерева — две геральдические фигурки лежащих козлов с повернутой назад головой, но на верхнем конце ножен такая же, как в Келермесе, композиция с гениями по сторонам стилизованного дерева. Вдоль ножен

фигуры фантастических животных (на этот раз все они с человеческими руками), держащих лук со стрелой. На наконечнике ножен — геральдические скорченные фигуры львов. Лопасть для подвешивания также обведена стилизованными головками птиц и украшена фигурой оленя в скифском стиле. Греко-ионийской по сюжетам изображений и стилю является золотая лента с фигурами обезьяны и двух видов птиц, типично скифскими чертами отличаются семнадцать золотых блях в виде птицы с раскрытыми заостренными крыльями, вероятно составлявших украшения пояса. Здесь так же, как в Келермесских курганах, имеется золотая диадема из трех рядов цепочек, пропущенных сквозь девять розеток, с гроздьями подвесок на цепочках по концам, бронзовая застежка (костылек) с головками львов на концах, серебряные с позолотой части трона и сорок бронзовых наконечников стрел листовидной и трехгранной формы с втулками, некоторые с шипами. Ничего относящегося к конскому снаряжению в составе клада нет.

В Криворожском погребении найдены: золотой обруч неизвестного назначения, который А. П. Манцевич без достаточных к тому оснований считает венцом для украшения колоколовидного шлема, серебряная головка быка, по определению Н. Д. Флиттнер и Т. Н. Книпович, вавилонского происхождения, вероятно, относящаяся к украшениям трона (табурета), и греческий сосуд типа Фикелура с горлом в виде головы барана. Н. А. Сидорова датирует сосуды этого типа второй или третьей четвертью VI в. до н. э.

Горло другого фигурного сосуда в форме головы быка было найдено в кургане близ хут. Большого на реке Цуцкан, притоке реки Чир (Хоперского округа). К сожалению, обстоятельства, при которых была сделана эта находка, и то, сопровождалась ли она какими-либо другими вещами, осталось неизвестным. Этот сосуд Н. А. Сидорова относит к середине VII в., а Дж. Бодмэн — к последней трети этого века (630—600 гг.). Находка эта важна как указание на то, что криворожское погребение было не единственным в этой части степи. Ни путем обмена, ни в качестве даров от греческих мореплавателей оба эти сосуда в Донскую степь попасть не могли. Скорее всего они принесены скифами, по пути из Азии оказавшимися за Северским Донцом и уже оттуда двинувшимися на запад к Днепру.

По сведениям Г. Ф. Миллера, при раскопках Литого кургана в 1763 г. сбоку насыпи в верхней ее части было найдено сооружение из каменных плит, видимо, типа ящика, в котором и помещались составившие клад вещи. Ниже насыпь состояла из перегорелой земли, смешанной с углями, перегоревшими костями и остатками расплавленного металла. Криворожская находка, по донесению сотника Черноярова, была сделана при раскопке небольшого кургана высотою всего в 0,35 м и диаметром в 3,25 м, под насыпью которого встретились мелкие обломки костей, дубо-

вые угли и мелкие части «перегоревшего вещества ярко-зеленого цвета», т. е. окиси бронзы. В обоих курганах сходная картина — погребения посредством трупосожжения с подхоронением вещей, уцелевших от огня. Оба погребения найдены далеко одно от другого: одно в междуречье верховий Ингула и Ингульца, а другое на одном из левых притоков нижнего течения Северского Донца, оба в пограничье степи с лесостепной полосой и оба, вероятно, оставлены скифами, еще не обосновавшимися на определенном месте и обеспечивавшими свое существование за счет населения лесостепной полосы.

Вернувшиеся из Азии скифы получили название «царских» — «саи», вероятно, потому, что были объединены под властью царя, одного из уцелевших членов династии, возглавлявшей их в Азии. В положении скифского царя, а не только во внешних признаках его достоинства, представленных вещами из царских погребений, сохранялись черты, заимствованные у восточных владык. Сопряженная с организованностью и дисциплиной царская власть давала существенные преимущества вернувшимся скифам сравнительно с туземным населением Северного Причерноморья, раздробленным на отдельные мелкие образования.

То обстоятельство, что одно из ставших известными царских погребений было впускным в более древний курган, а другое обозначено незначительной насыпью, конечно, не случайно, а указывает на неустойчивое, непрочное положение оставивших их скифов, а нахождение их в значительном отдалении друг от друга — на отсутствие у них определенной, закрепленной за ними территории. В донецкой степи других ранних, а тем более сколько-нибудь богатых скифских погребений не обнаружено, пребывание там вернувшихся из Азии скифов, видимо, было непродолжительным. Но и в Поднепровье, где они в дальнейшем укрепились, не только богатых, но и ранних погребений очень мало, что невозможно объяснить случайностью археологических открытий. В Поднепровье раскопаны сотни степных курганов, но число определенно скифских ранних погребений в них незначительно, да и те все впущены в насыпи эпохи бронзы.

Выше уже говорилось, что не все скифы переселились в Азию, что на месте остались земледельческие скифские племена, да и часть кочевников продолжала жить в Северном Причерноморье. К последним и следует относить немногочисленные погребения VII—VI вв. до н. э. в степи, такие, как указанные выше погребения с бронзовыми двукольчатыми удилами и железным оружием.

Потомки оставшихся в Северном Причерноморье кочевых скифов составили тех скифов-номадов, которых Геродот отличает от скифов-царских, хотя те и другие вели одинаковый образ жизни и говорили на одном языке. С этими-то кочевыми скифами и пришлось скифам-царским выдержать борьбу для того, чтобы получить себе место для поселения в поднепровской степи.

Геродот сохранил легенду о длительной и упорной войне, которую вели вернувшиеся из Азии скифы, с детьми, прижитыми с рабами остававшимися в Причерноморье женами ушедших. Скифы долго не могли одолеть детей рабов, оборонявшихся за земляным валом и рвом, вырытым ими поперек перешейка, отделявшего не то Крым от лежащих к северу степей, не то Керченский полуостров от остального Крыма. Вернувшимся скифам, т. е. скифам-царским, удалось подчинить их только после того, как они вышли против них не с оружием, а с бичами. Не покоренные оружием дети рабов не могли устоять перед бичами, в чем и сказалась их рабская природа (IV, 1—4). Конечно, это только легенда, и притом созданная в рабовладельческой среде, но в ней получили отражение вполне реальные отношения между завоевателями и побежденными, какими в данном случае были скифы различной исторической судьбы. Скифы-царские оттеснили скифов-номадов в степной Крым и заняли степи Нижнего Поднепровья.

Одним из древнейших погребений скифов-царских в степях Нижнего Поднепровья, по-видимому, является открытое в кургане № 3 у с. Нижние Серогозы Запорожской области. Здесь во впускной могиле с подбоем вдоль уличной стороны, прикрытым досками, находился скелет втиснутого в узкий подбой покойника, при котором были полый костяной наконечник в виде головки грифона с загнутым крючком клювом и дополнительными схематическими птичьими головками, вырезанными и на нем, и на голове, бронзовый листовидный со втулкой и костяной пирамидальный наконечники стрел и четыре костяные пуговицы. Судя по бронзовому наконечнику стрелы, это погребение относится к VI в. до н. э., хотя едва ли раньше середины этого столетия.

Другие погребения скифов-царских в нижнеднепровской степи в VI в. до н. э. тоже впускные, но в неопределенных по устройству могилах. Из них отметим погребение у с. Константиновка Мелитопольского района той же Запорожской области. Из него происходят бронзовые удила со стремявидными концами и костяными трехдырчатыми псалиями, а также две бронзовые бляшки в виде свернувшегося зверя. К их числу относятся упомянутые погребения с бронзовыми удилами со стремявидными концами у с. Большая Белозерка в небольшом кургане возле Цимбаловой могилы и погребение № 1 у с. Черногоровки Изюмского района.

Единственным основанием для отнесения этих погребений к скифам-царским являются найденные в них произведения звериного стиля и бронзовые удила со стремявидными концами, появившиеся со скифами, вернувшимися из Азии, хотя и такие удила, и звериный стиль еще в VI в. получили в Северном Причерноморье широкое распространение в вошли в бытовой обиход не только царских, но и других скифов. Тот факт, что среди ранних скифских погребений в степи, принадлежали ли они скифам-

царским или номадам, нет отличающихся хотя бы относительным богатством инвентаря и величиной индивидуального, т. е. насыпанного над данным погребением кургана, вероятно, указывает на то, что скифы-царские в это время еще не выделялись богатством среди остального населения степей. Дорогие художественные вещи, принесенные скифскими вождями из Азии, уже ушли вместе с ними в могилы, а новые поколения царей еще не успели, да и не могли обзавестись вещами соответствующими их социальному положению. Для них еще не устраивались и столь пышные похороны, какие известны для более позднего времени.

У Геродота имеется описание похорон скифского царя. Труп покойного бальзамировали, освобождая его от внутренностей, заменяемых душистой травой, а затем обвозили на повозке по всем подвластным ему племенам, члены которых выражали скорбь по поводу его смерти тем, что обрезали волосы и наносили себе кровавые раны. Через сорок дней после смерти покойника доставляли к месту погребения, где к этому времени уже была вырыта глубокая могила, в которой и помещали умершего на специальном ложе под балдахином на воткнутых в землю копьях. Вместе с покойником в могилу клали его наложницу, ближайших слуг, как-то: оруженосца, виночерпия, глашатая и конюшего, по голове разного скота и дорогие вещи, сделанные из золота. Над могилой насыпали большой курган а по истечении года на нем устраивались поминки, при которых убивали пятьдесят слуг и столько же лошадей. Трупы тех и других насаживали на колья так, что люди находились верхом на лошадях, и расставляли их вокруг кургана (IV, 71—72).

Скифских царских погребений, полностью соответствующих описанию Геродота, не найдено, но характерные их элементы в виде сопровождающих знатного покойника в могилу людей, коней и дорогих, впрочем, не только золотых вещей обнаружены в ряде курганов, относящихся, однако, не к V в. до н. э., когда был написан труд Геродота, а к следующему, IV в. до н. э. Принимая во внимание небольшое число раскопанных скифских погребений V в., к тому же оказавшихся разграбленными, надо полагать все же, что близкий к описанному Геродотом обряд царского погребения существовал уже к его времени. Составляя свое описание, Геродот не мог дать картину полностью соответствующую действительным похоронам скифского царя, так как пользовался для этого не личными наблюдениями, а рассказами да к тому же не все отмеченые им детали погребения могли сохраниться до нашего времени. Тем не менее, у нас нет оснований не доверять Геродоту. Из его описания следует, что сложный, пышный обряд царского погребения, известный по курганам IV в. до н. э., сложился еще до времени Геродота, т. е. до середины V в.

Кладбище скифских царей, по Геродоту, находилось в местности Герра, где протекала одноименная с ней река, служившая

границей между землями скифов-царских и скифов-номадов (I, 56). Местоположение кладбища скифских царей времени Геродота остается неустановленным, но несомненно, что оно находилось в Нижнем Поднепровье, так как только до этого места, говорит Геродот о стране Герра, Днепр был известен (по-видимому, имея в виду перегораживающие реку пороги). Богатые скифские погребения разбросаны по обе стороны Нижнего Днепра и не образуют единого кладбища, что не исключает существования среди них групп, принадлежавших отдельным знатным семьям скифов, в том числе и семейных кладбищ скифских царей.

Богатые погребения в нижнеднепровской степи появляются только в самом конце VI в. до н. э. Одно их них, по-видимому, впущенное в насыпь более древнего кургана, обнаружено кладоискателями возле г. Херсона. От расхищения в нем уцелело женское ожерелье из золотых подвесок с зернью и эмалью и золотых же сердоликовых и пастовых бус. Самую ценную находку представляют части греческого бронзового зеркала с ручкой в виде одетой женской фигуры со зверями — богини Кибелы. Там же найден ионийский лощеный сероглиняный сосуд. Судя по всему, это было погребение знатной женщины, среди украшений которой преобладали вещи греческого происхождения.

Другое богатое, на этот раз мужское погребение, но тоже впускное было устроено в насыпи кургана Острая Могила у с. Томаковка Днепропетровской области. Кроме золотой гривны и усеченно-конусовидной «ворворки», представляющей, судя по величине, скорее всего верхнюю часть головного убора, в нем был железный меч в обложенных золотом ножнах. На сердцевидном перекрестье ножен представлены в рельефе два изогнутых хищника в геральдической схеме, а ниже вдоль верхней части ножен расположен ряд из напаянных маленьких штампованных бляшек в виде львиных головок. Дырочки сбоку у этой части ножен означают место прикрепления несохранившейся боковой лопасти для подвешивания к поясу. Снизу эта часть ножен ограничена пояском из заполненных голубой эмалью треугольников. Отдельно выполненная нижняя часть ножен — наконечник — украшена сверху орнаментированными сканными спиралями, пояском и рядом расположенных ниже его миндалевидных фигур с эмалью. Ножны явно не туземной работы, а выполнены вероятно, в одной из северочерноморских греческих мастерских. Того же происхождения серповидная бляшка с треугольниками зерни и эмалью. К концу VI — началу V в. до н. э., как датируется это погребение, греки уже прочно обосновались в Северном Причерноморье и находились в тесных связях со скифами. Томаковское погребение уже похоже на царское, хотя и не содержит всех признаков царской могилы, указанных Геродотом.

В V в. до н. э. появляются погребения под специально насыпанными курганами, а могилы для них получают сложное устрой-

ство в виде подземной камеры, соединенной коридором с входным колодцем. Это так называемые катакомбы. Два кургана с катакомбами раскопаны близ станции Михайлово-Апостолово между Днепром и Ингульцом в Херсонской области. В первом из этих курганов — Бабы — было много предметов художественной бронзы. Это части двух гидрий, ручка одной из которых украшена скульптурным изображением крылатой сирены, две ручки лутерия и бронзовый светильник с четырьмя рожками и высоким стержнем для подвешивания. Здесь же найдены поддон и ручка серебряного килика, золотая подвеска и маленькие золотые бляшки в виде лежащих зайцев и львов. Все эти вещи датируются V в. до н. э., но вместе с ними находились еще сероглиняная плоскодонная амфора и часть краснофигурного аттического скифоса, не противоречащие указанной дате, но и не уточняющие ее. Почти все эти вещи, сохранившиеся от разграбления, греческого происхождения.

Из кургана Бабы происходят еще две интересные вещи. Это золотая треугольная пластинка со штампованным изображением оканчивающейся копытом ноги и пальметки в выемке возле ее бедра и золотая фигурная пластинка с двумя геральдически сопоставленными головами кабана. Обе эти пластинки с дырочками по краям, указывающими, что они прикреплялись к деревянной основе, скорее всего к стенкам сосудов. Оба сюжета, представленные на этих пластинках, известны и другим памятникам скифского искусства, но в формах их отчетливо выступают признаки, если не греческого мастерства, то греческого влияния, что находится в полном соответствии с греческим происхождением другого, найденного как в данном, так и в прочих степных скифских погребениях этого и более позднего времени бытового инвентаря.

В погребении под вторым курганом Раскопана Могила уцелело меньше вещей, но среди них оказался великолепный бронзовый котел с тремя рельефными фризами на поверхности — верхний из них образован чередующимися кружками и букраинами, средний — пальметками, а нижний — крупными треугольниками. Это характерные греческие орнаментальные мотивы, свидетельствующие, что, несмотря на свою туземную форму, котел вышел из греческой мастерской. Погребение в Раскопаной Могиле относится, судя по фрагменту амфоры, к более позднему времени, чем в кургане Бабы, — к самому концу V или даже к началу IV в. до н. э.

Концу V или началу IV в. принадлежит не тронутое грабителями впускное погребение в боку кургана № 5 у с. Архангельская Слобода, раскопанного в 1969 г. Основное катакомбное погребение под насыпью этого кургана оказалось ограбленным, но боковое хорошо сохранилось. Оно было помещено в длинной перекрытой досками яме. Скелет лежал в деревянном гробовище головой на запад. Погребенный воин сопровождался оружием — двумя копьями и тремя колчанами с 450 стрелами с бронзовыми нако-

нечниками. На шее у него была массивная золотая гривна с львиными головками на концах, а на теле множество золотых бляшек, среди которых находились бляшки со сценой терзания оленя львом. Один из колчанов был обит двенадцатью золотыми бляхами с изображениями кабана, собаки и пантеры, терзающей человеческую голову. В тайнике в западной стене могилы стояла деревянная чаша, от которой сохранились золотые обивки с изображениями рыб. Изображения на бляшках из этого кургана выполнены в скифском стиле в формах, свойственных произведениям V в.

Характерная для скифов-царских катакомбная форма могилы не связана своим происхождением с того же рода могилами катакомбной культуры эпохи бронзы; в Северном Причерноморье нет памятников, свидетельствующих о такой преемственности. Происхождение этой формы могилы у скифов неизвестно. Возможно, что она возникла в подражание скальным склепам Ближнего Востока, подобным тем, в каких хоронили персидских царей. У скифов-царских в IV в. до н. э. катакомбная могила стала этнографической особенностью всего народа.

В степном Крыму, куда скифы-царские вселились только в III в. до н. э., катакомбных могил раньше этого времени нет. Погребения раннескифского времени там тоже впускные, а богатые могилы с золотом и импортными вещами столь же редки, как и в степном Поднепровье, причем по своему богатству они не уступают последним. Таков, например, Золотой курган близ Симферополя, в котором при скелете находились: золотая гривна, железный чешуйчатый панцирь, пояс с бронзовыми бляхами в виде орлов и головы грифона и меч со сходным с томаковским золотым наконечником ножен. Возле скелета обнаружена бронзовая горельефная фигурка хищника со скульптурной, обращенной в фас головой, туловище которого было покрыто золотым листком с миндалевидными гнездами для цветных вставок. По-видимому, эта фигурка украшала крышку колчана со 180 стрелами с бронзовыми наконечниками. Это единственный пример сохранившегося в целости раннего — V в. до н. э. — погребения знатного воина в степном Крыму.

Редкие вещи найдены в 1964 г. в насыпи кургана у с. Ильичево в восточной части Крымского полуострова. Это уже известная нам большая золотая «ворворка» в виде усеченного конуса с небольшим отверстием посредине плоской вершины, сходная с найденной в Острой Томаковской Могиле, золотая гривна и три золотые обивки, две из которых со штампованными изображениями. На одной из них головка оленя, обрамленная стилизованными птичьими головками и розетками, а на другой — фигура лежащего оленя со стилизованным птичьими головками рогом. В грудь оленя впился зубами хищник, голова которого выступает из-за туловища жертвы, а лапа охватывает плечо. Средняя часть пластины выломлена, и туловище хищника над спиной

оленя не сохранилось. В круп оленя вписана птица с обращенной назад головой, а перед оленем извивается змея. Эти изображения стилистически сближаются с произведениями, происходящими из 4-го Семибратнего и 1-го Елизаветовского курганов, о которых речь будет ниже, и, как и они, датируются второй половиной V в. до н. э. Находка в целом, по всей вероятности, состоит из вещей, извлеченных из каменной гробницы, находившейся в насыпи более древнего кургана, солдатами, сооружавшими на нем укрепления во время второй мировой войны, но не унесенных ими с собой, а зарытых тут же в землю. Каменная гробница, найденная в Ильичевском кургане, принадлежит к кругу такого же рода памятников с каменными ящиками, распространенных в Восточном Крыму и характерных в большей мере для тавров, нежели для скифов.

Другое, нетронутое грабителями, но более позднее погребение в степном Крыму между реками Качи и Альма было раскопано проф. Ю. А. Кулаковским и поэтому носит его имя. Над могилой в виде четырехугольной ямы, перекрытой деревом и заваленной камнями, насыпан специальный курган, чем она в первую очередь и отличается от предшествующего погребения. При скелете сохранились меч, копье, колчан со стрелами, точильный брусок и две бронзовые бляхи, одна из которых представляет сильно согнутого зверя с перевернутой в обратную сторону задней частью туловища, а другая — тоже хищника, свернувшегося кольцом. Обе фигуры уплощенные, схематизированные, с сильно искаженными пропорциями, заметно отличающиеся от выполненных в высоком рельефе хотя и обобщенных, но более реалистических изображений того же рода более раннего времени. Это погребение датируется второй половиной V в. до н. э., временем, когда и у скифов-царских распространяются курганы, специально насыпанные над богатыми погребениями, из чего как будто бы следует, что в социально-экономическом отношении крымские скифы-номады не отличались существенным образом от скифов-царских.

Событием большого значения в истории скифов была попытка вторжения в Северное Причерноморье персидского войска царя Дария I в 514 г. до н. э. Приукрашенное легендой, оно возбудило интерес к скифам и заняло видное место в «Истории» Геродота, посвятившего скифам четвертую книгу своего знаменитого сочинения. Причиной, побудившей Дария направиться с войском в Северное Причерноморье, по Геродоту, было желание отомстить за обиды и притеснения столетней давности, причиненные скифами во время прибывания их в Азии (IV, 1). По сведениям Ктесия (V—IV вв.), идущим из персидских источников, походу Дария предшествовало нападение на побережье Скифии персидского флота под командованием каппадокийского сатрапа Ариарамна. Персы захватили при этом много пленных, в числе которых был брат скифского царя Скифарба (Скифарна) Марсагет,

содержавшийся в оковах. Скифский царь направил по этому поводу Дарию оскорбительное письмо, на что персы ответили войной. Дарий стремился распространить Персидскую империю на весь тогдашний культурный мир и, в частности, подчинить черноморские колонии греков и тем самым захватить контроль над черноморской торговлей, в особенности над поступлением необходимого Греции скифского хлеба. Успешно овладев Западным Причерноморьем с обитавшими там фракийцами, Дарий двинул свое войско на северную сторону Дуная. По легенде, изложенной Геродотом, встретившие его скифы, отступая вглубь страны, заставили персов в короткий срок (за два месяца) обойти почти всю южную половину Восточной Европы. Убедившись в безнадежности преследования скифов и испытывая все большие и большие трудности со снабжением на своем предварительно опустошенном противниками пути, Дарий вынужден был уйти обратно, не добившись успеха, скифы же приобрели репутацию непобедимости (IV, 83, 97, 98, 118—142).

Описывая путь Дария, Геродот излагает имевшиеся в его время сведения о Восточной Европе и ее населении, в чем и заключается огромная ценность этой части его сочинения. Однако маршрут Дария, как он изображен в легенде, совершенно невероятен. Войско Дария в назначенный для этого срок не могло пройти на северо-восток до Волги, а затем, повернув на запад, вдоль всей лесостепной полосы, дойти до Западной Украины и только после этого добраться до построенного по приказу Дария моста через Дунай. На самом деле, как свидетельствует Страбон, Дарий, перейдя Дунай и углубившись в Буджакскую степь, подвергся опасности погибнуть со своим войском от жажды и, не дойдя даже до Ольвии — греческой колонии в устье Южного Буга, поспешил вернуться обратно (VII, 3, 14).

Трудно сказать, кем создана легендарная версия похода персов на Скифию — скифами ли, разукрасившими свои успехи в борьбе с ними, или греками, вложившими в нее свои представления о скифах и их стране. Скорее всего теми и другими вместе. По-видимому, скифы, действительно выступили против персов, перешедших через Дунай, и применили при этом единственно возможную тактику отступления и изматывания превосходящего их противника путем опустошения страны и мелких непрерывно беспокоящих неприятеля нападений. По всей вероятности, отпор персам с их стороны был организован ольвийскими греками, которым в первую очередь угрожало персидское нашествие. К этому времени греки достаточно хорошо ознакомились со скифской страной и завязали тесные отношения с ее населением.

По легенде к борьбе с персами были привлечены не только скифы, но и их восточные соседи савроматы и ряд других соседних со скифами народов. Заслуживает доверия сообщение легенды о том, что для войны с персами были созданы три соединения с особыми предводителями у каждого. Активную роль

в войне сыграло только одно их них, состоявшее из правобережно-днепровской орды скифов-царских под начальством царя Иданфирса, потомка Спаргапифа, вероятно, того царя, при котором скифы вернулись из Азии. Левобережная скифская орда вместе с савроматами составила второе подразделение, подготовленное для войны. Что касается третьего, то оно могло состоять из скифов-номадов. Два последних соединения тоже имели свои задачи и своих предводителей, подчиненных Иданфирсу. Таким образом, ко времени нашествия Дария скифы представляли собой уже значительное объединение кочевников и реальную военную силу, на которую греки могли опереться в борьбе с персами. Участие скифов в этой борьбе не только подняло их международное значение, но и закрепило положение скифов-царских в качестве главной силы в Северном Причерноморье. По словам Геродота, преследуя персов, скифы сами перешли через Дунай и вторглись на Балканский полуостров, побуждая греков к борьбе с персами. Они предлагали совместные действия спартанцам, обещая, если те вторгнутся в Малую Азию из Эфеса, со своей стороны напасть на Персию из Закавказья и соединиться с ними в заранее намеченном месте (VI, 40, 84).

Вернувшиеся в Северное Причерноморье скифы-царские уже застали там греков и не могли не вступить с ними в тесные отношения. Древнейшее небольшое греческое поселение в Северном Причерноморье возникло на острове Березань в Днепровско-Бугском лимане еще в VII в. до н. э. В следующем, VI в. недалеко от него в устье Южного Буга была основана греческая колония Ольвия. Это был значительный город, население которого, выведенное из Милета, занималось не столько сельским хозяйством и ремеслом, сколько торговлей. На этой основе оно находилось в постоянных сношениях с окружающим варварским миром. Роль этого города в истории скифов была очень большой, через него они оказались связанными с античным миром Средиземноморья и были втянуты в систему сложных экономических и политических отношений этого мира настолько, что в конце концов превратились в одну из его периферийных частей. Античная культура распространилась в верхах скифского общества, заменяя и оттесняя ее национальные элементы, хотя массы скифов весьма ревниво относились к соблюдению отечественных обычаев.

Еще до похода Дария на скифов, в VI в. до н. э., сын скифского царя Гнура Анахарсис предпринял путешествие по Греции и настолько поразил греков своим наивным рационализмом, что был причислен к великим мудрецам. Он же, полагают, научил греков пить неразбавленное водою вино, откуда будто бы ведет происхождение выражения «подскифь» в смысле «добавь неразбавленного вина». Вернувшись на родину, Анахарсис возмутил своих соотечественников служением Матери богов по греческому образцу и был убит за это своим братом Савлием, отцом Иданфирса (IV, 76, 77).

Другой скифский царь, Скил, живший в третьей четверти V в. до н. э., будучи сыном Ариапифа и истрианки, по-видимому, гречанки, получил греческое воспитание и предпочитал жить в Ольвии, где построил себе дворец с мраморными сфинксами и грифонами. Он вел греческий образ жизни, одевался по-гречески и принимал участие в вакхических мистериях. Недовольные его поведением скифы свергли Скила с престола и поставили вместо него брата от другой матери, фракиянки, дочери одрисского царя Тирея Октамасада. Скил бежал к одрисскому царю Ситалку (умер в 425 г. до н. э.), но по настоянию Октамасада был выдан скифам в обмен за укрывавшегося у них не известного по имени брата Ситалка и казнен (IV, 78, 79). В истории Скила, кроме его эллинских симпатий, заслуживают внимания установившиеся после борьбы с персами тесные связи скифов с наиболее могущественным племенем фракийцев — одрисами. Они выражались не только в перекрестных династических браках, но и в культурном взаимодействии, в частности в распространении во Фракии некоторых элементов скифской культуры и искусства, хотя по общему развитию эллинизированные фракийцы не уступали скифам, а превосходили их. Фракийские вещи в свою очередь проникали к скифам.

Несмотря на сопротивление рядовых скифов, греческое влияние все шире и глубже распространялось в Скифии. Как мы видели, уже в конце VI в. до н. э. в богатых скифских могилах преобладают вещи греческого происхождения или скифские по форме, но греческие по исполнению с теми или иными привнесениями греческого характера. Заслуживает внимания факт более раннего и более обильного распространения греческих произведений в среде не ближайших к Ольвии кочевых скифов, а удаленных в лесостепной полосе современной Украины оседлых скифов с земледельческим хозяйством. В связи с этим следует отметить и другое обстоятельство, а именно, что у этих скифов раньше, чем у кочевников, возникают богатые погребения под специально для них воздвигнутыми высокими курганами. Из этого естественно заключить, что экономические связи греков с туземным населением были с самого начала направлены преимущественно в сторону земледельцев, а не кочевников. Ничего удивительного в этом нет, так как греки больше всего были заинтересованы в вывозе из Скифии не продуктов скотоводства, а хлеба, которого у кочевников не было и в котором они сами испытывали нужду. Хлеб греки могли получать только у земледельческого населения лесостепной Скифии. Греческие вещи к скифам-царским поступали, видимо, главным образом в качестве подношений, даров царям и вождям, а не товарного эквивалента за продукты скотоводческого хозяйства.

Скифская страна представлялась Геродоту в виде четырехугольника, южной стороной которого, как он полагал, было Черное море, а западной и восточной — текущие с севера на юг реки Дунай (Истр) и Дон (Танаис). Северная граница Скифии уходила в неведомые страны, в которых по причине царящего там холода никто не живет. Протяженность этого четырехугольника Геродот исчислял в 20 дней пути в каждом из двух направлений, день же пути у него равнялся 200 ионийским стадиям, что составляет около 800 км на каждую сторону (IV, 101). Из этого следует, что к северу Скифия простиралась примерно до границы между лесостепной и лесной растительными зонами Восточной Европы. В широтном направлении эта страна пересекалась рядом больших рек, к которым Геродот причислял реки, доступные с моря, т. е. пригодные для плавания вглубь страны на судах и, следовательно, для торговли (IV, 47). Кроме названных выше Дуная и Дона он перечисляет в Скифии пять таких магистралей: Днестр (Тирас), Южный Буг (Гипанис), Пантикап (Ингулец) и Днепр (Борисфен). Кроме того, он называет еще две реки, Ипакирь и Герр (IV, 51—56), отождествление которых с современными реками остается спорным.

Если Дунай (Истр), по Геродоту, — величайшая из всех известных ему рек, то наиболее замечательной в Скифии он считал Днепр. Она доставляет, по его словам, чистую и вкусную воду, превосходную рыбу, прекрасные пастбища стадам. Вдоль нее, добавляет он, тянутся плодородные пахотные земли. Эта река известна на 40 дней плавания, из которых 10 или 11 дней приходятся на область скифов-земледельцев (IV, 53), простирающуюся в ширину на три дня пути до реки Пантикап (IV, 58). Последняя река значится у Геродота пятой из рек Скифии, доступных с моря, вслед за Борисфеном. Она ошибочно помещается Геродотом восточнее Днепра, тогда как на самом деле это правый приток реки, устье которого действительно открывается вслед за устьем Днепра, но не непосредственно с моря, а из Низового Днепра выше впадения его в Днепровско-Бугский лиман.

При определении местонахождения страны и одноименной с ней реки Герра, до которой Днепр был известен грекам, надо иметь в виду, что русло реки изгибается, ввиду чего путь по воде оказывается значительно длиннее, чем по суше. Поэтому плавание от устья Днепра до страны Герра в области днепровских порогов, выше которых греки, по-видимому, не поднимались и до которых только и знали эту реку, действительно могло продолжаться около 40 дней. Помещать же область Герра выше порогов нет оснований, так как в ней находилось кладбище скифских царей, живших в степи, а не в лесостепной полосе, где на реке Суле ищет это кладбище В. А. Ильинская. А если это так,

то скифы-земледельцы, занимавшие примерно четверть расстояния по реке от устья до порогов, жили только в самом низовье этой реки, не выше Каховки. По имени реки они назывались борисфенитами.

Геродот ведет свое описание Скифии вверх по Южному Бугу (Гипанису), что вполне естественно, так как сведения, которыми он располагал о ней, исходили от греков из Ольвии, для которых эта река была главной магистралью в их сношениях с туземцами. Ближайших к Ольвии скифов он называет каллипидами, выше по Бугу, там где течение этой реки сближается с Днестром, обитатели алазоны, по местоположению в степи, казалось бы, кочевники, но выращивавшие просо, чечевицу, лук и чеснок, т. е. занимавшиеся огородничеством. Наконец, еще выше, за источником Эксампей, отождествляемым с левым притоком Буга рекой Синюхой, простиралась земля скифов-пахарей, сеющих хлеб на продажу, очевидно, главных поставщиков зерна в Ольвию (IV, 17). Из другого указания Геродота (IV, 51) как будто бы следует, что область этих скифов распространялась на Днестр, а в другом направлении могла обнимать и Среднее Поднепровье, так как левые притоки Южного Буга — Синюха и Ингул настолько близко подходят к бассейну Среднего Днепра, что население Побужья и Поднепровья могло в представлении греков сливаться между собой. Путем в Среднее Поднепровье по Днепру ольвийские греки, видимо, не пользовались ввиду его большой протяженности и трудностей, связанных с преодолением порогов.

В своих предшествующих работах по этногеографии Скифии я, исходя из буквального понимания Геродота, относил к скифам-пахарям только население лесостепного Побужья и Поднестровья, да и его, основываясь на сходстве археологических памятников, связывал не с собственно скифами, а с фракийцами Закарпатья, представленными так называемой культурой фракийского гальштата. Что касается Среднего Поднепровья, то я считал, что оно тоже было занято племенами не скифской принадлежности, а теми, хотя по образу жизни и сходными со скифами, но говорившими не на скифских языках андрофагами, меланхленами и будинами, которых Геродот, не упоминая Днепра, помещает сразу за скифской степью с ее кочевым собственно скифским населением (IV, 18, 20, 21). Хотя мое мнение о различной этнической принадлежности населения Скифии и было принято некоторыми другим скифологами, я теперь считаю его ошибочным, так как, по Геродоту, Скифия была населена только скифами и как бы обрамлена другими народами, а главное, потому, что население Скифии в указанных Геродотом границах по своим этнографическим признакам представляет настолько тесное единство, что наблюдающиеся некоторые различия в его составе могли иметь лишь второстепенное локальное значение.

У Геродота в его описании Скифии и ее населения отчетливо проведено разделение последнего на скифов, не пашущих и не сеющих, а занимающихся разведением скота и постоянно передвигающихся вместе с ним с пастбища на пастбище (IV, 46), и на скифов, основным занятием которых является земледелие, выращивающих хлеб, очевидно, не только на продажу, как у него сказано, но и для себя. Первые живут в степи, а вторые занимают лесостепную полосу современной Украины. Небольшая группа земледельцев имеется также в низовьях Днепра.

Сообщая ряд сведений об истории, образе жизни, обычаях и даже верованиях скифов, Геродот имеет в виду или специально скифов-царских, или скифов вообще и почти ничего не говорит о занимавшихся земледелием скифах лесостепной полосы. Даже сведения о местоположении этих скифов, как мы видели, не отличаются у Геродота достаточной определенностью. Хотя скифы, несомненно, делились на племена, Геродот о них ничего не говорит. Для него и для греков вообще важным представлялась не их общественная организация, а направление хозяйственной деятельности. Всех скифов, занимавшихся земледелием в лесостепной полосе, они называли пахарями, не включая в их число скифов, живших по низовому Днепру, должно быть потому, что эта небольшая группа скифского населения была оторвана от основного массива земледельцев. Из числа кочевников-номадов они выделяли только скифов-царских по их господствующему положению в стране.

Геродот не сомневался, что скифы составляют один народ и отличаются от соседей нескифов, даже близких с ними по образу жизни и обычаям, своим языком. Так, относительно родственных скифам савроматов он замечает, что они говорят на скифском языке, но издревле искаженном (IV, 117), т. е. на диалекте или даже на особом иранском языке. Относительно других соседей он прямо указывает на другой язык как основной признак их нескифской принадлежности (IV, 105).

Кроме восточных соседей скифов савроматов, Геродот знает к северо-востоку от последних фиссагетов и иирков (IV, 22), надо полагать, относившихся к финно-угорской языковой семье. К северу от скифов жили меланхлены и андрофаги (черноризцы и людоеды) (IV, 101, 105, 107), представленные в археологии балтскими культурами Подесенья и бассейна Припяти с прилегающей частью Поднепровья. В древности они назывались будинами (IV, 109), а современными потомками их являются литовцы и латыши. В страну будинов, по сведениям Геродота, переселились гелоны (IV, 108), народ общего со скифами происхождения, и вместе с будинами же поселились невры, соседившие со скифами на западе (IV, 100, 105). Одни исследователи считают невров предками славян, а другие связывают их с милоградской культурой в бассейне Припяти и прилегающей части Днепра и относят к балтам-будинам. С запада

к скифам примыкали родственные с ними агафирсы, которых Геродот указывает в Трансильвании в верховьях реки Муреш, но которые в более раннее время могли охватывать своими поселениями и восточное лесостепное Прикарпатье в современной Румынии и Молдавии (IV, 100, 104). На юге соседями скифов были геты, относящиеся к числу фракийцев (IV, 93). В горах Южного Крыма жили тавры (IV, 96, 103), этническая сущность которых остается неизвестной, хотя, как уже говорилось, они сближаются с населением северо-западного Кавказа. За Керченским проливом находились рассмотренные выше синды и меоты (IV, 28, 86, 123).

Таким образом, Геродот четко отделяет скифов от окружавших их народов иной этнической принадлежности и, хотя в науке довольно упорно держится мнение о славянстве земледельческого населения лесостепной части Скифии, оно, как и степное население этой страны, восходит к создателям срубной культуры, т. е. к иранцам. При своем движении на запад срубная культура встретилась с другими культурами, что не могло не вызвать в ней существенных изменений, но не изменило ее этническую природу.

Как уже говорилось, позднейшие этапы срубной культуры называются сабатиновским и белозерским по имени поселений, из которых первое находится у с. Сабатиновка на Южном Буге в Николаевской области, а второе у д. Каменка-Днепровская на берегу Белозерского лимана по левой стороне Днепра в Запорожской области. По наблюдениям исследовательницы срубной культуры О. А. Кривцовой-Граковой, белозерский этап сменяется сабатиновским, однако при раскопках поселения Ушкалка Херсонской области поблизости от Белозерского срубного поселения со всей несомненностью обнаружилась противоположная последовательность этих этапов. В этом поселении отложения сабатиновского этапа залегали не над, а под белозерскими. Далее выяснилось, что памятники, близкие к сабатиновским, имеются по всему северо-западному Причерноморью и что сходные с ним элементы распространены в Крыму и на Северном Кавказе.

На сабатиновском этапе срубной культуры наряду с характерными для нее землянками встречаются слегка углубленные в землю наземные жилища, состоящие из нескольких помещений и иногда, как и землянки, достигающие значительной величины — до 100 м^2 площади. Во многих случаях находятся остатки каменных стен или фундаментов. Внутри жилищ устраивались очаги из камня или глины, но встречаются и купольные печи. Глиняная посуда разнообразная — это и большие сосуды для хранения запасов, и кухонные горшки, и столовая посуда. Больше всего грубой кухонной посуды баночной, реберчатой и с округлым туловом, имеются сковородки и крышки. Орнаментация сосудов состоит из гладкого или расчлененного валика под венчиком, изредка встречаются гребенчатые узоры. Столовая

посуда тонкостенная и в большинстве своем с подлощеной поверхностью. Она представлена черпачками с петельчатой ручкой, кубками с цилиндрической шейкой, чашами с округлым дном и редко встречающимися вазами с парой таких же, как у черпачков, ручек.

Устройство погребений разнообразное: немногие из них — наиболее богатые — находятся под специальными курганами в больших перекрытых деревянным накатом ямах, иногда со столбами для поддержания перекрытия. Это, без сомнения, погребения вождей. Рядовые могилы устраивались и в коллективных кладбищах — курганах и без курганов, там, где есть камень, под каменной закладкой или даже в каменном ящике, остальные в земляных ямах с деревянным покрытием и реже в срубах. Покойники клались в скорченном положении на левом, реже на правом боку, ориентировались преимущественно на восток, с кистями согнутых в локтях рук у лица. У головы или перед лицом покойника ставился горшок, в курганных погребениях преобладают горшки баночной или остроребернoй формы, для бескурганных характерны черпачки с петельчатой ручкой и кубки, реже в них находятся баночные горшки. Из металлических вещей в погребениях нередко находятся ножи, височные кольца с завитками в разные стороны на концах, пуговицы, в их числе и костяные, а также бусы из кости и камня.

С сабатиновским этапом связываются многочисленные клады бронзовых вещей. В их составе больше всего серпов: коленчатых, широких с закругленным концом и маленьким крючком на рукоятке, овально изогнутых с отверстиями или шишечкой для крепления рукоятки и других. Много также топоров-кельтов с шестигранным, реже овальным сечением втулки, часть их с двумя ушками. Имеются наконечники копий — лавролистные и с ромбическим расширением к черенку, кинжалы листовидные с нервюрой вдоль клинка с упором между ним и черенком, такие же с дуговидным перекрестьем. Среди украшений находятся браслеты, булавки с полой со сквозными проколами или с кольцевой головкой и крестовидными подвесками, височные кольца, пуговицы и другие предметы.

Многочисленные матрицы свидетельствуют о местном изготовлении изделий из бронзы, импортные вещи встречаются главным образом в виде лома, предназначенного для переплавки. Среди них встречаются семиградские кельты, коленчатые серпы с шишечкой и другие предметы карпато-дунайского происхождения. Ввиду отсутствия местных сырьевых ресурсов металл приходилось получать со стороны в виде слитков, лома, вышедших из употребления или неприемлемых по местным условиям вещей. Основным источником его получения была Карпато-Дунайская горнометаллургическая область. Что касается типов изделий из бронзы, то среди них преобладали сруб-

ные традиции, сложившиеся на уральской металлургической базе.

И расположение поселений, и находки серпов и зернотерок, и многие другие данные свидетельствуют о земледельческо-скотоводческом хозяйстве сабатиновского этапа. Указаний на существование кочевого скотоводства в его памятниках не содержится. Поселения локализуются по берегам рек и вглубь степи не распространяются. Некоторые элементы сабатиновского этапа восходят к культуре многоваликовой керамики, т. е. к позднейшему варианту катакомбной культуры, а ряд их относится к заимствованиям из прикарпатских культур, но основным в нем остается наследие срубной культуры, ввиду чего надо заключить, что этот этап возник в результате ассимиляции пришлым срубным населением аборигенов, среди которых западнее Днепра сохранились и отдаленные потомки населения древнеямной культуры.

Большинство исследователей считает культуру сабатиновского этапа киммерийской. Первым, как уже говорилось, признал бронзы этого времени киммерийскими В. А. Городцов. Однако решающее участие в формировании этого этапа собственно срубной культуры делает такое заключение маловероятным. Создателями сабатиновского этапа срубной культуры были не киммерийцы, а скифы, поглотившие остатки киммерийцев и унаследовавшие их связи с населением Прикарпатья. Киммерийцы были, следовательно, только субстратом причерноморских скифов. Распространенная в то же время в Прикарпатье культура ноа также содержит элементы срубного происхождения, но в обратном соотношении с карпато-дунайскими традициями, из чего, видимо, следует сделать заключение об ее иной, хотя и родственной, этнической принадлежности.

Хронология сабатиновского этапа определяется XIII—XI вв. до н. э., причем основанием для датировки служат, во-первых, кинжалы с тройной нервюрой и дугообразным перекрестьем, сходные с сосновомазинскими находками на Волге, в свою очередь сопоставляемыми с кинжалами из Талыша, относимыми к XIII—XII вв. до н. э. Далее, костяные псалии с молоточковидными выступами, происходящие из сабатиновских поселений, находят себе аналогии в центральноевропейских находках раннегальштатского времени (Гальштат А), с одной стороны, и на первом Сусканском поселении срубной культуры времени Сосновой Мазы — с другой. Другие псалии из сабатиновских поселений ближе всего стоят к роговым венгерским псалиям типа Тесег С, датируемым не позже 1100 г. до н. э. К более позднему времени относятся смычковые фибулы, какие Шефер датирует временем между 1200—925 гг., а Мюллер-Карпе — XI—IX вв. до н. э.

Исходя из этого, переселение не примирившейся с пришельцами части киммерийцев из северо-западного Причерноморья в Малую Азию следует относить к XIII в. до н. э., к тому времени,

что и найденный в Нижнем Поднестровье знаменитый Бородинский (Бессарабский) клад с его серебряными с золотой инкрустацией кинжалами, копьями и булавкой, а также с превосходными каменными полированными топорами и булавами. Этот клад долговременного накопления, в составе которого наиболее поздними являются топоры пятигорских типов и даже северокавказского происхождения, составлял, вероятно, сокровище царя или вождя, каким мог быть один из киммерийских предводителей, по легенде погибших на Днестре.

Количество поселений в степной полосе на белозерском этапе уменьшается, что, по всей вероятности, находится в связи с переходом части населения к кочевому образу жизни. Домостроительство и погребения белозерского этапа существенно не отличаются от сабатиновских. Качество керамики на этом этапе улучшается, увеличивается число лощеной посуды. За счет уменьшения баночных форм растет количество горшков с округлым туловом и слабо отогнутым краем, валик становится менее массивным, вмятины на нем заменяются насечками. Изменяется соотношение в типах лощеной керамики: вместо черпаков преобладающее положение занимают цилиндрошейные кубки, чаще применяется резная и штампованная орнаментация. Наиболее значительные изменения происходят в формах бронзовых вещей. Кроме кельтов, встречаются втульчатые долота, клинки у кинжалов и ножей получают параллельные лезвия, у наконечников копий в расширяющихся книзу лопастях пера делаются большие отверстия. Характерными для этого этапа являются также круглые костяные пряжки с большим отверстием в центре и маленьким сбоку.

К северу, в Среднем Поднепровье, срубная культура белозерского этапа переходит в современную с ним белогрудовскую культуру, в большом числе памятников выявленную в Уманском районе Черкасской области. Поселения этой культуры представлены группами насыпных бугров с зольными прослойками, под которыми встречаются очаги или кострища. В этих буграх находятся бытовые остатки: кости животных, черепки сосудов, обломки каменных и костяных изделий и т. п. А. И. Тереножкин полагает, что бугры образовались на месте наземных, неоднократно возобновлявшихся жилищ, другие считают их остатками святилищ и, наконец, третьи — просто мусорными кучами. Погребений белогрудовской культуры найдено немного. Они бескурганные, в скорченном виде, головой на запад. Посуда этой культуры также делится на кухонную и столовую. Среди первой преобладают грубые горшки с шероховатой поверхностью и валиком под шейкой. Столовая посуда лепилась из отмученной глины и обрабатывалась лощением. Среди нее имеются миски и черпаки с поднимающейся над краем ручкой. Орнамент встречается нечасто и, если есть, то геометрический в виде спускающихся треугольников, нанесенных мелкозубчатым чеканом. Много миниатюрных сосудиков, то ли игрушек, то ли культового назначе-

ния. Много глиняных пряслиц, конусов, колпачков и лепешек. Образцов собственно срубной керамики найдено мало, но она встречается как на поселениях, так и в погребениях.

В белогрудовских поселениях в значительном числе находятся кремневые вкладыши серпов, и в соответствии с этим сравнительно мало бронзовых орудий этого рода. Из камня делались зернотерки, терочники и шлифованные топоры со сверлиной для рукоятки. Из кости и рога изготовлялись мотыги, муфты для прикрепления каменных орудий к рукоятке, проколки, пряслицы, лощила, тупики и небольшие псалии с тремя отверстиями в утолщениях на концах и посредине. О распространении бронзы свидетельствуют каменные и глиняные формы, но кладов литейщиков в Среднем Поднепровье меньше, чем на Нижнем Днепре. Изделия из бронзы не отличаются от белозерских. По близкому сходству тех и других белогрудовская культура относится к тому же времени, что и поздний этап срубной культуры. Вероятно, и возникла она в результате внедрения срубной культуры в занятые комаровской культурой области среднего течения Днепра, Южного Буга и Днестра. Заселение их, вероятно, происходило не из днепровского Левобережья, а из северо-западного Причерноморья, поскольку в среднеднепровское лесостепное Левобережье белогрудовская культура не распространяется.

Следующий период в истории лесостепной правобережной Украины носит название чернолесского по имени одного городища в бассейне реки Тясмин, где сосредоточена группа этого рода памятников, известных, впрочем, по всему пограничью степи с лесостепью от Днепра до Днестра. Чернолесская культура — прямое продолжение белогрудовской. Характерные для нее городища расположены на мысах и представляют собой кольцевые укрепления из вала и рва, во многих случаях усиленные с напольной стороны еще одним или двумя валами и рвами. Вдоль валов шли деревянные стены. Постоянного населения внутри большей части городищ не было, они служили убежищами для жителей расположенных в окрестностях неукрепленных поселков. Но имеются городища и со следами заселенности, сосредоточенными вдоль внутренней стороны вала; средняя часть их оставалась незанятой. В некоторых из таких городищ прослеживаются отложения двух и более периодов кратковременного обитания, разделенных друг от друга пожарищами. В нижнем слое таких городищ материалы близки к белогрудовским, в верхнем же выступают новые черты.

Остатки жилищ в чернолесских поселениях представлены глинобитными полами и очагами наземных сооружений, землянками четырехугольной и круглой формы со стенками, облицованными вертикально поставленными плахами или бревнами. На поселениях имеются зольные бугры (зольники) и большое количество хозяйственных ям. Часть их, несомненно, предназначалась для хранения зерна. О земледелии как важнейшем виде

хозяйственной деятельности свидетельствуют также каменные зернотерки, терочники и кремневые вкладыши серпов. Как и в белогрудовской культуре, камень и кость были распространенными материалами для изготовления разнообразных хозяйственных и бытовых предметов, хотя металлургия бронзы к этому времени делает новые успехи — литье в каменных формах вытесняется литьем по восковым моделям. В погребениях наряду со скорченным положением покойника распространяется вытянутое на спине головой на запад. Широкое применение получает кремация. Останки трупосожжений погребались в глиняных урнах. Бытуют как курганные, так и бескурганные могильники.

В керамике происходит развитие форм предшествующего времени. Характерным для чернолесского времени становится тюльпанообразный сосуд. Главным украшением по-прежнему остается валик, иногда с несомкнутыми концами. Появляются дырочки по краю. Кубки получают высокое горло и сферический или полусферический корпус. Орнаментация такая же, как и в белогрудовское время, треугольниками, нанесенными мелкозубчатым чеканом. Распространяются конические миски с загнутым вовнутрь краем. Новую форму представляют большие хорошо лощеные корчаги с сильно выпуклым туловом и высоким стройным горлом, украшенные так же как кубки, канеллюрами и налепами. Ручки у черпаков не только дугообразные, но и с выступом наверху.

Костяные и роговые изделия, как и каменные, еще довольно многочисленны. Наибольший интерес из них представляют наконечники стрел и части уздечного набора. Наконечники бывают и черенковые и втульчатые. В числе последних встречаются вильчатые. Псалии трехдырчатые, с утолщениями или муфточками для отверстий. Распространенными изделиями из бронзы были браслеты, булавки, кольца, бляшки, бусы. Наиболее интересны литые пластинчатые браслеты с рельефным узором из спиралей и поперечных рубчатых поясков, а также гвоздевидные булавки с боковой петлей. Из орудий следует отметить ножи с выгнутой спинкой и одноушковые шестигранные кельты, неизвестные на востоке, но зато сходные с западными и северными европейскими орудиями этого рода. Известная со значительно более раннего времени металлургия железа делает в чернолесское время свои первые шаги в днепровском Правобережье. Этим временем датируются железный кинжал и меч с бронзовыми рукоятками и железное тесло в виде пластины с боковыми выступами близ верхнего края. Подобные предметы, как уже указывалось, известны на Северном Кавказе, где относятся к VIII—VII вв. до н. э.

Таким образом, в чернолесское время формируются важнейшие признаки культуры, получающей дальнейшее развитие в собственно скифском периоде, начинающемся с возвращения скифов-царских из Азии. Четкой границы между чернолесским и скифским периодами в культуре не существует, но некоторые

новые явления, характерные для последнего, могут быть отмечены. Так, в части оружия и орудий бронза уступает свое место железу, за исключением наконечников стрел, которые именно в это время отливаются из бронзы и получают широкое распространение. В украшениях бронза не только сохраняет свое значение, но и расширяет его путем значительного увеличения типов и форм этого рода изделий. Высокого развития достигает керамика с черно- или серолощеной поверхностью и с формами, сходными с карпато-дунайскими культурами так называемого фракийского гальштата. В орнаментации ее наблюдаются два течения: одно с преобладающим значением желобков, валиков и сосочков и другое — штампованного или прочерченного и заполненного белой массой геометрического узора. Первое характерно для Подолии, но проникает и в Среднее Поднепровье, второе, появившись в северо-западном Причерноморье, распространяется на Средний Днепр, где и сочетается с первым.

В лесостепной полосе Восточной Европы различается несколько групп оседлоземледельческого населения скифского времени. Это подольская, тясминская и поросская, или каневская, с киевской по правую сторону Днепра, ворсклинская и посульская с северскодонецкой по левую сторону этой реки. Отдельно от них размещается воронежская группа на Среднем Дону. Если между подольской и правобережно-днепровскими так же, как между левобережными группами скифского расселения, каких либо существенных географических рубежей не имеется, то правобережные и левобережные группы разделены между собой не только большой рекой, но и непригодной для древних земледельцев степной полосой, тянущейся вдоль Среднего Днепра до устья реки Десны с левой его стороны, а между находящейся на Дону воронежской группой и левобережно-днепровскими тоже клином врезалась степь по реке Оскол. Но указанное деление было обусловлено не только географически, оно связано с историей заселения скифами лесостепи. Лесостепь к западу от Днепра осваивалась из северо-западного степного Причерноморья вверх по Южному Бугу, его левым притоком и Ингульцу, восточнее Днепра скифы появились, по-видимому, тоже не столько из степей Днепро-Донского междуречья, сколько с правой стороны Нижнего Днепра. Для скифских памятников по реке Ворскле это весьма вероятно.

Наиболее ранние из них, соответствующие чернолесскому этапу, возникают на этой реке не позже VII в. до н. э. и представлены поселениями близ сел. Хухры и Ницаха, причем в последнем отложения чернолесского типа залегают над остатками предшествующего поселения бондарихинской культуры. К тому же времени относится уже упомянутое бескурганное погребение с трупосожжением, обнаруженное у с. Бутенки Кобелякского района Полтавской области. В нем найдены два железных наконечника копий с маленькими круглыми отверстиями в нижней

части пера типа, известного по находкам в Западной Европе и на Балканском полуострове и относящегося к VIII—VII вв. до н. э., бронзовые наконечники стрел овально-ромбической формы на длинной втулке, бронзовые браслеты с выступом на боку, два больших кольца с подвижной муфтой и бронзовые части четырех уздечек, представленные двукольчатыми удилами с заканчивающимися шляпкой подвесками на концах, бронзовыми псалиями с тремя колечками сбоку, со шляпкой на одном конце и изогнутой лопастью на другом и, наконец, бляшками с дужкой на обороте. Удила этого рода относятся по классификации А. А. Иессена к первому, или кобанскому, типу и датируются VIII—VII вв. до н. э.

Памятники позднесрубной культуры в среднеднепровском лесостепном Левобережье встречаются только в восточном пограничье этой области, предшествующее скифам население ее характеризуется бондарихинской культурой, по своим признаками сближающейся с юхновской культурой Подесенья балтской этнической принадлежности. Вселившиеся сюда скифы оттеснили аборигенов к северу, не обогатив свою культуру заметными заимствованиями из их наследия. Что касается причины передвижения скифов в лесостепь, то она, вероятно, та же, которая заставила кочевников уйти в Азию. Часть оставшихся в Северном Причерноморье скифов в связи с засушливостью климата и изменениями в расположении ландшафтов переместилась из степной полосы к северу в лесостепь, но, поскольку среднеднепровское Правобережье уже было занято такими же скифами, захватила пограничную со степью левую лесостепную сторону Среднего Днепра.

Посульская группа памятников отличается от ворсклинской прежде всего тем, что обычная в последней, как и в правобережных группах, лощеная посуда с резным заполненным белой пастой орнаментом в ней почти не встречается, а также распространением некоторых типов вещей, мало или вовсе неизвестных в других группах скифской культуры. Течение р. Сулы и верховья Северского Донца были позже заселены скифами, чем берега Ворсклы. Еще позже скифы проникли в бассейн Среднего Дона. Нет достаточных оснований полагать, что на Ворсклу скифы явились из среднеднепровского Правобережья — из Потясминья или Поросья. С не меньшим правом их можно вести из степного северо-западного Поднепровья, хотя В. А. Ильинская считает, что поворсклинские скифы тем и отличаются от посульских, что переселились на левую сторону Днепра со среднеднепровского Правобережья, тогда как посульские явились туда из приазовских степей. Основанием для этого служат, как сказано, различия между теми и другими в культуре, в частности в керамике.

Скифская керамика, датируемая VII—первой половиной VI в. до н. э., как это было отмечено, характеризуется столовой лощеной посудой изысканных форм и роскошной орнаментацией.

Это отмеченные для чернолесского этапа большие корчаги с раздутым туловом, украшенные широкой лентой геометрического узора, а в Правобережье также канеллюрами, налепами и сосочками, округлые высокогорлые кубки, различной формы черпаки и миски с загибающимися внутрь или, наоборот, отогнутыми краями. Кубки, черпаки и миски, как и корчаги, часто с нарезным орнаментом, усиленным на черном фоне белой пастой. В дальнейшем количество лощеной керамики уменьшается, формы ее упрощаются, ведущими становятся глубокие черпаки с высокой ручкой, чаще всего не орнаментированные, встречаются биконические корчаги без орнамента. Что касается кухонной керамики, то для нее в раннескифское время характерны горшки со слабовыпуклым туловом, немного суженной шейкой и широким устойчивым дном. Украшены они обычно по плечикам валиком с пальцевыми защипами, а по краю венчика проколами-дырочками. В соединении с проколами часто имеется второй валик с такими же, как у первого, пальцевыми вдавлениями и защипами. В погребениях этого времени преобладает столовая посуда, тогда как на поселениях находятся преимущественно кухонные горшки. К V в. до н. э. лощеная керамика вовсе выходит из употребления. В орнаментации горшков сохраняется налепной валик, но дырочки по краю заменяются наколами и ямками. К концу этого века основной формой становится горшок с выпуклым туловом, украшенный пальцево-ногтевидным рельефом или косыми насечками по краю венчика.

Посульская керамика, несмотря на сотни раскопанных курганов, известна плохо. Большинство находок этого рода утрачено или депаспортизировано. Тем не менее среди сохранившихся имеется несколько лощеных сосудов, не отличающихся от правобережно-ворсклинских. Кухонная посуда здесь действительно имеет некоторые особенности: орнамент в виде валика отсутствует, край венчика гладкий или украшен пальцево-ногтевидными вдавлениями или насечками, а также дырочками или наколами с выпуклинами (жемчужинами). Этого рода керамику И. И. Ляпушкин называет «позднезольничной» и выводит из поворсклинской. Того же характера и керамика Северского Донца. Указанные различия в керамике не дают основания утверждать, что поворсклинская и посульско-донецкая керамика, а вместе с нею и соответствующие группы скифов различного происхождения. Отмеченные выше различия в большей мере не локального, а хронологического порядка. Этим объясняется и большее сходство посульской керамики со степной скифской, известной, правда, не по погребениям, где ее почти нет, а по немногочисленным поселениям, относящимся ко времени не ранее V в. до н. э. В более раннее время в степи, как и по всему северочерноморскому побережью, находится керамика, близкая к чернолесской или даже сабатиновской. В северо-западном Причерноморье, в Крыму и в Прикубанье она представлена лощеными корчагами,

кубками и в особенности черпаками. Это формы, появившиеся на сабатиновском этапе позднесрубной культуры из Прикарпатья и, как уже неоднократно говорилось, усиленные в дальнейшем влияниями, шедшими из фракийского гальштата.

Свое заключение об отличном от правобережно-днепровских и поворсклинских скифов происхождении населения Сулы и верхнего Донца В. А. Ильинская пытается подкрепить сопоставлениями других категорий памятников. Она указывает на значительно большее количество конских уздечек в посульских курганах сравнительно с правобережно-днепровскими и поворсклинскими и на соответствующую этому значительно большую численность среди них костяных псалий, забывая при этом отметить, что скелетов самих коней, встречающихся в Правобережье, в посульско-донецких курганах не найдено, указывает на относительную многочисленность в посульских курганах наверший и боевых секир и, с другой стороны, на редкость или отсутствие в них известных в Правобережье гвоздевидных сережек и двухстержневых шпилек с изогнутой дужкой. Однако эти сопоставления бьют мимо цели, так как основанный на них вывод о сходстве культуры посульско-донецких скифов не с правобережными, а со степными из всего этого никак не вытекает, потому что в этом направлении не с чем сравнивать.

Выше уже отмечалась крайняя малочисленность скифских памятников VI—V вв. до н. э. в степной полосе. Следовательно, сравнивать посульско-донецкие памятники этого времени можно только с кубанскими, которые, очевидно, и имеются в виду В. А. Ильинской, когда она говорит о юго-восточных скифах. Оставив в стороне нескифскую принадлежность кубанских курганов скифского времени, отметим только, что в них погребались не уздечки, а сами кони и что костяные псалии там были неупотребительны. Что касается наверший, то действительно в Посулье их найдено больше, чем по правую сторону Днепра, но этого явно недостаточно для доказательства юго-восточного происхождения посульско-донецких скифов. Таким образом, различия между поворсклинской и посульско-донецкой группами скифов находятся в зависимости не от их различного происхождения, а от времени заселения. Сула и Северский Донец были позже заселены скифами, чем Ворскла, а откуда явились те или другие, существенного значения не имеет. Заселение Сулы и верховий Донца могло быть следствием простого биологического размножения скифов, первоначально осевших на южной окраине лесостепи — по Ворскле и оттуда продвигавшихся на север и на восток по лесостепной полосе.

Заселение скифами Среднего Подонья относится к еще более позднему времени — к рубежу VI и V вв. до н. э. В занятой ими области между реками Сосна и Тихая Сосна известны памятники катакомбной, срубной и абашевской культур. Последняя по этнической принадлежности была угро-финской. Хронологически

ни одна из них не дожила до появления скифов и в культуре последних не отразилась. Из локальных особенностей донской скифской культуры можно отметить только широкое распространение поясных крючков, какие известны и у их ближайших соседей — сарматов или савроматов, а также устройство в центре могилы специальной ямки — бофра, по-видимому, культового назначения.

П. Д. Либеров упорно настаивает на тождестве донских скифов с названными Геродотом гелонами, которые, по мнению последнего, были эллинами, поселившимися в стране будин. Самым замечательным признаком гелонов, по Геродоту, был огромный деревянный город, называвшийся по их имени Гелон (IV, 108, 109). Никаких следов такого города на Среднем Дону не обнаружено, тогда как на Ворскле известно совершенно исключительной величины Бельское городище, внешняя ограда которого имеет протяженность около 30 км. О существовании такого сооружения ольвийские греки, а от них и Геродот не могли не знать. Это доказывает, что гелоны жили на Ворскле, созвучие же имени гелонов с названием эллины послужило Геродоту поводом для отождествления тех и других. На самом деле гелоны были одним из скифских племен, о происхождении которого от общего со скифами предка говорится в приведенном Геродотом одном из вариантов скифской этногонической легенды (IV, 10). Это племя поселилось в стране, занятой будинами — балтами, представленными в археологии, как уже говорилось, бондарихинской культурой.

Судя по близкому сходству культуры земледельческого населения по правую и левую стороны Днепра, а равным образом на Донце и Среднем Дону, оно составляло этническую общность и представляло тех же гелонов, какие достаточно точно устанавливаются на Ворскле. Оно общего происхождения и, если делилось на племена и локальные группы, то это не снимает их принадлежности к одному народу, родственному со скифами степного Причерноморья и отличавшегося от него главным образом направлением своей хозяйственной деятельности и обусловленным этим бытовым укладом.

Особый вопрос относится к подольской группе памятников скифского времени. Эти памятники существенно отличаются от среднеднепровских и так же, как они, не составляют полного единства, а делятся на две части: днестровскую и южнобугскую, хотя и та и другая представлены одинаковыми городищами с однородной керамикой, близко сходной с керамикой закарпатской культуры фракийского гальштата. Днестровская, кроме того, известна еще и по погребениям в небольших курганах с каменными насыпями, тогда как побужских погребений, относящихся к раннему времени, не найдено. Обе вместе они, однако, определенно отличаются от среднеднепровских памятников комплексами своей керамики, в которой видное место занимают сосуды

с рельефными украшениями, а днестровская еще и устройством погребений. Культура подольской группы в большей степени, нежели других частей лесостепного населения Скифии, связывается с Закарпатьем и, возможно, принадлежит не собственно скифам, а другому родственному с ними народу, поскольку в основании его культуры лежали такие же, как у скифов, элементы срубного происхождения.

СКИФЫ-ПАХАРИ

Скифами-пахарями мы называем все оседло-земледельческое население лесостепной Скифии от Днестра до Дона, независимо от того, называл ли его этим именем Геродот или нет. Если исходить из точного смысла слов Геродота, то скифами-пахарями для него было население лесостепной части Южного Побужья, о среднеднепровских скифах он не упоминает и даже, по-видимому, не знал об их существовании так же, как о скифах донских. Возможно, что в его представлении все лесостепное население Скифии сливалось в одну массу. Во времена Геродота, как мы увидим ниже, Ольвия была связана с населением не Побужья, а Среднего Поднепровья, но связь эта осуществлялась по Бугу и его притокам Ингулу и Синюхе, почему среднеднепровские скифы и представлялись Геродоту находящимися в Побужье.

В соответствии с характером хозяйства и образа жизни памятниками этих скифов являются не только погребения, но и многочисленные поселения, среди которых особенно замечательны городища, т. е. земляные укрепления, в одних случаях заселенные, а в других служившие только убежищами на время военной опасности. В пограничье степи с лесостепью городища возникают еще на чернолесском этапе. В большинстве своем они небольшие, расположенные на защищенных самой природой местах — главным образом на береговых мысах, но с начала собственно скифского периода, который мы связываем с возвращением скифов из Азии, эти городища заменяются более обширными с мощными оградами, уже далеко не всегда соответствующими естественным рубежам, но все же сооруженными с учетом созданных природой преград. Возведение таких укреплений было возможно только совместными усилиями большого числа людей, из чего следует, что вместо мелких разрозненных групп у скифов-пахарей возникают крупные военно-территориальные объединения, ставшие необходимыми для отражения усилившейся опасности со стороны соседей, кочевников. По всей вероятности, теперь земледельцам

приходилось обороняться уже не от мелких грабительских шаек, а от сильных воинских соединений, для чего требовались другие способы борьбы и соответственно иные формы общественной организации.

Одним из самых замечательных городищ является Немировское, находящееся в бассейне среднего течения Южного Буга близ г. Немирова на речке Мирке. Оно состоит из двух частей — укрепленного поселения, расположенного на сапогообразном мысу высокого берега небольшой речки, образованном двумя впадающими в нее глубокими оврагами, и обширного пространства по обе стороны этой речки площадью свыше 100 га, обведенного высоким с крутыми склонами валом и рвом протяженностью около четырех с половиной километров. Мысовое поселение внутри этой ограды защищено тоже валом и рвом с напольной стороны между оврагами и со стороны выступающего в виде носка сапога конца мыса с наиболее пологими и доступными с этой стороны склонами. Для пропуска через территорию городища речки Мирки, верховий оврагов с ручьями и для въездов во внешней ограде городища имеется несколько перерывов, в древности, надо полагать, закрытых деревянными оборонительными сооружениями. Деревянной оградой были усилены и все земляные укрепления городища. Остатки ее представлены углями и обожженной до крепости кирпича или наоборот, рассыпающейся мелкой крошкой насыпной землей и полостями от выгоревших бревен в валу.

На всей обведенной внешней оградой площади городища, за исключением внутреннего особо выделенного укрепления, никаких следов поселения не обнаружено; она предназначалась не для постоянного населения, а для размещения стекавшихся сюда в случае военной опасности домашних животных, видимо, составлявших богатство их владельцев и одновременно важнейшую добычу для неприятелей. Население окружавшего это городище района не жалело трудов, сооружая надежное убежище от врагов, которыми в первую очередь могли быть скифы-царские, явившиеся из Азии разгромленными беглецами без скота и другого имущества и озабоченные приобретением не только территории, но и средств существования.

В отличие от внешней части городища, служившей временным убежищем, находившееся внутри его особо выделенное укрепление было занято постоянным населением, по всей вероятности, как свидетельствуют находки в других подобного рода поселениях, совмещавшим занятия сельским хозяйством с ремеслом. Там же мог находиться и административный центр объединившегося для сооружения убежища окрестного населения во главе со своим вождем или царем и с лицами, составлявшими его окружение — двор или дружину.

Подобные Немировскому городища-убежища возникают во всей области расселения оседло-земледельческого населения

Скифии от Днестра до Верхнего Дона. Наибольшей известностью из них, кроме Немировского, пользуются Пастырское на реке Сухой Ташлык в Днепровском Правобережье и упомянутое Бельское на Ворскле в Левобережье. Последнее особенно грандиозно. Обведенная валом и рвом площадь между Ворсклой и Сухой Груней занимает 4400 га. С восточной и западной стороны в линию укреплений входят два особо выделенных укрепленных поселения, тоже значительной величины: западное в 122 га и восточное в 65,2 га. Третье укрепленное поселение в северо-восточной оконечности большой ограды самое маленькое (около 10 га) и возникло позже других, не раньше V в. до н. э. На площади городища имеются зольники и другие следы поселений, частично относящихся ко времени более раннему, чем сооружение валов, примерно, до середины VI в.

Раскопками установлено, что вдоль валов протяженностью около 30 км шла деревянная стена, а в поселениях открыты остатки наземных и земляночных жилищ и хозяйственных построек. Жилища были круглые со столбом посредине и четырехугольные, углубленные в землю, со столбами для крытой соломой двускатной крыши. В них были очаги и, судя по обожженным глиняным блокам конической и цилиндрической формы, сводчатые печи. Печи из таких блоков возводились в поселениях юхновской культуры.

На западном городище, заселенном только вдоль обводивших его валов на ширину нескольких десятков метров, встречено много остатков выплавки и переработки железа. Найденная на этом поселении греческая керамика относится к VI—IV вв. В восточном укрепленном поселении тоже обнаружены многочисленные следы ремесленного производства, среди которых особый интерес вызывают остатки бронзолитейного дела. Там около плавильной печи найден между прочим фрагмент глиняной литейной формы для воспроизведения по восковой модели массивной нащитной бляхи в виде оленя, подобной происходящей из Костромского кургана на Кубани, но более поздней. Рога оленя в этой форме стилизованы птичьими головками.

Заселенные ремесленниками бельские укрепленные поселения, каждое в отдельности, имеют многочисленные соответствия в других того же рода поселениях в Скифии, но объединение их огромной общей оградой является совершенно необычным. Вероятно, это было сделано в интересах совместной защиты сначала двух, а затем и трех как-то связанных между собой групп населения. Большая ограда Бельского городища обнимает такую площадь, которая могла служить не только для временного содержания скота, для чего предназначались ограды городищ-убежищ, но и для земледельческого производства, чтобы обеспечивать безопасность не только пастухов, но и пахарей. Близость степи и угроза неожиданных нападений кочевников делали целесообразными огромные трудовые затраты, которые тре-

бовались для ее сооружения. Конечно, активная оборона всего протяжения валов Бельского городища была невозможна, но они сами по себе служили труднооодолимым препятствием и, исключая элемент неожиданности, давали возможность жителям связанных оградой поселений организованно выступить на защиту от врагов и уберечь свое имущество от расхищения.

Обведенное деревянной стеной по высокому, достигающему 10 м над окружающим уровнем земляному валу, усиленному глубоким рвом, Бельское городище, несомненно, пользовалось широкой известностью, и более чем вероятно, что именно его имел в виду Геродот, сообщая о большом деревянном городе Гелоне в стране будин.

Наряду с городищами с постоянным населением существовали и такие, в которых постоянного населения не было. Они служили убежищами на время военной опасности. Примером может служить Мотронинское городище в бассейне р. Днестр выше Могилева-Подольского. Центральную часть его образует небольшое укрепление на мысу при слиянии двух ручьев. Долины этих ручьев и образованной ими речки, обведенные каменно-земляным валом, расположенным на крутых склонах так, что они незаметны с окружающего плато, составляют значительную площадь, пригодную для временного содержания скота, тогда как его владельцы могли помещаться в мысовом укреплении, господствующем над всей территорией городища.

В обычное время скифы жили в небольших неукрепленных поселках, следы которых слабо выражены, так как они были сравнительно недолговременными. Подвижность населения обусловливалась переложной системой землепользования, при которой пригодная для обработки земля в данной местности оказывалась довольно скоро использованной и населению ввиду этого приходилось менять место своего жительства. Деградированные черноземы, на которых скифы преимущественно вели свое земледельческое хозяйство, нуждались в длительном промежутке для восстановления плодородия, и главное, что вызывало частую смену одного поля другим, было зарастание пашни заглушающими посев сорняками. При доступной скифам мелкой вспашке эффективно бороться с сорняками они не могли и поэтому вынуждены были через несколько лет эксплуатации оставлять поле и ожидать, пока оно зарастет лесом и кустарником, чтобы затем освободить его огнем от растительности и вновь пустить под пашню и посев. Пахота производилась деревянным плугом в виде крюка, сделанного из рассохи — ствола дерева с отходящим от него толстым суком. Сук использовался как «гридиль», посредством которого в плуг запрягалась пара волов или лошадей, обрубок же ствола отесывался в «ползунок» с острым рабочим краем и пяткой, в котором в специальном отверстии укреплялась рукоятка. Металлического лемеха не было, комья земли за плугом разбивались мотыгами. При сборе

урожая пользовались серпами или составными с кремневыми вкладышами, образующими лезвие, или слабоизогнутыми железными с крючком вместо рукоятки. Для приготовления крупы или муки применялись каменные зернотерки, ротационных жерновов еще не было. Ввиду этого приготовление крупы, а тем более муки, было весьма трудоемким, в пищу шло только ободранное и сваренное или поджаренное зерно. Для хранения запасов продовольствия, в особенности зерна, устраивались земляные ямы с обмазанными глиной стенками, в которых иногда находят остатки пшеницы, ячменя и проса. На Донце сеяли также рожь, а на Дону гречиху. Повсеместно выращивали бобы, горох, некоторые масляничные растения и, вероятно, коноплю, преимущественно на волокно. Жили в наземных хижинах из обмазанных глиной жердей и ветвей или в землянках с открытым очагом посредине. И те и другие по форме бывают круглые, овальные и четырехугольные. Скот содержали под открытым небом. Кроме коров, лошадей и овец разводили свиней. Охота и рыболовство, судя по пищевым отбросам и орудиям труда, не играли в хозяйстве скифов сколько-нибудь значительной роли.

Большинство обрабатывающих производств, таких, как прядение, ткачество, выделка шкур и кожи, шитье одежды, изготовление несложных орудий и предметов бытового обихода из дерева, кости, камня и глины сохраняло домашний характер и осуществлялось в каждой семье самостоятельно. Но добывание и обработка металлов, изготовление из них оружия, орудий и украшений, производство парадной посуды и вообще вещей, требующих специальной квалификации и способностей, выделились в ремесла, обслуживавшие большее или меньшее число потребителей. В соответствии с этим такие производства сосредоточивались в наиболее подходящих для этого местах, а занятые ими люди, не порывая с сельским хозяйством, уже большую часть своих потребностей обеспечивали за счет заказчиков. Они-то, как уже говорилось, и составляли главным образом постоянное население укрепленных поселений — городищ.

В VI в. до н. э. скифы хорошо владели металлургией не только бронзы, но и железа. Они умели получать железо из местных бурых (болотных) залежей руды и обрабатывать его посредством ковки, превращать в сталь, различным образом сваривать и цементировать. В распоряжении кузнецов были такие инструменты как молоты, молотки, наковальни, зубила, пробойники и т. п., с помощью которых они могли изготовлять вещи различного назначения и высокого качества. С кузнечным ремеслом нередко сочетались бронзолитейное и ювелирное. Литье обычно производилось по восковой модели, но для вещей массового потребления, таких как бронзовые наконечники стрел, применялись каменные и металлические формы.

Ремесленные мастерские в лесостепной полосе, изготовлявшие оружие, конское снаряжение, украшения и прочий производствен-

ный и бытовой инвентарь, невыполнимый в домашних условиях, обслуживали не только население лесостепной Скифии; их произведения распространялись и среди степных кочевников, у которых не было условий для возникновения соответствующих ремесленных производств. Впрочем, в снабжении кочевников значительно большую роль, чем скифы-пахари, играли греческие колонии, в которых рано появились разнообразные ремесленные производства для удовлетворения их потребностей. У скифо-царских свой ремесленный центр возник в Каменском городище, но не раньше конца V— начала IV в. Предметы греческого производства отличаются от туземных своей технологией. Так, например, по наблюдениям Б. А. Шрамко, бронзовые круглые бляшки для конской сбруи в лесостепи целиком отливались сначала по восковой модели, а под конец в жесткой разъемной форме, тогда как в колониях раздельно изготовленные щиток и ушко соединялись между собой посредством заклепок или паяния, что целесообразно только при массовом производстве в мастерской, объединяющей несколько человек с разделенными операциями.

В рассказанной Геродотом скифской легенде об их происхождении говорится, что у родоначальника Таргитая было три сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай. При них упали с неба на землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. При приближении первых двух братьев они воспламенялись, и только младшему, Колаксаю, удалось их взять. В соответствии с этим знамением к нему перешла власть над скифской землей. Священные золотые предметы хранились у скифских царей и пользовались великим почитанием. Ежегодно в честь их устраивался праздник с обильными жертвоприношениями. Во время него один из скифов оставался с этими предметами на ночь под открытым небом. Этому человеку, по словам Геродота, скифы предоставляли столько земли, сколько он сам объедет за день. Однако по истечении года он «умирал» (IV, 5—7).

В этом очень кратко и неясно описанном обычае нельзя не видеть элементов широко распространенного обряда магического оплодотворения земли. Избранный для этой цели человек проводил в поле брачную ночь и почитался как священное лицо. Однако его магическая сила действовала в течение только одного года, после чего его убивали или заменяли другим лицом. Соответственно с этим и право владения полученной им землей, видимо, ограничивалось одним годом. По всей вероятности, праздник плодородия совершался весной перед началом полевых работ и тогда же производился передел земли, находившейся в общей собственности, но во владении отдельных семей. Представитель одной из них, игравший роль в этом празднике, получал право сам выбрать участок общественной земли в почти неограниченном размере, но владеть им мог только в течение года до следующего передела.

Хотя описанный праздник носит определенно земледельческий характер и связан с почитанием земледельческих орудий, у Геродота он представлен как общескифский. Колаксай считался родоначальником всех скифов. Окончание «ксай» значит царь, в целом его имя — царь колов или сколов — сколотов, как по Геродоту назывались скифы на их языке и откуда происходит греческое их наименование «скуты», переделанное в русское «скифы». По легенде названием потомков Колаксая было «паралаты». Но паралаты, как мы увидим ниже, были кочевниками, поэтому возможно, что описанный Геродотом праздник справлялся как пережиток того времени, когда их предки вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Этим объясняются деформации обычая передела обрабатываемой земли в наделение землей священного лица в таком количестве, какое требуется не для посева, а для содержания скота. Возможно, что подобный праздник существовал и у земледельцев и что у них передел земли сохранял свое реальное значение.

В числе почитаемых скифами предметов, кроме определенно земледельческих орудий — плуга и ярма, значатся топор и чаша. Топор тоже можно причислить к орудиям земледельца, так как он был необходим для вырубки леса при подготовке участка земли под посев и для разрубания кореньев, мешающих пахоте. Что же касается чаши, которую, по Геродоту, скифы носили на поясе, то это был не только сосуд для питья, но и принадлежность культа, служившая для жертвенных возлияний.

Несомненно, культовое значение имели встречающиеся на скифских поселениях цилиндрические глиняные жертвенники. Тарелкообразный верх их бывает заполнен концентрическими кругами, символизирующими солнце и огонь, а возле них, наряду с золой и углями, находятся кости животных, обугленные зерна, желуди и орехи. На городище Караван у истоков реки Мерефы в Харьковской области возле глиняного овального жертвенника со следами длительно горевшего на нем огня скопилась куча золы и сожженной соломы, перемешанной с костями, фрагментами глиняной посуды и другими бытовыми остатками. Здесь же найдены миниатюрные глиняные сосудики, небольшие лепешки из глины с примесью зерен и более 170 моделек зерен различных злаков и бобов, слепленных несколько больше натуральной величины из глины с примесью соответствующей их форме муки. Такие жертвенники существовали наряду с домашними очагами, имевшими кроме практического и культовое значение. С ними связывалось почитание прародительницы и божества плодородия Табити, богини домашнего очага (IV, 59). Культом горящего в очаге огня объясняется и бережное отношение к накапливающимся в очаге остаткам горения и вообще к домашнему мусору, не разбрасывавшемуся где попало, а складывавшемуся в определенном месте и образовывавшему те зольники — холмооб-

разные скопления золы, перемешанной с различными бытовыми остатками, какие характерны для скифских поселений.

Вместе с городищами-убежищами в земледельческой Скифии распространяются большие курганы с богатыми погребениями. Погребения, выделяющиеся инвентарем или устройством, были и раньше, но отличия их от рядовых погребений не были столь значительными. Теперь над погребениями насыпаются курганы, иногда очень большой величины.

Наряду с могильниками, состоящими из сотен тесно расположенных небольших или средней величины курганов с рядовыми погребениями, появляются небольшие по числу (10—30 насыпей), но со значительной величины насыпями (от 2 до 10 м и выше) могильники знатных семей. Большие могильники часто сосредоточиваются вокруг одного или двух курганов, выделяющихся своей величиной. Встречаются и бескурганные кладбища с погребениями, ничем не отличающимися от рядовых подкурганных могил, кроме значительного числа среди них детских погребений. Некоторые могильники наряду с погребениями скифского времени содержат погребения эпохи бронзы, другие целиком состоят из погребений скифской поры. Хотя под некоторыми насыпями находится не одно, а два и три скифских погребения, впускные скифские могилы в курганах лесостепной полосы эпохи бронзы в отличие от степей встречаются очень редко.

Большинство могил в Среднем Приднепровье представляет собой четырехугольную яму с входным коридором (дромосом) или без него и с впущенным в нее погребальным сооружением — камерой или склепом. Погребения в насыпи или на грунте относительно редки, и, как правило, впускные в уже существовавших курганах. Величина могильной ямы находится в прямой зависимости от величины погребального сооружения, а следовательно, от знатности покойника. В больших и средних курганах в могильной яме находятся остатки деревянной камеры со столбами по углам, а в особенно больших из них еще и посредине каждой из сторон. Пространство между столбами вдоль стенок забиралось вертикально поставленными бревнами или плахами с нижними концами, вкопанными в землю, вследствие чего по краям ямы образовывались канавки. Наряду с ними встречаются могилы со столбами, но без канавок по краям, а со следами горизонтальной облицовки стен, вероятно, в виде бревен, положенных между столбами. В могилах, достигающих 30 и более м^2, кроме столбов по углам и стенкам, ставились еще один или два столба в центре. Дно могилы или оставлялось земляным или покрывалось деревянным полом. Потолок сооружался из бревен в виде накатника на перекладинах, уложенных на концах столбов. В некоторых случаях над потолком возвышалась крыша, скаты которой далеко выходили за края могилы. В рядовых погребениях могилы меньшей величины, наряду с прямоугольными встречаются круглые, как, например,

в могильнике у с. Холодный Яр близ Смелы. Они тоже облицовывались деревом и перекрывались бревнами, но без столбов. Иногда в первых из них устраивался невысокий деревянный сруб (с. Макеевка), чаще всего в рядовых могилах прослеживаются только остатки перекрытия в виде наката.

Среди погребений преобладают трупоположения на спине, значительно реже встречаются положения на боку с подогнутыми ногами. Ориентировка различная, у поздних голова по большей части обращена на восток или запад, а в Посулье в течение всего скифского периода преобладает ориентировка на юг. Покойники иногда помещались в гробах или на подстилке. Обязательной принадлежностью погребения является напутственная пища, от которой остаются сосуды и кости животных, чаще всего барана, в богатых могилах даже целого. Возле костей находятся один или два ножа.

В большинстве неограбленных мужских погребений имеется железный меч, лежащий справа или слева у пояса погребенного. Мечи встречаются даже в рядовых могилах. В некоторых богатых могилах оказываются не один, а два меча и кинжал. Часто кладутся копья и дротики, нередко по экземпляру того и другого вместе, а в богатых могилах даже по несколько экземпляров. Стрелы, вероятно, вместе с несохраняющимся луком сопровождали в могилу почти всех мужчин, в ряде случаев они находились с остатками деревянных или кожаных колчанов или же горита. Защитное вооружение находится редко, оно было принадлежностью богатых воинов, хотя панцири иногда встречаются и в рядовых могилах. Боевые пояса сочетаются с панцирями, а поножи и шлемы, обычно греческого происхождения, находятся только в особо богатых могилах.

В богатых могилах помещается одна или несколько (до 20) конских уздечек. Что касается лошадей, то они находятся только в наиболее богатых погребениях днепровского Правобережья в числе одной, двух или даже трех голов, положенных в склепе в ногах погребенного или во входном коридоре в могилу. Иногда конь погребался в специальной нише в одной из стенок могилы или, что еще реже, в особом склепе рядом с могилой владельца. В одной из таких могил оказался скелет не лошади, а оленя (курган № 13 у с. Оситняжка).

Имеются курганы, служившие семейными кладбищами и содержащие несколько близких по времени могил, есть и коллективные могилы с несколькими скелетами. В богатых могилах довольно часто находятся парные погребения — мужчины и женщины, но встречаются и другие сочетания: мужчины, женщины и ребенка, двух мужчин — пожилого и молодого, ребенка и двух женщин и др. Нет оснований все эти случаи коллективных погребений связывать с ритуальными убийствами, вроде умерщвления жены или наложницы или слуги для сопровождения в загробную жизнь их господина, они могут быть следствием

и случайной одновременной смерти членов одной семьи или же, что наиболее вероятно, повторного использования погребальной камеры, что могло иметь место в тех случаях, когда у нее имеется входной коридор. Однако и насильственное умерщвление наложницы или слуги, несомненно, практиковалось и представлено рядом примеров.

Особый интерес вызывают богатые женские погребения, в которых кроме украшений и предметов женского обихода, а иногда еще и слуги или служанки находятся конь или только конская уздечка и предметы вооружения. Сарматские (савроматские) погребения женщины с оружием были расценены Б. Н. Граковым как подтверждение засвидетельствованного древними авторами высокого положения женщин (матриархата) и участия девушек в войне. Если это так, то скифские женщины не отличалась от сарматских и общественные отношения у скифов и сарматов были одинаковыми. Однако оружие в женских погребениях наряду с предметами культа, какими были каменные блюдообразные жертвенники, может указывать и на другое, а именно на равноправное положение женщины в семье, в силу которого после смерти главы-мужчины власть могла переходить к его жене. Поскольку это касалось знатных семей, пользовавшихся наследственными привилегиями, женщина, при отсутствии взрослых детей, ставшая во главе такой семьи, могла оказаться главой и более обширной социальной организации — рода или даже племени.

Кроме трупоположения, у населения лесостепной полосы практиковалось трупосожжение, особенно широко представленное в Подолии, но известное и в Среднем Поднепровье. Здесь биритуальность погребений существовала и раньше, в черно-лесское время. В скифских погребениях сожжение чаще всего было неполным, в результате чего деревянный склеп с находящимся в нем покойником не сгорал, а только обгорал в большей или меньшей степени. Полное сожжение со ссыпанием пепла в могилу, а тем более с положением его в урну встречается в Среднем Поднепровье очень редко, да и производилось такое сожжение не в могиле, а на стороне. По-видимому, в большинстве случаев сожжение склепа с покойником было связано с разведением ритуального костра над могилой, огонь от которого охватывал деревянную камеру. В некоторых случаях огонь разжигался возле могилы и еще горящие остатки костра ссыпались в могилу и зажигали камеру. Возможно, что иногда могилы обжигались до погребения. В IV в. до н. э. сожжения в деревянных камерах становятся редкими, покойники сжигались на стороне, а прах ссыпался на дно могилы. Огонь в погребальном ритуале играл очень важную роль. Следы костра находятся в насыпях курганов с могилами без следов сожжения, а в могилы с трупоположениями клались угли, зола и заменяющая огонь красная охра.

Деревянные погребальные камеры представляют собой продолжение традиции срубной культуры и появляются еще на чернолесском этапе. Каких-либо общих закономерностей в изменении структуры погребальных сооружений и похоронного ритуала в скифских курганах не наблюдается, за исключением того, что к IV в. до н. э. размеры могил в общем уменьшаются, а погребальный обряд становится скромнее, в соответствии с чем уменьшается и число деревянных погребальных камер. Однако и в это время отдельные погребения отличаются богатством своего инвентаря.

В поднестровской группе в течение всего времени ее существования курганы и погребальные камеры устраивались с обильным применением камня. Камера, если она была деревянной, обкладывалась камнями, в большинстве случаев она целиком складывалась из камня. Вокруг погребения выкладывалось каменное кольцо, да и сам курган обычно сооружался из камней с землей. До половины поднестровских погребений представляют собой трупосожжения, преимущественно на стороне. Сопровождающих погребения людей или лошадей не замечено, дорогих золотых или импортных вещей в могилах почти не найдено.

Тясминская группа в правобережном Поднепровье представлена многочисленными богатыми курганами с деревянными камерами. Древнейшие погребения этого рода, к сожалению, разграбленные, обнаружены у с. Жаботин Черкасской области. В одном из курганов у этого селения (№ 2) сохранились считающиеся наиболее ранними образцы скифского искусства — упомянутые костяные пластины с гравированными изображениями животных и птиц, фигурные подвески и псалии, а в другом (№ 524) уцелели золотые штампованные бляшки в виде лежащего козла с повернутой назад головой, близкого к келермесско-мельгуновским изображениям этого животного.

Лучше других исследованы курганы Журовской группы в бассейне реки Тясмин в Черкасской области. Здесь представлены два типа могильников. Один в урочище Горячево состоит из множества (несколько сот) небольших тесно расположенных курганчиков, в которых находились разграбленные ямные с деревянным перекрытием могилы с остатками человеческих скелетов и рядового инвентаря. В середине этого могильника возвышался курган около 8 м высотой, под которым в большой деревянной камере без входного коридора со следами сожжения находилось ограбленное погребение мужчины и женщины. При них уцелели только обломки меча, наконечники копий, бронзовые, железные и костяные наконечники стрел, железные удила, костяная и обложенная золотом костыльковые застежки, янтарные и другие бусы, каменное блюдо и глиняные сосуды, состоящие из горшка с проколами по краю, корчаги, чарки с высокой ручкой и двух блюд. В другом кургане, меньшей величины

(высота 3 м), тоже в деревянной камере без входного коридора было также парное погребение (мужчина и женщина). Среди обнаруженных в нем вещей, кроме глиняной посуды, оказались три пары железных удил с костяными псалиями, костяные же уздечные пронизки в виде схематических птичьих головок, два железных навершия, бронзовые гвоздевидные серьги, янтарные и стеклянные бусы, бронзовый браслет, бронзовое зеркало с кнопкой на обороте. Там же нашлось несколько золотых бляшек, из которых одна представляла собой лежащего оленя. Еще два кургана высотой менее 2 м с деревянными камерами, тоже разграбленные, содержали остатки погребений мужчин-воинов. Большие курганы этого могильника датируются второй половиной VI в. до н. э. Они, вероятно, принадлежали вождю и членам его семьи, тогда как окружающие их многочисленные малые курганы представляют рядовых членов возглавлявшейся этой семьей общины.

Могильник на урочище Криворуково состоит всего из 11 курганов, из которых 10 подверглись раскопкам. Из них только один курган высотой меньше метра содержал погребение ребенка без следов деревянного склепа, все остальные — со склепами по большей части с входным коридором. Самые значительные курганы находились в середине могильника. В одном из них был погребен мужчина со слугой, а в другом — женщина со служанкой. В линию со вторым располагались три кургана с женскими погребениями, причем в одном из них вместе с женщиной оказался еще ребенок. Вблизи первого, мужского кургана помещался еще курган с мужским погребением, а несколько в стороне от всех них были три кургана, в одном из которых оказалось погребение мужчины со слугой, а в другом — двух взрослых, вероятно, мужчин (так как вместе с ними найдены два панциря), и ребенка. В третьем кургане деревянная камера была сожжена, а погребение настолько разграблено, что судить о его содержании не представляется возможным. Почти во всех могилах с мужскими погребениями во входном коридоре или частично и в камере находились скелеты двух или трех лошадей, а в камерах еще и по нескольку пар удил. Точно так же почти у всех мужчин оказалось, кроме обычного наступательного оружия, по пластинчатому чешуеобразному панцирю. Среди немногочисленных сосудов преобладала импортная греческая керамика: амфоры, чернолаковые килик, чашка, миска, блюдечко. Из найденных в могилах греческих вещей следует еще отметить стеклянный амфориск, бронзовую черпалку, висевшую на горле винной амфоры, ситечко с длинной ажурной ручкой, служившее для процеживания вина, и прекрасное бронзовое зеркало с ручкой в виде ионийской колонны. Немногие уцелевшие от разграбления украшения из этих курганов состоят из разнообразных бусин, золотой серьги, золотых и бронзовых бляшек, преимущественно с конской упряжи. Из них следует отметить две золо-

тые пластинки с изображением лежащего оленя, в одном случае с повернутой назад головой. Большинство бляшек имеют форму головок животных (льва, лося) и птиц. В числе находок имеется также золотой предмет в виде усеченного конуса, уже известный нам по находке в Томаковской могиле. Такие предметы находились и в других погребениях и обычно называются «ворворками», якобы служившими колпачками для кистей, хотя они и слишком велики для этой цели. Могильник в целом датируется V в. до н. э. Он явно представляет собой кладбище не смешивавшейся с рядовым населением аристократической семьи.

Поросская группа скифских памятников существенно не отличается от тясминской, но выглядит более отсталой.

В среднеднепровском Левобережье также много богатых курганов. В них нет камер с входным коридором, за исключением одного случая (курган № 12 близ с. Кириковка). Е. М. Мельник и П. Д. Либеров относят это погребение к катакомбным, а последний даже полагает, что оно является исходной формой степных катакомбных могил. В левобережных курганах не встречается и конских погребений. Сожжения в них очень редки. В кургане Опишлянка на дне могилы стояла урна с пережженными человеческими костями, да в кургане № 5 у с. Лихачевка сожжена была деревянная погребальная камера. Некоторые большие посульские курганы были обведены валом и рвом.

Особенно большой величиной отличается посульский курган Старшая Могила у д. Аксютинцы. Высота его равнялась 20 м. В обширной могильной яме, перекрытой двойным накатом из дубовых бревен, находился четырхстолпный склеп из горизонтально уложенных бревен, в котором и обнаружены остатки разграбленного погребения. От скелета на месте остались только ноги, но по сторонам в камере уцелели многочисленные предметы, положенные с покойником: мечи, наконечники копий, колчаны с бронзовыми, железными и костяными наконечниками стрел, металлические части конских уздечек, из которых три с бронзовыми стремявидными удилами, а тринадцать с кольчатыми железными. Из псалий при них только пара бронзовых, пара железных, остальные костяные, все трехдырчатые, с головками животных на концах. К украшениям узды относятся бронзовые бляшки в виде головок барана и козла, лежащего с повернутой назад головой. Здесь же были два бронзовых навершия с головками быков на вершине. Это богатейшее царское погребение, хотя и без золотых украшений, вероятно, унесенных грабителями.

Столь же величественный 19-метровый курган у хут. Шумейко близ д. Волковцы на Суле также был обведен вокруг основания валом и рвом. В деревянной камере, в данном случае не из горизонтально уложенных, а вертикально поставленных бревен, несмотря на ограбление, сохранился меч с обложенной золотом рукояткой и с золотыми ножнами, с наконечником того же рода,

что и происходящий из Томаковского кургана на Нижнем Днепре. Здесь были и другие предметы вооружения: три боевых топора, два наконечника копий, чешуйчатый панцирь, а также 20 железных удил, из которых 18 с костяными трехдырчатыми псалиями с головкой животного на одном конце и копытом на другом. Но вместе с ними была пара псалий бронзовых, двудырчатых. Курган у хут. Шумейко относится к более позднему времени, чем Старшая Могила,— к концу VI — началу V в. В нем еще преобладают характерные для VI в. костяные трехдырчатые псалии, но уже имеются и свойственные V в. двудырчатые. Об упрочившихся к этому времени связях с греками свидетельствует золотая обкладка меча и фрагмент найденного в могиле чернофигурного килика.

Из находок того времени в среднеднепровском Левобережье нельзя не отметить происходящих из курганов Опишлянка и Витова Могила в верховьях Ворсклы золотых бляшек, украшавших горит в одном и колчан в другом из этих курганов. Бляшки в виде пантеры на том и другом предмете совершенно одинаковые, но на колчане из Витовой Могилы были, кроме того, еще бляшки в виде козла, лежащего с повернутой назад головой, и головки птицы с загнутым клювом, а в центре его находилась большая бляха, обрамленная еще более стилизованными, чем на бляшках, птичьими головками. При горите из Опишлянки находилась крестовидная бронзовая бляха с изображениями животных, служившая для прикрепления его к поясу. В других случаях такие бляхи употреблялись в качестве наносного украшения конской узды.

В IV в. до н. э. количество богатых курганов в лесостепном Поднепровье значительно уменьшается, но среди них все же имеются отличающиеся большим количеством и высокой ценностью погребального инвентаря. Большинство их находится в Левобережье. Замечательное погребение, например, было открыто С. А. Мазараки у д. Волковцы в кургане № 1 (1897—1898 гг.) в деревянной камере, впущенной в насыпь высотой в 13,5 м, окруженную, как и вышеописанные курганы, валом. Погребение уцелело от разграбления. При скелете оказался полный набор вооружения: боевой топор, одиннадцать наконечников копий и дротиков, колчан со стрелами, греческий шлем, нагрудник, боевой пояс из бронзовых пластинок и, кроме того, четыре навершия с фигурками стоящего оленя и с колокольчиками. На шее скелета золотая гривна с птичьими головками на концах, в камере собрано множество золотых бляшек, украшавших одежду и колчан. Из шести конских уздечек у одной налобник, нащечники и бляха в виде рыбы были золотые, у другой украшения были серебряные, а у остальных бронзовые. При скелете находились: большой бронзовый котел, серебряный сосуд, бронзовая чаша, греческая амфора, греческие же канфар и терракотовое блюдце.

Не менее замечательное неразграбленное погребение было открыто тем же С. А. Мазараки в кургане № 5 (1905 г.) у д. Аксютинцы. Здесь под невысокой насыпью (2,8 м) находились две деревянных погребальных камеры, причем одна была частично разрушена при сооружении второй. В этой последней помещалось парное погребение — мужчины и женщины. Оружия при них не было, только при мужчине имелся какой-то инструмент вроде щипцов с широкими концами. На скелете каждого из погребенных собрано много золотых украшений, из которых особый интерес представляют находившиеся возле поясницы мужчины девять четырехугольных пластинок с изображением сидящего скифа с секирой в руке. Они, должно быть, украшали пояс. В камере было восемь сосудов, в большинстве греческих.

Богатых курганов на Донце не найдено. В наиболее восточной донской группе скифских курганов особой известностью пользуется погребение IV в. в могильнике Частые курганы под Воронежем, в котором найден серебряный кубок с изображениями скифов того же рода, как на электровом кубке из Куль-Обы близ Керчи и на серебряной вазе из Гайманової могилы в Нижнем Поднепровье.

В общем, погребения лесостепной Скифии связываются между собой близким сходством похоронного обряда и единством материальной культуры. Они оставлены одним народом с второстепенными локальными различиями, менее значительными, чем различия в диалектах одного языка. Исключение составляют погребения днестровской (западно-подольской) группы с их большим числом трупосожжений, с каменными погребальными сооружениями и с отсутствием больших курганов с многочисленным инвентарем. Необходимо также особо отметить и побужскую Подолию, где, несмотря на существование городищ, из которых кроме Немировского следует назвать еще густонаселенное Северяновское городище, погребения раннескифского времени остаются неизвестными. Эта подольская группа памятников скифской культуры требует специального рассмотрения.

СКИФСКОЕ ЦАРСТВО

В богатых могилах лесостепной полосы с раннескифского времени находятся вещи греческого происхождения или же скифских типов, но в греческом исполнении, свидетельствующие об установившихся связях этой части Скифии с греческими колониями Северного Причерноморья. Поселившиеся на побережье

Черного моря греки больше всего были заинтересованы в получении от туземцев хлеба как для себя, так и для вывоза в Грецию, и поэтому, естественно, их внимание в первую очередь было направлено на земледельческое население страны. Экономические связи греков со скифами возникают со времени появления первых греческих поселений на северочерноморском побережье, древнейшим из которых было основанное в середине или в третьей четверти VII в. до н. э. на острове Березань в Днепро-Бугском лимане, и упрочиваются с основанием Ольвии в устье Нижнего Буга.

Погребения под специально для них насыпанными большими курганами в сопровождении более или менее значительного числа вещей, в том числе и импортных греческих, возникают у земледельческого населения Скифии значительно раньше, чем у кочевников, в частности у скифов-царских, что можно объяснить только развитием хлебной торговли с греками. Скапливавшиеся в руках распоряжавшейся этой торговлей туземной знати значительные богатства существенным образом увеличивали ее значение и власть. Следует заметить, что ввиду низкого уровня развития земледельческого производства отдельные хозяйства едва ли были в состоянии вести самостоятельную торговлю с греками. От лица общины выступали вожди, тем или иным путем собиравшие хлеб у рядового населения и продававшие его греческим купцам. Естественно, что львиная доля дохода от такой торговли оставалась в их распоряжении. Что получали непосредственные производители взамен выращенного ими хлеба, остается неизвестным. В могилах рядового населения импортных вещей обычно не находится или встречаются дешевенькие украшения вроде стеклянных бус. Экономических стимулов для развития хлебного производства у него не было, ввиду чего можно предположить, что в основном действовало исходящее от вождей внеэкономическое принуждение в традиционной форме натурального обложения, а по сути дела поборов в пользу вождей. Торговля велась путем натурального обмена, развитое в греческих городах денежное обращение в Скифию не проникло.

Параллельно с распространением богатых погребений в земледельческой Скифии умножалось число городищ-убежищ и увеличивались их размеры, что указывает на укрупнение общественных организаций и вместе с тем на усиление могущества вождей. Причиной этого явления была, конечно, не развивающаяся торговля с греками, а растущая опасность со стороны кочевых соседей. Следы начальных торговых связей с греками в некоторых случаях обнаруживаются на скифских поселениях, таких, например, как на Тарасовой Горе, так и оставшихся неукрепленными или в дальнейшем вошедших в состав больших городищ, как это было с древними неукрепленными поселениями на территории Бельского городища. Предположительно можно думать, что и поселение внутри Немировского

городища ко времени появления в нем ранней греческой керамики было неукрепленным и лишь позже было обведено линией мощных оборонительных валов.

Еще в чернолесское время земледельцам приходилось обороняться от нападений мелких разбойничьих шаек степных кочевников, со времени же возвращения скифов из Азии над ними нависла грозная опасность со стороны строго организованной и опытной военной силы в лице последних. Скифы-царские остро нуждались в средствах существования и не могли приобрести их мирным путем. Они метались из конца в конец по черноморским степям, очищая для себя место от сохранившегося там немногочисленного и разрозненного кочевого населения, в конце концов сумевшего объединиться для отпора и удержаться в степном Крыму, хотя и под эгидой пришельцев. Ответной реакцией земледельческого населения Скифии было строительство городищ-убежищ и вместе с тем создание собственных укрупненных военных организаций.

Наряду с курганными могильниками, содержащими примерно одинаковое число мужских и женских погребений, в лесостепной полосе имеются обширные могильники, состоящие из мужских погребений с очень небольшим числом богатых женских могил. Эти могильники получили название «дружинных некрополей». Наиболее ярко они представлены обширными курганными группами, состоящими из сотен насыпей различной величины у сел Аксютинцы и Волковцы на реке Суле в окрестностях городов Ромны и Дубны. Под курганами в этих могильниках находятся почти исключительно взрослые мужчины-воины в сопровождении большого количества оружия, конских уздечек и нередко насильственно умерщвленной жены или наложницы. Количественное соотношение погребений разного времени в этих могильниках, по подсчету В. А. Ильинской, следующее: «Из курганов, возраст которых может быть установлен на основании археологических данных, не менее двух третей относится к VI в., более одной четверти — к V и только девять (одна пятнадцатая часть — *М. А.*) к IV в. до н. э. При этом большинство позднейших погребений принадлежит лицам весьма высокого имущественного положения».

В. А. Ильинская объясняет это явление тем, что в Посулье находилось общескифское кладбище, что оно представляло собой ту страну Герра, в которой, по Геродоту, скифы погребали своих царей, но такое объяснение не согласуется ни с данными Геродота о стране Герра, ни с погребальной обрядностью, характерной для степных скифских могил, принадлежность которых скифам-царским не вызывает сомнения. Концентрация курганов скифов-воинов в определенных местах отражает социальную структуру скифов-пахарей и находится в соответствии с отсутствием или небольшой численностью того же рода погребений в других местах, бесспорно заселенных этими скифами. Похоже,

что это были сословные кладбища отдельных племен или иных объединений. Женщин, детей и других членов этих объединений, не входивших в категорию воинов, хоронили отдельно, по большей части, вероятно, в бескурганных могильниках, один из которых обнаружен у с. Долинского в низовьях реки Сейм. Он содержал только женские и детские погребения. Воинов же, обязанных являться по первому зову своего вождя, хоронили вблизи его могилы независимо от местожительства той группы населения, которую они представляли и которая, следовательно, входила в объединение, возглавляемое общим вождем. Посульское кладбище воинов — крупнейшее из известных в Среднем Поднепровье, но далеко не единственное. Такого рода могильники имеются и в других местах как на левой, так и на правой стороне Днепра. Они свидетельствуют, что земледельческое население Скифии, создав собственные военные организации, успешно оборонялось от скифов-царских и более или менее длительное время сохраняло свою независимость.

Выше уже говорилось, что скифское население Подолии и Среднего Поднепровья мы называем общим именем «пахари», что археологически, вместе с тем, эти области отличались одна от другой — в Подолии, собственно в Поднестровье, были распространены не земляные, а каменные курганы с каменными же сооружениями для погребений, среди которых значительное место занимали трупосожжения. В Побужье, несмотря на наличие там сходных с поднестровскими городищ со знаменитым Немировским городищем во главе, ранние скифские погребения вообще неизвестны. В обследованных Юго-Подольской археологической экспедицией районах Немировского и Севериновского городищ не найдено ни курганов, ни бескурганных скифских могильников, хотя, конечно, население как-то погребало своих покойников. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди поднестровских курганов нет выделяющихся величиной и богатством. В составе найденного в них инвентаря почти нет вещей греческого происхождения. Отнести все это за счет случайности или слабой изученности скифских памятников Подолии невозможно, так как сравнительная малочисленность исследованных там погребений как раз и зависит от того, что они не дают ценных находок.

По своему географическому положению Подолия лучше связывается с Причерноморьем, чем Среднее Поднепровье, а следы раннего проникновения греков, как показывают упомянутые находки родосско-ионийской керамики в Немировском городище, в ней выражены отчетливее и ярче, чем в последней из сопоставляемых частей Скифии. Удивительно, что несмотря на это возникшие еще в конце VII — начале VI в. до н. э. связи греков с Подолией не получили дальнейшего развития, тогда как со Средним Поднепровьем они с течением времени расширялись и укреплялись. Весьма вероятно, что это обстоятельство связы-

вается с другим — со сравнительно ранним прекращением жизни на подольских поселениях и в городищах-убежищах, хотя такие же поселения и городища в Среднем Поднепровье продолжали существовать до исчезновения скифов из Поднепровья. Жизнь на поселении внутри Немировского городища закончилась не позже середины V в. до н. э. Точно так же и на других городищах Подолии — на Буге и на Днестре — не найдено ничего, что бы свидетельствовало об их более продолжительном существовании.

Вероятно, еще до середины V в. до н. э. земледельческое население Подолии вынуждено было оставить свою страну по причинам, остающимся неизвестными. Нет сведений и куда оно переместилось. И то и другое остается областью предположений и догадок. Вместе с тем несомненно, что это было событием локального характера, и в Среднем Поднепровье жизнь шла в прежнем направлении: не только продолжается существование ранее возникших поселений и городищ, но сооружаются новые укрепления, как, например, возникшее в IV в. Плискачевское городище в Черкасской области.

С другой стороны, число погребенных воинов и их вождей в дружинных могильниках Среднего Поднепровья в V в. значительно сокращается, что, вероятно, находится в зависимости от уменьшения численности военных формирований, а следовательно, и сопротивления притязаниям скифов-царских. Надо полагать, что в это время последним удалось поставить земледельческое население Среднего Поднепровья в какие-то формы зависимости от себя. Об увеличении влияния скифов-царских на население Среднего Поднепровья свидетельствует распространение характерных для скифов-царских катакомбных погребений.

Самое богатое из них обнаружено в поле большого кургана (№ 4) у с. Рыжановка Черкасской области. Это погребение женщины, по всей вероятности, представительницы аристократии скифов-царских, выданной замуж за одного из вождей земледельческого населения среднеднепровского Правобережья. Под нераскопанной центральной частью этого кургана, вероятно, как и под другими исследованными курганами этой группы, находится обычное для данной местности погребение в деревянной камере. Большая часть катакомбных погребений найдена в верховьях реки Тясмин и притоков Южного Буга и Ингульца, по которым проходили пути из северо-западного Причерноморья в Среднее Поднепровье, что указывает на стремление скифов-царских держать их под своим контролем. В тясминской группе курганов открыто шестнадцать катакомбных могил, тогда как в Поросье известна только одна.

О того же рода процессе в среднеднепровском Левобережье можно заключить по появлению в IV в. до н. э. курганного могильника с катакомбными погребениями около г. Борисполя в северной оконечности степного коридора, протянувшегося

вдоль левого берега Днепра до широты Киева и Десны. Возможно, что этот могильник оставлен подразделением скифов-царских, в обязанности которого входило обеспечение покорности земледельцев Среднего Поднепровья. Полную независимость от скифов-царских, по-видимому, сохранили только среднедонские скифы, теснее связанные не с ними, а с сарматами.

Хотя число богатых погребений в Среднем Поднепровье с V в. до н. э. уменьшается, отдельные из них отличаются возросшим богатством своего инвентаря. А это значит, что вожди земледельческого населения, несмотря на зависимость от скифов-царских, сохранили в своих руках распоряжение продукцией подвластного им населения и по-прежнему имели возможность обменивать ее на произведения греческих городов. Однако поступлениями от населения и доходами от торговли с греками они вынуждены были теперь делиться со скифами-царскими. Часть собранного ими хелба они должны были в виде дани передавать скифам-царским, облагавшим, кроме того, поборами проходящие через их страну как речные, так и сухопутные торговые караваны. Доходы в виде дани с земледельцев и пошлин-подарков, взимаемых с греческих купцов, не считая военной добычи, поступавшие к скифам-царским и сосредоточивавшиеся в руках аристократии этой части скифского народа, и сделали возможным появление в степной Скифии тех богатейших погребений, которые сложностью своего устройства и ценностью положенных вместе с умершим вещей превосходят все известное до сих пор в скифской земле. Но выгодами господствующего положения пользовалась не только знать, но и рядовые воины скифов-царских, так как, по сообщению Геродота, царь делился с ними военной добычей в соответствии с заслугами каждого воина. Погребения рядовых воинов тоже отличаются и стандартным устройством могилы в виде подземной камеры-катакомбы, и набором хорошего оружия, и даже наличием в некоторых из них импортных греческих вещей.

Сложение Скифского царства со скифами-царскими во главе относится, по-видимому, к V в. до н. э., так как только в это время в степях появляются сравнительно богатые катакомбные погребения с вещами греческого происхождения. Только в этом веке скифы-царские, утвердившись в степях, распространяют свою власть на земледельческое население Среднего Приднепровья и, получив средства для развития торговли с греческими колониями, устанавливают прочные связи с ними, позволяющие царю Ариапифу иметь в Ольвии своего поверенного в делах грека Тимна (IV, 76), а его сыну Скилу подолгу жить в городе в специально выстроенном доме. Ко времени Геродота скифы-царские в общении с греками заслонили собой все остальное население Скифии. Сношения с земледельцами велись не непосредственно, а через них. По-видимому, этим объясняется то,

что Геродот, отметив, что скифы-пахари сеют хлеб на продажу, больше ничего о них не сообщает. Он ничего о них не знал.

Скифское царство было если не первое, то одно из первых образований в Восточной Европе, основанных на завоевании с целью эксплуатации побежденных. В предшествующее время племенные объединения создавались в виде союзов для достижения общих целей, а войны между племенами, если не считать грабительских набегов, велись главным образом из-за территорий и приводили к уничтожению или изгнанию одного племени другим, в лучшем случае к ассимиляции победителями уцелевшей части побежденных. Неравноправное положение тех и других было временным и не вело к систематической эксплуатации, даже если побежденные приравнивались к рабам, так как само рабство в его патриархальной форме не носило классового характера. Вместе со скифами в Северном Причерноморье появились отношения, сложившиеся на Древнем Востоке, где уже давно существовали классы и классовая эксплуатация, где подчинение означало не номинальное, а фактическое рабство и где скифы научились жить за счет других народов.

Для усвоивших древневосточные представления о господстве и подчинении скифов-царских все покоренные скифы были рабами, хотя фактически они были далеки от рабского состояния и сохраняли свою экономическую и социальную самостоятельность. Покоренные действительно, как говорит Геродот, обязаны были служить скифскому царю, но эта обязанность распространялась и на самих скифов-царских и по сути дела была не чем иным, как выражением культового пиетета перед царской властью, зачаточно свойственного любому родовому обществу, но в восточных деспотиях приобретшего новое значение. Освященный религией авторитет вождя-царя был необходимым условием устойчивости родо-племенной демократической организации, а в классовом обществе он служил эксплуататорам и подкреплялся еще и находившейся в распоряжении царя не совпадающей с обществом вооруженной силой.

Следует отметить, что скифы-царские распространили свою власть на этнически родственные племена, на нескифские она не простиралась. В отношении скифов-номадов это объясняется территориальными претензиями скифов-царских, необходимостью овладения занятыми номадами наиболее удобными для хозяйства и образа жизни скифов-царских поднепровскими степями. В отношении же скифов-пахарей это подчинение объясняется тем, что только они производили пользовавшейся неограниченным спросом хлеб, а следовательно, являлись удобным объектом для систематической эксплуатации, тогда как другие доступные по местоположению для скифов народы подобного продукта не имели. Но возможно, что какую-то роль в ограничении Скифского царства этнически родственным населением играло и само родство.

Конечно, к грекам поступал от скифов-царских не только хлеб, полученный ими от земледельцев, они снабжали колонии продуктами и своего производства: скотом, шерстью, шкурами, кожей, а главное обращенными в рабство военнопленными. Скифские рабы вывозились в Грецию, в Афинах из них формировалась городская полиция, использовались они и по другому назначению. Однако главным для греков был хлеб, в котором остро нуждались и сами колонии и метрополия, в особенности Афины. Заботясь об укреплении связей со скифами, от которых зависело поступление хлеба, греки не упускали возможности ослабить свою зависимость от кочевников путем создания в окрестностях городов земледельческих поселений, принадлежащих как самим грекам, так и селившимся вблизи городов туземцам.

В окрестностях Ольвии рано возник сельскохозяйственный округ, население которого у Геродота названо каллипидами, а позже в декрете в честь Протогена именуется миксэллинами, т. е. полугреками, точнее смесью греков с туземцами. К такому же связанному с Ольвией населению принадлежали и те скифы-земледельцы, которых Геродот отличает от скифов-пахарей и помещает по низовому Днепру и по реке Ингулец (Пантикап). Это были не потомки оседло-земледельческого населения Северного Причерноморья, памятники которого известны в виде срубной культуры с ее сабатиновским и белозерским этапами, а вновь поселившиеся там туземцы. Между позднесрубными поселениями и памятниками этого населения, известными поселением у Широкой Балки и Белозерскому городищу, имеется определенная лакуна, исключающая непосредственную связь их друг с другом.

Еще во второй половине V в. до н. э. в Нижнем Поднепровье в районе г. Никополя на левой стороне реки возникло Каменское городище, единственный этого рода памятник в степной Скифии. Это была ставка скифского царя и столица Скифского царства, там же поселились многочисленные ремесленники, снабжавшие кочевых скифов произведениями своего мастерства: кузнечного, ювелирного, костерезного и других. Туда же по Днепру прибывали греческие купцы со своими товарами. Городище расположено на берегу Днепра между Белозерским лиманом и рекой Конкой и занимает площадь около 12 км^2, уступая по величине только Бельскому городищу. Крутые обрывистые берега надежно защищали доступ к этому городищу со стороны рек и лимана, с напольной же стороны оно ограждено валом и рвом. В юго-восточной оконечности городища находится «акрополь» в виде примыкающего к реке Конке вытянутого четырехугольника, с других сторон обведенного валом. По верху вала прослеживаются остатки стены из сырцовых кирпичей. Значительная часть площади городища оставалась незаселенной, а на остальной находятся следы столбовых, плетневых наземных и углубленных

в землю, состоящих из нескольких помещений построек с открытыми очагами и признаками распространенного у населения ремесленного, преимущественно кузнечного производства. В «акрополе» встречены остатки сооружений из камня, следов ремесленной деятельности в нем не обнаружено. О торговле с греками свидетельствуют многочисленные фрагменты привозной тарной керамики (амфор).

В Нижнем же Поднепровье по обе стороны реки находится основная масса курганов скифов-царских с их характерными могилами в виде подземной камеры — катакомбы, а в их числе и наиболее грандиозные насыпи с богатейшими царскими погребениями. Подавляющее большинство курганов скифов-царских датируется IV в. до н. э. Это было время наибольшего могущества Скифского царства, и к этому времени относятся те немногие целиком или частично сохранившиеся от разграбления знаменитые скифские курганы, такие, как Солоха, Чертомлык и Луговая могила (Александропольский курган). В это время курганы скифов-царских по своей величине и богатству намного превосходят самые богатые курганы Среднего Поднепровья.

В курганах степной и лесостепной Скифии преобладают произведения греческих мастеров, или полностью сохраняющие свой характер или изготовленные применительно к вкусам и потребностям скифов, но с некоторыми греческими привнесениями. Кроме высокохудожественных вещей с изображениями из скифской жизни, в них имеются свойственные скифскому искусству звериные мотивы в греческой трактовке, есть даже культовые сцены, представляющие собой греческую интерпретацию скифской мифологии, греческие изображения скифских божеств. Из вещей скифских типов, но в греческом художественном оформлении особый интерес представляют золотые обкладки ножен мечей и горитов, украшенные греческими сюжетами в соответствующем греческом стиле. Эти вещи замечательны еще и тем, что, кроме Чертомлыка, найдены еще в трех погребениях в курганах: у с. Ильинцы, в г. Мелитополе и в группе Пять Братьев у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону. Кроме того, известна золотая покрышка ножен меча, такая же, как в перечисленных погребениях, находящаяся в Метрополитен Музее в Нью-Йорке, происходящая из Северного Причерноморья. Все эти предметы изготовлены в одной греческой мастерской при помощи одинаковых штампов и свидетельствуют о серийном производстве вещей, распространявшихся среди туземной аристократии не только Скифии, но и соседних с нею областей.

Еще более сильную зависимость от вкусов и потребностей скифов обнаруживают художественные произведения греческих торевтов с изображениями самих скифов, к числу которых относятся золотой гребень из Солохи, серебряная чертомлыкская ваза и два кубка (электровый и серебряный) и серебряная ваза с жанровыми сценами. Такие кубки найдены в кургане Куль-

Оба близ Керчи и в одном из курганов в группе Частые курганы под Воронежем, ваза же происходит из Гайманової могилы на Нижнем Днепре. Сюда же надо причислить серебряную вазу со сценами охоты на фантастических львов из Солохи. Все они украшены рельефными сценами, действующими лицами в которых выступают скифы в более или менее стандартном виде бородатых или безбородых мужчин с длинными волосами, одетых в короткие куртки с поясом, длинные узкие штаны и мягкие сапоги, иногда с башлыком на голове. Как правило, они вооружены типичным скифским оружием в виде подвешенных к поясу короткого меча (акинака), коробки для лука и стрел (горита) и самого лука, а также одним или двумя копьями, топором и легким щитом. Жанровые сцены, в которых они представлены, имеют повествовательный характер и изображают ряд последовательных событий, вероятно, мифологического содержания. Д. С. Раевский полагает, что сцены на кубках относятся к изложенному Геродотом мифу о происхождении скифов.

Теперь к отмеченным выше созданным для скифов высокохудожественным произведениям греческих мастеров прибавилась уникальная золотая пектораль, обнаруженная в 1971 г. в кургане Толстая могила близ г. Орджоникидзе Днепропетровской области, где под 9-метровой насыпью были две катакомбные могилы. Одна — центральная — оказалась разграбленной, а другая — боковая — совершенно целой, содержащей погребение женщины с ребенком, служанкой и двумя слугами, в сопровождении богатейшего многочисленного инвентаря, состоящего из украшений, сосудов и других предметов бытового назначения. В центральной могиле от разграбления уцелели части оружия, бронзовые котлы и некоторые другие малоценные вещи. Самая замечательная находка сделана в коротком коридоре, соединяющем центральную камеру со входной шахтой. Здесь оказались меч в обложенных золотом ножнах, украшенных фигурами фантастических животных, и названная выше пектораль — луновидное нагрудное украшение с двумя разделенными орнаментальной полосой фризами, из которых нижний заполнен сценами борьбы зверей, а верхний — фигурами домашних животных и людей, занятых работами, относящимися к основному виду производства у скифов — скотоводству. Две женщины представлены доящими овец, а два скифа — шьющими меховую рубашку. Животные — лошади, коровы, овцы и козы — даны в разнообразных положениях, некоторые кормящими детенышей — телят и жеребят. Эти единственные в своем роде изображения дают яркую картину скифского скотоводческого хозяйства и быта.

В двух сопровождавших центральное погребение могилах помещались шесть коней в дорогих, украшенных золотом и серебром уборах, а рядом с ними в особых могилах находились вооруженные слуги — конюхи с оружием и украшениями; на шее одного из них была золотая гривна.

Из греческих мастерских поступило к варварам также огромное количество разнообразных украшений как греческих, так и местных типов, в том числе нашивавшихся на одежду золотых бляшек, получивших широкое распространение с V в. до н. э. Среди них представлены не только более или менее соответствующие скифским греческие сюжеты, но и воспроизведения местных художественных мотивов в большей или меньшей греческой переработке. В художественных произведениях, экспортируемых из греческих городов, отчетливо различаются две стилистические группы — одна чисто греческая, а другая греко-персидская, возникшая в пределах Ахеменидской империи путем слияния персидской и греческой традиций. Вторая по своим сюжетам и формам стоит ближе к собственно скифскому искусству, которое, начиная со второй половины V в. до н. э., оттесняется на задний план. Произведениями скифских мастеров являются по большей части не личные, а конские бронзовые украшения, отличающиеся от предшествующего скифского искусства схематизмом, геометризацией и в связи с этим преобладанием графической трактовки образов над скульптурной. И в скифское искусство с этого времени проникают некоторые греческие и восточные сюжеты и формы.

Скифская материальная культура, хотя и не утрачивает своего своеобразия, все больше и больше эллинизируется в результате прогрессирующего преобладания греческих мастеров над туземными в создании характерного для нее инвентаря, в особенности украшений и других вещей парадного, в том числе и культового, назначения. В соответствии с этим в идеологии скифов распространяются представления, свойственные рабовладельческому обществу.

СИНДЫ И БОСПОР

Греческие колонии на берегах Керченского пролива играли важную роль в истории Северного Причерноморья, несмотря на то, что Геродот в своем труде игнорирует их существование. Он ни разу о них не упоминает, хотя и знал о Боспоре Киммерийском (Керченском проливе), о меотах на восточной его стороне и о скифах, переходивших его по льду (IV, 28).

Главными и наиболее крупными городами на берегах Керченского пролива были Пантикапей на европейской стороне и Фанагория на азиатской. В ближайшем соседстве с первым из них были города меньшего размера Тиритака и Мирмекий, а в большем отдалении Нимфей. На азиатской стороне кроме

Фанагории известны Гермонасса, Кепы, Корокондама и еще несколько небольших поселений. Греки из городов на Керченском проливе не ограничивались связями с населением Керченского и Таманского полуостровов, а простирали свою активность далеко вглубь страны во всех направлениях. Они рано освоили побережье Азовского моря, Подонье и даже Поднепровье, куда проникали не только по Дону-Донцу и реке Молочной, но и в обход Крымского полуострова по Днепру.

В 480 г. до н. э. греческие города Боспора Киммерийского были объединены под властью Археанактидов, по-видимому, знатной семьи, в качестве архонтов управлявшей этим объединением, ставшим необходимым по внешнеполитическим обстоятельствам. Д. П. Каллистов, вероятно, прав, усматривая ближайшую причину этого объединения в разгроме персами восстания греческих городов в Малой Азии в 494 г., что не могло не отразиться на связанных с ними колониях Северного Причерноморья в виде экономического кризиса и как его следствия ухудшения отношений с окрестными варварами.

Умолчание Геродота о существовании боспорских городов, по всей вероятности, вызвано его проафинскими симпатиями и неприязнью к этим городам ввиду их противодействия стремлению Афин подчинить и их своей гегемонии. В 40-х — 30-х годах V в. до н. э., в то время, когда Геродот составлял свою Историю, Перикл с этой целью предпринял морские походы в Черное море. Из боспорских городов в Афинский союз удалось вовлечь только Нимфей. Вероятно, в связи с этим находится переворот, в результате которого в 438 г. власть в объединенных городах на Боспоре перешла от Археанактидов к династии Спартокидов.

В какой связи находятся друг с другом попытки Афин включить в орбиту своей политики боспорские города и переворот, приведший к власти Спартокидов? Боспорские города под властью этой династии находились в дружественных отношениях с Афинами, но из этого не следует, что они охотно подчинились афинской гегемонии, сопряженной с выплатой более или менее обременительного фороса и с выполнением других стеснительных обязанностей. Умолчание Геродота о боспорских городах весьма красноречиво свидетельствует о том, что на Боспоре Афины встретились с сопротивлением, вследствие чего и могла произойти смена правящей династии в союзе боспорских городов с целью усиления их путем привлечения на свою сторону соседних варваров.

Имя основателя новой династии — Спарток — не скифское, а фракийское. Ввиду этого некоторые ученые полагают, что он был предводителем фракийских наемников, захвативших власть в боспорских городах. Но фракийские наемники появились на Боспоре позже — на рубеже V и IV вв. до н. э. При царе Сатире в его войске было не более двух тысяч наемников греков и столько же фракийцев. О фракийских наемниках более раннего

времени в городах Боспора никаких сведений не имеется. Скорее всего династия Спартокидов вышла не из фракийской, а из местной эллинизированной знати, из среды правящей верхушки ближайшего окружения греческих городов на Таманском полуострове — синдов, возникших, как уже говорилось, по всей вероятности, при участии вернувшихся из Малой Азии киммерийцев, во время пребывания в Азии тесно связанных с фракийцами, если они сами не принадлежали к фракийской семье. Фракийские имена у синдов могли явиться одним из следствий этой связи, да и с греками киммерийцы были хорошо знакомы еще по Азии. Нет никаких оснований полагать, что резиденция Спартокидов с самого начала находилась в Пантикапее, с тем же успехом она могла находиться в Фанагории, откуда Спарток и мог осуществлять свою власть, опираясь на живущих в ее окрестностях соплеменников.

С самого начала своего появления в варварском окружении греки стремились заручиться содействием и поддержкой местной аристократии. Ближайшая к городам туземная знать все теснее и теснее связывалась с греками не только в экономическом, но и в культурном отношении. Представители этой знати, стоящей во главе родо-племенных организаций, не только продавали грекам продукты собственного хозяйства и собранные ими у подвластного населения, но и оказывали колонистам различные услуги: посредничали в сношениях с другими такими же, как они сами, властителями, обеспечивали охраной торговые караваны и вооруженной силой греческие города. Сохраняя связи с родными для них обществами, они, как скифский царь Скил, подолгу жили в городах, иногда селились в них, усваивали греческий язык и представления греков и даже роднились с ними. Погребения такой эллинизированной туземной аристократии находятся поблизости от греческих городов и отличаются смешением черт местного и греческого происхождения.

О распространении влияния боспорских греческих городов в Прикубанье в конце VI — начале и первой половине V вв. до н. э. можно было заключить еще по выше рассмотренным курганам Ульского аула. Наиболее ярко следы его выступают в курганном могильнике Семь Братьев, расположенном возле синдского городища у станицы Варенниковской в низовьях Кубани и оставленном, видимо, местной династией царей-вождей. Погребения, сохранившиеся в двух из этих курганов (втором и четвертом), были устроены в склепах, сложенных из сырцовых кирпичей и перекрытых плоской деревянной кровлей. Они относятся ко второй половине V в. и сохраняют выраженный туземный характер. Покойники сопровождаются оружием и несколькими лошадьми, в инвентаре наряду с вещами местных типов находятся произведения, выполненные в греческом или греко-персидском стиле. Особенно замечателен серебряный нагрудник в виде стоящей оленихи с повернутой назад головой, увенчанной сим-

метрично развернутыми рогами. Рядом с ней сосущий теленок, а в основании — фигура стилизованной птицы с раскинутыми в стороны крыльями, с хвостом в виде пальметки и с рыбой в клюве. Рога, крылья и хвост позолоченные. Из другого кургана (№ 4) происходят ахеменидский серебряный ритон со скульптурной фигурой передней части крылатого козерога и четыре треугольные золотые пластины, украшавшие верхнюю часть деревянного сосуда. На одной из них представлена птица, терзающая зайца, на другой — крылатый барс, вцепившийся в загривок козла, на третьей — фантастическое чудовище иранской мифологии сенмурв и на четвертой — нападение льва на оленя. Последнее изображение решено в традициях скифского искусства, тогда как в трех остальных сочетаются признаки греческого и иранского происхождения.

В погребениях этого могильника, относящихся к IV в., наблюдаются те же явления, что и в скифских курганах Поднепровья, а именно сохранение местного художественного стиля в вещах конского убора с чертами орнаментации и уплощенности и преобладание греческих форм в личных украшениях, как и в упомянутом курганном могильнике у станицы Елизаветинской, расположенном выше по Кубани и тоже находящемся возле городища одного из меотских племен.

Считается, что туземцами на Керченском полуострове были скифы-царские, однако туземные погребения там, как и во всем степном Крыму, существенно отличаются по устройству от погребений последних. Вероятно, это были крымские скифы-номады, хоронившие своих покойников в простых земляных могилах, или тавры, погребавшие в каменных ящиках. Такие могилы V в. до н. э. обычно впущены в насыпи курганов эпохи бронзы, а позже иногда помещаются и под специальными насыпями. Они разбросаны по всему степному Крыму, образуя иногда небольшие семейные кладбища, из чего можно заключить, что эти скифы не имели централизованной организации и распадались на более или менее самостоятельные подразделения. Это заключение подтверждается и тем, что среди них нет больших курганов, сравнимых с погребениями царей скифов-царских или среднеднепровских земледельцев. Только появляющиеся возле греческих городов варварские курганы отличаются величиной, сложностью устройства и богатством инвентаря. Это погребения эллинизированной знати, слившейся с верхушкой греческих городов. Она могла быть и синдского, и таврского, и скифского происхождения.

Раньше всего погребения эллинизированных туземцев появляются у города Нимфея. В расположенных возле него курганах погребальный обряд представляет смешение греческих и варварских элементов, а могильный инвентарь по большей части состоит из вещей греческого происхождения. Особенно показательны в этом отношении курганы № 4, 1876 г. (погребение № 19)

и курган № 16. Они относятся ко второй половине V в. и содержат вещи, близко сходные с обнаруженными в Семибратних курганах на Кубани. Особенно велико сходство найденных в тех и других золотых нашивных бляшек, видимо, изготовленных в одной мастерской и даже иногда при помощи одного и того же штампа.

Город Нимфей, при Археанактидах не вошедший в союз боспорских городов, а связанный с Афинами, был подчинен Спартокидами только в правление Сатира I в конце V — начале IV в. до н. э. Переход его во власть Спартокидов Эсхин (Речь против Ктесифонта) объясняет изменой афинянина Гилона, деда оратора Демосфена, осужденного за это своими согражданами на смерть и бежавшего поэтому к боспорскому царю. В награду он получил от Сатира в управление г. Кепы на Таманском полуострове. В. В. Латышев оправдывает измену Гилона тем, что Афины с падением их могущества не могли больше удерживать в своей власти город в отдаленной стране. Появление богатых туземных погребений возле этого города говорит о том, что он старался путем привлечения туземцев усилиться и устоять против объединенных боспорских городов. Сатир стремился подчинить и другой греческий город в Восточном Крыму, Феодосию, находившийся на месте современного города, тем более, что там укрылись враждебные ему граждане боспорских городов. При осаде Феодосии он умер в 387 г. до н. э., и добиться победы над этим городом, на помощь которому пришла Гераклея Понтийская, обеспокоенная усилением боспорского царя и возникающей в случае падения Феодосии опасностью для ее колонии Херсонеса, удалось только при его наследнике Левконе.

Основной источник для истории династии Спартокидов — Диодор Сицилийский сообщает ряд отрывочных данных (Библиотека, кн. XII—XX). После основателя этой династии Спартока, правившего 7 лет, по его словам, царствовали Селевк, Сатир и Левкон, каждый по 40 лет. Совпадение продолжительности правления каждого из них вызывает сомнения в достоверности данных Диодора, но никаких возможностей для проверки их не имеется. Из относящихся к ранним Спартокидам дат он называет годы смерти Спартока (Ол. 86/4; 433/2 г. до н. э.), Сатира (Ол. 94/4; 393/2 г.) и Левкона (Ол. 106/3; 354/3 г.), в точности соответствующие указанной длительности правления двух последних из них. Однако, по данным этого автора, после Спартока, кроме Сатира, 40 лет правил Селевк, из чего следует, что оба последних правили одновременно и были или соправителями, или царями различных частей унаследованных от общего отца владений. Никаких сведений о правлении Селевка не сохранилось, тогда как в имеющихся данных о Сатире он выступает единоличным правителем греческих городов Боспора. А это значит, что или Селевк личность мифическая, или он был царем

не боспорских городов, а тесно связанного с ними единством династий Синдского царства.

А. И. Болтунова опубликовала фрагменты проксенического декрета, найденные в 1953 г. в г. Анапе, находящемся на месте столицы синдов, известной под именами Синдская гавань, Синд, Синдик, Синдика и Горгиппия. Имя царя, даровавшего эту проксению, не сохранилось, но уцелело имя его отца — Евмел. Так как надпись палеографически датируется первой половиной IV в. до н. э., А. И. Болтунова полагает, что царем, даровавшим проксению, был Селевк, правивший в одно время с Сатиром, и что Евмел был отцом не только его, но и Спартока. Если это так, а для сомнений нет повода, то Селевк наследовал не Спартоку, как значится у Диодора, а синдскому царю Евмелу, другой сын которого стал архонтом боспорских городов. Династическое родство синдских царей и боспорских Спартокидов подтверждается и последующими событиями, случившимися при наследнике Спартока Сатире.

Сатир восстановил на престоле неизвестно кем и почему низложенного царя синдов Гекатея и женил его на своей дочери, приказав ему убить первую жену, меотянку Тиргатао.

Гекатей не выполнил приказа, а заточил жену в крепость. Тиргатао убежала из нее и подняла яксаматов (язаматов), над которыми царствовал ее отец, и других меотов, и те стали опустошать Синдику Гекатея и владения Сатира. Последние выпросили мир, выдав в заложники сына Сатира Митродора. Ввиду коварного поведения Сатира, организовавшего покушение на Тиргатао, она велела убить заложника и возобновила войну, подвергнув страны своих врагов страшному опустошению. Сатир в отчаянии умер, а его сын Горгипп только дарами и просьбами добился мира.

Из этого рассказа Полиена (Военные хитрости, VIII—55) следует, во-первых, что Сатир не был царем синдов, которыми управлял их собственный царь Гекатей, во-вторых, что меотские племена в то время были независимыми от боспорского правителя и имели своих царей, в-третьих, что умер от отчаяния скорее всего не Сатир, скончавшийся при осаде Феодосии, а его вассал Гекатей и, в-четвертых, что Сатир еще до своей смерти в 393 г. до н. э. назначил царем Синдики своего сына Горгиппа. О том, что последний был действительно царем синдов, свидетельствует названный его именем упомянутый город Горгиппия на месте современной Анапы, ставший столицей Синдского царства. Известно также, что дочь Горгиппа Комосария была женой Перисада I — внука Сатира от другого его сына Левкона. Боспорские правители и синдские цари были соединены не формальной зависимостью одного от другого, а прочными родственными узами: они были членами одной фамилии, которую греки, несмотря на эллинизацию и греческие имена, преобладавшие среди ее представителей, считали варварской.

На этом основании можно полагать, что уже сильно эллинизированный отец Селевка и Спартока Евмел был царем синдов, а его сын Спарток, сделавшись архонтом нуждавшихся в поддержке синдов боспорских городов, оставался членом синдской царской династии и сохранял за собой соответствующие права, почему его сын Сатир и поддерживал своего двоюродного брата Гекатея, еще больше закрепив союз с ним браком своей дочери с синдским царем. Этими же династическими правами Спартокидов на царство синдов объясняется и назначение царем синдов вместо умершего Гекатея сына Сатира Горгиппа, тогда как другой его сын Левкон после смерти отца занял его место архонта боспорских городов. Никакого деления Боспорского царства между сыновьями Сатира не было, так как так называемое Боспорское царство обнимало тогда только греческие города с прилегающей к ним территорией (хорой) и не простиралось на окружавшее их туземное население.

Левкон, как показывает его титул, становится, кроме архонта греческих городов, царем синдов и меотских племен: торетов, дандариев и псессов, отнюдь не изменив традиционной их организации. Как произошло подчинение этих племен Левкону, неизвестно. Едва ли оно было добровольным, хотя, с другой стороны, могла сказаться и экономическая заинтересованность меотских племен в тесной связи с боспорскими городами. При Левконе хлебная торговля Боспора с Афинами достигла невиданных размеров: Афины получали из Боспора половину необходимого им количества хлеба — 400 000 медимнов. Владения греческих городов Боспора такого количества хлеба дать не могли, он шел главным образом от меотов Прикубанья. В этих условиях меоты могли пойти на закрепление своих экономических связей с греческими городами путем подчинения их правителю как своему верховному царю, тем более, что соответствующие претензии последнего подкреплялись находившейся в его распоряжении военной силой. Левкон вел войны не только с Нимфеем, Феодосией и Гераклеей, но и с Родосом и располагал сильной армией, в составе которой находились, кроме скифов и унаследованных им от отца греческих и фракийских наемников, привлеченные им самим аркадяне.

Судя по титулатуре боспорских царей, меотские племена то отпадали, то вновь присоединялись к их царству, из чего следует, что это царство в части своего туземного состава не было стабильным, что входившие в него туземные племена, сохранившие внутреннюю автономию, скорее добровольно, чем по принуждению оставались в его границах. Для отношений между ними и боспорскими царями особенно показательны события, происшедшие в самом конце IV в. до н. э. во время междоусобной войны сыновей Перисада I, женатого, как упомянуто, на дочери царя синдов Горгиппа, носившей фракийское имя Комосария. Власть после Перисада получил его старший сын

Сатир II (309 г. до н. э.), но против него немедленно выступил его брат Евмел, привлекший на свою сторону соседних варваров. Процарствовав всего 9 месяцев, Сатир погиб от раны. Ему наследовал следующий брат Притан, но и он был побежден и убит Евмелом, умертвившим, кроме того, всех детей своих братьев, за исключением сына Сатира II Перисада, бежавшего к скифскому царю Агару. Победу Евмелу обеспечил его союзник Арифарн, явившийся на помощь с 20 тысячами конницы и 22 тысячами пехоты.

В сохранившемся рукописном тексте изложенного повествования Диодора (Библиотека, XX, 22—25) Арифарн назван царем фракийцев, что можно отнести за счет описки. Считается, что это был царь одного из соседних меотских племен, как полагают, близких по написанию — фатеев. Правда, имя этого царя иранское, ввиду чего некоторые считают, что он правил обитавшим поблизости от меотов сарматским племенем сираков. Едва ли, однако, последняя конъектура соответствует действительности, царские имена легко переходят от одного народа к другому, независимо от их этнической принадлежности, тогда как для вооруженного выступления сираков на помощь Евмелу требовались серьезные причины, каковые трудно усмотреть в отношениях их с боспорской династией. Вероятно, Евмел теснее других сыновей Перисада был связан с меотами, может быть, даже потому, что был сыном дочери царя синдов Горгиппа Комосарии, тогда как его братья происходили от другой матери или даже других матерей не синдского происхождения. Он был, по-видимому, обойден в престолонаследии, что и вызвало сочувствие к нему со стороны родственных по матери меотов, а в особенности по какой-то причине особенно близких к нему фатеев.

Не исключено, что наименование союзников Евмела в тексте Диодора фракийцами явилось не случайной опиской. Фракийцами, как выше указывалось, могли считаться синды по их происхождению от киммерийцев. В таком случае Арифарн мог быть царем не фатеев, а синдов и, если он к тому же был сыном Горгиппа, он мог выступать на стороне Евмела как своего племянника. По надписям с титулами боспорских царей известно, что уже Левкон I, брат синдского царя Горгиппа, именовался царем синдов и ряда меотских племен, царем же синдов выступает и его сын Перисад, из чего следует, что синды после Горгиппа, а может быть, и начиная с него, находились в подчинении у Боспора, что не исключает принадлежности их правителей к одной династии с архонтами Боспора. Впрочем, отношение к этой династии Арифарна неизвестно, и он выше назван сыном Горгиппа предположительно.

По рассказу Диодора Сицилийского, войско Сатира, состоявшее из наемных греков и фракийцев, а в большей части из союзных скифов, вначале имело успех и вынудило Евмела и Арифарна укрыться в хорошо защищенном природой и искусствен-

ными укреплениями «царском замке» на реке Фар, как называлась Кубань или один из ее притоков, что, кстати говоря, определяет и местоположение фатеев на этой реке. Во время штурма замка Сатир был ранен и умер, войско его отступило в город Гаргаза, расположенный, вероятно, на той же реке, но принадлежавший, кажется, Боспору. Точное местоположение «замка» и города неизвестно, но судя по быстротечности событий, они находились недалеко от Боспора, вероятно, в стране синдов в низовьях Кубани. После смерти Сатира Евмел, как уже сказано, быстро расправился со ставшим на место умершего Пританом и завладел Боспорским царством.

Все это в отношении синдов и Арифарна, конечно, только догадки, не имеющие в данной связи существенного значения. История Евмела для нас важна потому, что она показывает, насколько велика была самостоятельность меотских племен, входивших в состав Боспорского царства и как условна была власть над ними боспорского царя. Греческие города и в первую очередь Пантикапей враждебно встретили торжество Евмела, и, чтобы примирить их со своей властью, ему пришлось не только подтвердить старые, но и обещать ряд новых привилегий.

Пантикапей в IV в. был, несомненно, самым крупным и главным из боспорских городов. В нем находилась резиденция царя, он был средоточием ремесла и торговли. Несмотря на многолетние раскопки, нам мало известен его облик. Как и Ольвия, он был тесно застроен по террасированным склонам горы Митридата одно- и двухэтажными домами с маленькими внутренними двориками, глухими стенами, отгороженными от узких улиц. В нем был акрополь, в котором находилась резиденция царя и его приближенных, были храмы, рынки и даже театр, словом, это был обычный провинциальный греческий город. Но в нем жили не только греки, но и выходцы из туземной среды, в том числе представители туземной аристократии, окружавшей царя и игравшей важную роль в государственном управлении. Насколько эта туземная по происхождению аристократия была эллинизирована, можно судить по находящимся возле города погребениям ее представителей.

Кладбище боспорской туземной аристократии расположено в окрестностях Керчи вдоль хребта Юз-Оба и состоит из ряда курганов, внутри которых находятся каменные склепы, перекрытые ступенчатым ложным сводом, сходные с фракийскими сооружениями этого рода. Впрочем, фракийское происхождение склеповой архитектуры подвергается сомнению. В. Д. Блаватский думает, что она восходит к могилам с деревянными камерами, в свою очередь воспроизводившими жилые постройки с перекрытием из деревянных балок, положенных уступами ряд за рядом и образующих таким образом своего рода свод. Такие постройки до недавнего времени существовали в живом быту в Закавказье.

Тесно связываются они и с распространенными у синдов каменными или сырцовыми склепами с деревянным перекрытием.

Сохранившееся погребение в кургане Куль-Оба дает представление о содержании и богатстве этих склепов, в которых наряду с греческими имеются элементы варварского характера. В нем покойника сопровождали жена или наложница и слуга. У главного из погребенных — мужчины был найден полный комплект вооружения из предметов греческих и скифских типов. Имевшиеся украшения по количеству и ценности соперничали с убором сопровождающей его женщины. Из вещей особое внимание привлекают большие височные дисковидные подвески с изображением головы Афины в шлеме, представляющие собой уникальное воспроизведение несохранившегося творения Фидия, находившегося в Парфеноне в Афинах. Интересна золотая нащитная бляха в виде лежащего оленя того же рода, что и найденная в кургане у станицы Костромской, но выполненная не туземным мастером, а греком, не понявшим скифского образа и привнесшего в него черты греческого античного искусства. Из того же погребения происходит и упомянутый выше кубок со сценами из скифской жизни, представляющими эпизоды скифского мифа в греческой трактовке.

В других курганах Юз-Обы, также относящихся к IV в. до н. э., находятся погребения тоже с большим или меньшим количеством черт туземного характера, указывающих, что, несмотря на эллинизацию, боспорская аристократия местного происхождения сохраняла некоторые традиции своих предков.

На другой стороне Керченского пролива близ города Фанагории среди других находится большой курган Большая Близница с несколькими погребениями членов одной знатной фамилии. Они устроены тоже, как и курганы Юз-Обы, в каменных склепах по смешанному погребальному обряду. На потолке одного из склепов сохранилось живописное погрудное изображение греческой богини плодородия Деметры, а в другом, не затронутом ограблением,— богатейшее женское погребение с вещами, свидетельствующими о связи погребенной с культом той же богини, подобной туземной богине. Признаки связи с тем же культом содержатся и в других погребениях этого кургана, что дает основания считать его принадлежавшим семье, игравшей важную роль в синкретическом культе, объединившем греческие и местные религиозные представления и обряды.

Степень эллинизации туземной аристократии, связанной с греческими городами, была неизмеримо большей, чем представителей того же слоя варварского населения в глубине страны. Тем не менее, элементы греческой культуры проникали в самые широкие слои туземного мира и в той или другой степени сказывались на облике скифской культуры. Обращает на себя внимание единство форм и стиля вещей скифского времени, что, конечно, находится в зависимости от единства самой греческой

культуры и от сосредоточения производства вещей на скифский рынок в определенных центрах, главным среди которых был Пантикапей. В этом городе создавались для варваров — скифов и нескифов — многие вещи, как уникальные, так и массового распространения. Об изготовлении в нем серийных украшений уже говорилось. Можно добавить, что к пантикапейской продукции относятся и широко распространенные нашивные золотые бляшки, в которых скифские сюжеты даже с элементами скифского стиля сочетались с мотивами и формами греческого происхождения. Греческое влияние проникает и в вещи, изготовленные в туземной среде собственными мастерами, в частности в особо упорно сохранявшие свой самостоятельный стиль бронзовые конские украшения. Они постепенно утрачивают свои прежние признаки и становятся орнаментально-декоративными. Господствовавший в скифском искусстве образ зверя заменяется абстрагированными геометрическими формами.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАРПАТЬЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ. СКИФЫ ВО ФРАКИИ

В IV в. до н. э. в поднепровской Скифии наблюдается присоединение к греческим культурным элементам фракийских, что, несомненно, находится в связи с установившимися в это время тесными связями с фракийцами Карпато-Дунайского бассейна. Начало взаимодействия скифов с Карпато-Дунайской областью относится к глубокой древности. Трансильвания еще в эпоху бронзы снабжала скифов металлом, а некоторые формы скифской керамики восходят к так называемому фракийскому гальштату. В середине V в. до н. э. Скифское и фракийское Одриское царства были связаны между собой династическими узами.

В пору наибольшего могущества Одриское царство простиралось от Эгейского моря до Дуная, за которым, по Геродоту, начиналась уже Скифия. Самое северное из фракийских племен — геты, по словам Фукидида (II, 96), жило между Гемом (Балканскими горами) и Дунаем. Античная письменность знает гетов севернее Дуная только с IV в. От Дуная внутрь материка соседями скифов, говорит Геродот, были агафирсы, народ нескифский, но общего со скифами происхождения. По легенде Агафирс был братом Скифа. Местожительство агафирсов Геродот указывает у истоков реки Марис (современная река Муреш в Трансильвании), но не исключено, что они же обитали в лесостепном восточном Прикарпатье.

Вопрос о населении Прикарпатья в скифское время принадлежит к числу наименее изученных в археологическом отношении, ввиду чего в настоящее время по нему можно дать только самые общие, предварительные заключения.

Археологическими исследованиями в Румынии и Болгарии обнаружены поселения и погребения, относящиеся к концу эпохи бронзы и раннежелезному времени. Оба этих периода представлены открытыми поселениями с наземными жилищами, многочисленными хозяйственными ямами и зольниками, сходными с распространенными в лесостепной полосе Подпестровья и Поднепровья. Ранние из них относятся к культуре ноа, одновременной и сходной по ряду признаков с сабатиновским этапом срубной культуры Северного Причерноморья. Для этой культуры, как и для срубной, характерны погребения в скорченном виде на боку в неглубоких прямоугольных или овальных ямах, иногда с каменной обкладкой, но без курганных насыпей. В ней распространена близкая к сабатиновской керамика, состоящая из грубых банкообразных горшков с гладким валиком под венчиком, с боковыми выступами и с одним или двумя рядами сквозных проколов или жемчужин ниже края. Столовая посуда лучшей выделки, со слабым лощением, петельчатыми ручками, выступами, иногда с желобчатым орнаментом. В ее составе выделяются черпаки или чарки, двуручные чаши и миски.

Бронзовый инвентарь этой культуры состоит из нескольких типов серпов, долот, тесел, кельтов, шильев, из оружия встречаются наконечники копий с лавролистным пером и мечи среднеевропейского типа. Из принадлежностей одежды и украшений следует отметить шпильки с загнутой в трубочку или колечковидной головкой, а также с выступами по бокам, браслеты с сомкнутыми и несомкнутыми концами и орнаментом из заштрихованных треугольников, очкообразные подвески и кольца. Большинство металлических предметов карпато-дунайских типов, но среди них имеются вещи и северочерноморского происхождения, такие как некоторые кельты, тесла, лавролистные наконечники копий и другие. Каменные изделия представлены сверленными топорами, полировальниками, точилками, зернотерками, пряслицами, а многочисленные костяные состоят из проколок, шильев, шпилек и наконечников стрел.

В этой культуре соединены различные элементы с преобладанием вещей карпато-дунайского характера, но со значительным включением и северочерноморских форм, что свидетельствует об участии в образовании ее того же этнического элемента, что и в формировании сабатиновского этапа срубной культуры, но в ином соотношении с традициями туземного происхождения.

Культура ноа, распространенная в Молдавии, Прикрутской Румынии, Трансильвании и в правобережном Среднем Поднестровье, в XI—X вв. до н. э. сменяется распространявшейся из Средней Европы так называемой культурой фракийского

гальштата; в Румынии она называется культурой басараби. Ранний этап ее соответствует белозерскому этапу срубной культуры, а поздний совпадает по времени с раннескифским периодом. С этой культурой в добавление к скорченным трупоположениям появляются трупосожжения на стороне с погребением кальцинированных костей в урне или неглубокой ямке, иногда, как и при трупоположении, в каменном ящике под невысокой насыпью с каменным кольцом в основании. Кухонная керамика такая же, как и раньше, в столовой же посуде преобладающее положение занимают чернолощеные сосуды, у которых в орнаментации место каннелюр занимает геометрический узор, нанесенный резьбой или зубчатым штампом и заполненный белой пастой. В формах керамики выделяются чарки с поднимающейся над краем ручкой с шишечкой на перегибе и большие корчаги виллановского типа.

Из металлических вещей следует отметить половинку бронзовых двукольчатых удил первого (по А. А. Иессену) типа, свидетельствующих, что позднейшие из погребений этой культуры относятся ко времени не раньше VIII в. до н. э., а также бронзовые удила со стремявидными концами, обращенными широкой стороной не наружу, как у скифских удил этого рода, а к центру, т. е. представляющие своеобразный вариант удил, появляющихся в Северном Причерноморье вместе со скифами, вернувшимися из Азии.

Лощеная, украшенная заполненным белой пастой нарезным и зубчато-штампованным орнаментом посуда распространяется в то же время в степях Северного Причерноморья и в лесостепной Скифии как по правой, так и по левой стороне Днепра, но вверх по Днестру проникает только примерно до Могилева-Подольского, выше которого, как и в Побужье, продолжает развитие лощеная керамика к каннелюрами и шишечками того же рода, что и бытовавшая в Румынии и Молдавии в более раннее время. В части своей керамики подольская культура раннескифского времени в большей мере связывается не с Молдавией и Восточной Румынией, а с Закарпатьем и Венгерской равниной, с культурами фракийского гальштата, среди которых распространяется посуда, сделанная на гончарном круге, в отдельных образцах проникающая в Западную Подолию.

Подольские и молдавские памятники объединяет их подоснова в виде культуры ноа и общность исторической судьбы. И те и другие прекратили свое существование если не в самом начале V в до н. э., то в первой его половине. В истории заселения этих областей наблюдается ничем не заполненный перерыв. По всей вероятности, население покинуло их под ударами скифов-царских. Население Подолии еще некоторое время сопротивлялось завоевателям и с этой целью строило мощные городища-убежища. Население Молдавии, по-видимому, покинуло свою страну без длительного сопротивления, поскольку в ней нет сле-

дов оборонительных сооружений. Куда удалилось население обеих областей? Скорее всего за Карпаты, к своим соплеменникам — из Румынии и Молдавии в Трансильванию, а из Подолии в Потисье, в Венгерскую равнину. Опираясь на сведения Геродота, трансильванские памятники можно с уверенностью связать с агафирсами, тот же народ, видимо, занимал и северо-восточную Румынию с Молдавией. В культурном развитии Подолии имеются особенности, сближающие ее больше с Потисьем, чем с Трансильванией и препятствующие таким образом безоговорочному причислению ее населения к агафирсам.

Характеризуя агафирсов, Геродот писал, что они «изнежены и любят носить золотые украшения», а также, что «женщинами они пользуются сообща, чтобы быть друг другу братьями и в качестве родственников не питать друг к другу ни зависти ни вражды» (IV, 105). В таком виде мог отразиться у Геродота существовавший у агафирсов обычай многомужества — полиандрии. В остальном, по свидетельству Геродота, агафирсы сходны с фракийцами.

Но сходство — не тождество. Во фракийской принадлежности агафирсов можно сомневаться. В прошлом я преувеличивал роль среднеевропейских элементов в культуре Подолии и причислял население последней к фракийцам, полагая, что подольские фракийцы и были агафирсами. Теперь я считаю необходимым осторожнее подходить к вопросу об этнической принадлежности агафирсов. Геродот упоминает имя царя агафирсов Спаргапифа, на счет коварства которого относилась смерть скифского царя Ариапифа — отца Скила и Октамасада, жившего, видимо, около середины V в. до н. э., по всей вероятности, в стране агафирсов, в современной Трансильвании. Имя его иранское, но это еще ничего не доказывает, так как имена царей нередко переходили от одного народа к другому. Гораздо более значительно родство агафирсов со скифами, выясняющееся из легенды о происхождении последних. По этой легенде родоначальники тех и других были братьями. Третьего сына общих родителей звали Гелон, и он был родоначальником третьего родственного народа — гелонов.

В другом варианте скифской этногонической легенды братьев звали Липоксай, Арпоксай и Колаксай, а потомки первого из них были авхаты, второго — катиары и траспии и третьего — паралаты (IV, 6). В имени катиаров нельзя не узнать видоизменение имени агафирсов (акатиры). Второе название потомков Арпоксая — траспии было или вторым их именем или, скорее всего названием, другой части того же народа. О том, что паралаты соответствуют скифам, уже говорилось. Что касается потомков соответствующего Гелону первой легенды Липоксая — авхатов, то их остается отождествить с заселившими среднеднепровское Левобережье гелонами первой этногонической легенды. Однако этот народ под именем авхетов знал Плиний

(Ест. ист., IV, 82), помещающий его не в Поднепровье, а у истоков Южного Буга. Хотя география Плиния отличается невообразимой путаницей сведений, извлеченных из разных источников, и полнейшим смешением хронологии, все же содержащееся в ней указание на связь авхетов как оставшейся на месте части гелонов с Побужьем заслуживает внимания. Очевидное различие в культуре Подолии и Среднего Поднепровья не позволяет отождествить население той и другой из этих областей в скифское время друг с другом, из чего следует, что если авхеты и были частью гелонов, то они не могли находиться в Среднем а тем более в Верхнем Побужье, а жили где-то в северо-западном Причерноморье, скорее всего в Поднепровье, откуда другая часть гелонов переселилась в среднеднепровское Левобережье.

О том же, что часть гелонов-авхетов могла там оставаться, свидетельствуют упоминания этого народа у позднейших латинских авторов. Наряду, но отдельно от авхетов, гелонов называет Плиний (кн. 4, § 88), а кроме него они упомянуты у поэтов I в. до н. э. Вергилия и Горация. У первого в «Георгиках» они значатся как отважные кочевники, живущие в Родопах и Гетской пустыне (кн. III. 457—466), а у второго в «Одах» они указаны живущими на краю света и вооруженными колчанами (Carm. II, 20; III, 4). Позже, в IV в. их знают: Аммиан Марцеллин (Римская история, кн. 22, 30, 31, *13*), Клавдий Клавдиан (Гилдоновская война, кн. 1), Вибий Секвестр (О реках, источниках, озерах и т. д.) и другие латинские авторы. У первых двух они выступают вместе с гетами или агафирсами, а у третьего помещаются во Фракии. Апполинарий Сидоний в V в. указывает гелонов в составе полчищ Аттилы (Панегирик Авиту Августу). Все эти упоминания едва ли являются всего только литературными реминисценциями, а не отражают реального существования гелонов, сохранившихся среди варварского населения Средней Европы много времени спустя после изгнания скифов из Северного Причерноморья сарматами.

Но даже если это и так, то среднеевропейские гелоны едва ли были только той частью этого народа, которая под именем авхетов-авхатов сохранилась в северо-западном Причерноморье, или точнее в правобережном Поднепровье, а не теми гелонами, какие до нашествия сарматов жили в днепровском лесостепном Левобережье. Поскольку они выступают под своим именем отдельно от скифов, еще сохранявшихся в Крыму, надо полагать, что, хотя и близкородственные с последними, они отличались от них и осознавались подобно агафирсам в качестве особого народа.

Особенности культуры Подолии сравнительно со скифской культурой Среднего Поднепровья позволяют предполагать, что в формировании населения той и другой из этих областей участвовали разные компоненты. Не исключено, что для Подолии, как и для Прикарпатья, это были оттесненные на запад ким-

мерийцы. Венгерские археологи (М. Пардуц) полагают, что часть памятников периода поздней бронзы к югу от Карпат оставлена собственно киммерийцами, что не исключает перекрывания их скифами, породившего культуру ноа. Примерно то же самое произошло и в Подолии, но, по-видимому, с участием еще одного компонента в виде комаровской культуры. Все это не исключает близкого родства прикарпатского и подольского населения со скифами и объясняет невозможность резкого разграничения тех и других.

С южной стороны Карпат тянется довольно широкая полоса с находками вещей скифских типов: бронзовые наконечники стрел, акинаки, крестовидные бляхи, навершия, удила с трехдырчатыми псалиями, бронзовые котлы, зеркала с боковой ручкой, оформленной в зверином стиле, и отдельные произведения звериного стиля, например, золотые бляхи в виде оленя. В. Пырван и М. И. Ростовцев объясняли их появление в Средней Европе скифскими вторжениями, хотя эти вещи в большинстве случаев несомненно местного производства, с особенностями, отличающими их от вещей того же рода, распространенных в Скифии. К тому же они находятся в комплексах с вещами местных типов. Не отрицая возможности отдельных вторжений скифов за Карпаты, следует сказать, что закарпатские памятники со скифскими элементами, как показала А. И. Мелюкова, оставлены местным населением, находившимся в связях со скифами.

Появление этих вещей скорее всего надо отнести на счет переселенцев с северной стороны Карпат, вытесненных оттуда скифами-царскими, так как эти вещи, воспроизводящие ранние скифские формы, датируются в общем, V в. до н. э., когда северо-восточная Румыния с Молдавией и Подолия были очищены от своего населения. Присоединившись к родственному населению южнее Карпат, эти переселенцы, видимо, слились с туземцами и, во всяком случае, быстро утратили и без того немногочисленные признаки своей особой культуры.

После описания Фракии, простирающейся до Дуная, Геродот говорит, что не знает, какая земля лежит к северу от нее, и даже допускает, что по ту сторону Истра (Дуная) находится беспредельная пустыня (V, 9). Однако из рассказов он слышал о существовании одного народа, живущего за Дунаем. Это сигинны, замечательные тем, что производят себя от мидян. Земля сигиннов, говорит он, простирается почти до энетов, что на Адриатическом побережье, что позволяет нам локализовать ее на территории современной Венгрии, и поскольку она находилась севернее Дуная, отождествить ее с Потисьем — областью распространения вещей скифских типов.

Страбон (XI, II, 8), называющий сигиннов среди народов, «живущих около Кавказа и остальной горной страны», повторяет сведения Геродота об их иранских (в данном случае «персидских») обычаях, и о том, что они пользуются маленькими косма-

тыми лошадьми, которых запрягают в повозку четверкой: управляют этими лошадьми женщины, причем самая искусная из них имеет право на сожительство с любым мужчиной. Сведения Страбона и Геродота идут из одного источника, но первый из этих авторов объединил Кавказ с Карпатами и поместил сигиннов среди других предгорных и горных народов. Его данные не противоречат сведениям Геродота, указания того и другого на иранские обычаи, одежду и происхождение сигиннов дают основания связывать их со скифами, что археологически подкрепляется распространением скифских вещей в Средней Европе, преимущественно на территории Венгрии.

Таким образом, есть все основания полагать, что агафирсы, сигинны и неизвестное по имени население Подолии были близко родственными со скифами, т. е. были иранскими по своей этнической принадлежности, хотя к югу от Карпат эти народы не могли не смешиваться с поглотившими их в конце концов кельтами, иллирийцами и фракийцами.

В Средней Европе различаются три области распространения памятников скифского типа: трансильванская, северо-венгерская и болгарская (нижнедунайская). Вещи скифских типов раннего времени (конца VI—V вв.) характерны для двух первых из этих областей, в болгарской же сходные со скифскими формы появляются в более позднее время. Хотя еще в конце VI в. при преследовании персов скифы проходили по Фракии, а в V в. скифы-царские находились в тесных связях с царством одрисов, следы скифского влияния во Фракии, за исключением находок скифских наконечников стрел, почти не наблюдаются. Датируемая VI в. бронзовая матрица для тиснения золотых украшений из Гаршиново в северо-западной Болгарии, во-первых, относится к более позднему времени — к V в., а во-вторых, представляет формы, сходные с другими образцами звериного стиля, известными по находкам в Средней Европе, такими, как золотые бляхи в виде оленя из Зольдхоломпуста, Тапиосентмартони и даже Феттерсфельде под Берлином. Все они менее жизненные, чем скифские, с чертами, не характерными для скифского искусства, такими, например, как поза оленя с выставленной вперед одной из передних ног, т. е. не лежащего, а встающего, не свойственная скифским изображениям этого животного, а распространенная в древневосточном и греко-ионийском искусстве. Не отрицая сходства скифского и среднеевропейского звериного стиля, все же следует отметить, что последний отличается особыми чертами, свидетельствующими о некоторой зависимости его от искусства Ахеменидского Ирана и греческой Ионии, в котором также господствовал «звериный стиль».

И. Венедиктов отмечает, что, хотя геометризированные изображения животных появляются во фракийской культуре еще в VIII—VII вв. до н. э., только со времени персидского завоевания в ней распространяются многочисленные элементы ахеме-

нидского происхождения, в том числе и в искусстве, проникающие и дальше на северо-запад — в Вентрию и Трансильванию. Собственно фракийское искусство формируется на греко-ахеменидской основе в V в. до н. э., но наиболее своеобразные формы приобретает только в IV в. Оно представлено для этого времени находками в Болгарии и Румынии, из которых назовем замечательные комплексы серебряных с позолотой украшений из Летницы и Крайовы на древней гетской территории. И вообще искусство этого времени скорее гетское, нежели общефракийское. Полное соответствие мотивам и стилю этого искусства находится в украшениях, происходящих из курганов Нижнего Поднепровья, в особенности таких, как Огуз, Чмырева могила и Александрополь. Среди них имеются произведения как выполненные во фракийских мастерских, так и сделанные под фракийским влиянием скифскими мастерами. Некоторые сходные с фракийскими мотивы встречаются даже на Кубани.

О роли скифского искусства в развитии фракийского искусства можно судить по распространению в последнем в IV в. украшений конской узды в виде ажурных орнаментализированных фигур животных и их частей, в частности ног с копытами или когтями, известных в Скифии с V в. до н. э. Несомненные соответствия для них имеются на Алтае в составе надевавшихся на головы коней ритуальных масок со свешивающимися по сторонам головы лопастями в виде задних ног какого-либо животного, другая часть которого помещалась на лбу или морде самой лошади. Скифские и фракийские уздечные украшения являются сокращенными воспроизведениями таких масок и могли проникнуть во Фракию (к гетам) только через скифов, поскольку в Передней Азии ничего подобного до сих пор не обнаружено.

Указанные соответствия в скифской и фракийской культурах IV в. до н. э. вместе с рядом других данных того же рода свидетельствуют об усилении связей между той и другой в это время, что находится в прямой зависимости от политических событий, сконцентрированных вокруг личности скифского царя Атея. У Страбона имеется замечание о том, что Атей, кажется, господствовал над здешними, т. е. северочерноморскими скифами (VII, 3, 18). Ограниченные словом «кажется», эти восходящие к Эратосфену сведения самому Страбону представляются сомнительными. Однако, судя по контексту и другим данным, Атей действительно был общескифским царем, хотя все относящиеся к нему сообщения касаются только южной, дунайской границы Скифского царства.

Во время Атея скифские владения, ранее доходившие только до низовий Дуная, распространялись на задунайскую Добруджу, представляющую собой географическое продолжение Буджакской степи, в древности именовавшейся Гетской пустыней. Освобожденное агафирсами лесостепное Прикарпатье в IV в. до н. э.

было заселено гетами. Западную часть Прикарпатья до Германии и истоков Дуная занимали даки, по Страбону, говорившие на одном языке с гетами (VII, 3, I, 2), но они становятся известными только в первые века н. э.

Археологические памятники Румынии и Молдавии VI—III вв. до н. э. существенным образом не различаются между собой. В это время кроме открытых поселений появляются городища, служившие не только убежищами, но и местами постоянного обитания. Некоторые из них имеют сложную систему укреплений из нескольких валов и рвов. Жилища, как и в более древнее время, наземные с каменными или глинобитными очагами. В составе керамики отсутствует посуда, украшенная резным, штампованным или каннелированным орнаментом, преобладают баночные горшки с почти вертикальными стенками, снабженные по бокам выступами-упорами и иногда с орнаментом из ямок или налепного валика с защипами. Имеются миски с резким перегибом на туловище, отделяющим верхнюю слегка загнутую внутрь часть от нижней, кувшины с небольшим округлым туловом и петельчатой ручкой, а также большие грушевидные корчаги. Находится довольно много привозных греческих амфор и встречаются фрагменты импортной краснофигурной и чернолаковой посуды. Из других находок в Молдавии отметим бронзовые наконечники скифских стрел IV—III вв. до н. э., двудырчатый роговой псалий и бронзовую фибулу раннелатенского типа. Могильники с трупосожжениями такие, как и в остальных гетских областях Дунайского бассейна. Особенно важно подчеркнуть существенное отличие памятников, находящихся южнее Днестра, от распространенных по левой стороне этой реки, что соответствует этническому различию населения этих соседних областей.

Строительство городищ в лесостепном Прикарпатье указывает на военную опасность для его населения, по-видимому, со стороны кочевников, занимавших соседнюю Буджакскую степь, узкой полосой протянувшуюся вдоль западного берега Черного моря до устья Дуная и переходящую на южную его сторону в такую же степь Добруджи. До IV в. о скифах в Добрудже ничего не известно ни по письменным, ни по археологическим данным. Неизвестна и причина экспансии скифов в Добруджу при Атее, но есть сведения, что этот царь вел тяжелую войну с истрианами, едва ли жителями греческой колонии Истрии на западном берегу Черного моря, а скорее всего туземным населением Подунавья (Истра), вероятно гетами, захватившими прикарпатскую, левую сторону Дуная. Во время этой войны он обратился к македонскому царю Филиппу за помощью, но так как войско того запоздало, он не только отказался от него, но и, ссылаясь на бедность, отверг требование Филиппа о компенсации. В 339 г. до н. э. Филипп вторгся во владения скифов, разбил скифское войско, захватил 20 тысяч пленных и множество

лошадей, но, добавляет источник, не нашел у скифов ни золота, ни серебра, что и подтвердило их бедность, на которую ссылался Атей (Юстин, IX, 2). Сам Атей при этом погиб, имея от роду 90 лет (Лукиан Самосатский. Макробий, 10). Сохранилось несколько анекдотов, рисующих личность этого царя. Он будто бы, слушая прославленного греческого флейтиста, заявил, что предпочитает его музыке ржание своего коня, а чистя коня, спрашивал, делает ли это Филипп (Плутарх. Изречения).

Из относящихся к Атею реалий имеется несколько серебряных монет с его именем. На одной серии их на аверсе представлена голова Геракла в львиной шкуре, а на другой голова Деметры. На обороте тех и других монет изображен скиф с луком на коне. На монетах с Деметрой кроме имени Атея есть название греческого города Каллатия на западном берегу Черного моря, означающее место их чеканки. На монетах с головой Геракла никаких указаний на место чеканки не содержится, но зато голова Геракла близко сходна с образом этого персонажа на монетах Гераклеи Понтийской времени царя Сатира (353—347 тг. до н. э.), из чего и заключают, что эти монеты чеканились в Гераклее или по образцу гераклейских монет. Самый факт чеканки монет скифского царя свидетельствует о том, что Атей заявлял о политическом значении своего царства и стремился поставить его в один ряд с другими причерноморскими государствами. Помещение названия греческого города на части его монет может при этом указывать не только на место чеканки, но и на какую-то форму зависимости Каллатия от скифского царя, тем более, что город находился на побережье захваченной скифами страны.

У нас нет оснований сомневаться в значении Атея как общескифского царя, хотя причины, побудившие его к захвату части задунайской Фракии остаются неясными. Может быть наступивший ко времени Атея развал царства одрисов создал условия, при которых эта задача казалась легко выполнимой. Но появление скифов на Балканах в тылу Македонского царства было опасным для последнего и не могло не вызвать соответствующих мероприятий со стороны Филиппа Македонского. Экспансия скифов к югу от Дуная была им пресечена, но борьба за Фракию между Македонией и Скифией со смертью Атея не кончилась. В 334 г. до н. э. Александр Македонский совершил поход к Дунаю, разбил трибаллов и даже в порядке демонстрации перешел на левую сторону этой реки. Жившие там геты в страхе бежали в Гетскую пустыню. О скифах в сведениях об этом походе не упоминается. Полководец Зопирион, оставшийся наместником Александра во Фракии, в 331 г. продолжил его завоевания и, пройдя землю гетов, дошел до Ольвии, но не смог взять этого города, принявшего ряд чрезвычайных мер для своей обороны. На обратном пути он был настигнут и вместе с войском уничтожен скифами.

Лисимах, унаследовавший Фракию после Александра Македонского, поставил в 323 г. до н. э. в западнопонтийских греческих городах, в том числе и в Каллатии, свои гарнизоны, но в 313 г. каллатийцы изгнали их не только из своего, но и из соседних городов и создали из последних военный союз, в который привлекли также фракийцев и скифов, из чего следует, что связи скифов с западнопонтийскими городами продолжались и после смерти Атея и что какая-то часть их оставалась в Добрудже. Лисимаху удалось довольно легко подчинить Томы и Одесс, устрашить фракийцев и разбить скифов, но Каллатия продолжала борьбу. Не будучи блокирован с моря, этот город только на четвертом году осады стал страдать от недостатка хлеба. Тогда, чтобы облегчить положение осажденных, часть жителей города с семьями (несколько тысяч человек) переселилась по морю во владения Боспора. Царь Евмел предоставил им для поселения синдский город Горгиппию и местность в его окрестностях под названием Псоя. Сопротивление Каллатии тем временем продолжалось, город пал только в 307/306 г. В 292 г. Лисимах попытался вторгнуться в Скифию, направляясь, вероятно, как и Зопирион, к Ольвии, но его войско и он сам попали в плен к гетскому царю Дромихету, не дойдя до цели.

Из приведенных выше данных, по истории Боспора следует, что царем скифов в конце IV в. до н. э. был Агар. Усилившееся к тому времени Гетское царство отрезало скифов от Фракии и тех скифов, которые тогда и позже находились в Добрудже, да и северочерноморским скифам было теперь не до нее. Теснимые сарматами с востока, они должны были все свое внимание сосредоточить в другом направлении.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СКИФОВ

Созданное Ф. Энгельсом учение о военной демократии, как строе переходном от первобытнообщинного к классовому государственному, прочно вошло в арсенал марксистской исторической науки. Он же дал блестящие образцы конкретизации этого учения и на примерах гомеровских греков, римлян, кельтов и германцев показал, как этот строй видоизменяется в зависимости от условий, в которых развивается общество в период перехода к классовому и соответственно с этим государственному устройству. Примеры, данные Ф. Энгельсом, открывают путь применения его учения во многих случаях и выявления тех особых черт, которые проявляются при иных обстоятельствах.

В середине 40-х годов, готовя к изданию одну из глав своей диссертации о скифах, посвященную социальному строю этого народа, я нисколько не сомневался в том, что квалификация его как военной демократии полностью соответствует действительности, несмотря на то, что тогда, как и теперь, преобладающее положение в науке занимало мнение о скифах как рабовладельческом обществе. Я не сомневаюсь в этом и в настоящее время, хотя с тех пор прошло много лет и скифология обогатилась многими новыми открытиями, вместе с которыми обнаружились такие явления, которые не укладываются в мои прежние обобщенные представления и требуют уточнения и дальнейшего развития ранее сделанных заключений.

Вернувшиеся из Азии скифы составляли ту группу населения Северного Причерноморья, которая, по данным Геродота, называлась скифами-царскими (IV, 20). Позже в известном ольвийском декрете в честь Протогена она именуется «саи», что по ирански соответствует греческому названию «царские». Отсюда следует, что свое имя эти скифы получили не от греков, а именовались царскими по характерной своей особенности, заключавшейся в наличии у них сильной царской власти, какой не было у других групп скифского населения Северного Причерноморья. Со слов Геродота известно, что скифский царь не только предводительствовал на войне, он же распределял военную добычу (IV, 64) и творил суд и расправу над своими подданными. Ложная клятва божествами царского очага, т. е. царскими предками, считалась тяжким преступлением, заслуживающим мучительной казни (IV, 68, 69). Это значит, что особа царя считалась священной и от исходящей от нее благодати зависило благополучие возглавляемого им общества. Власть скифского царя была настолько велика, что служить ему должен был каждый скиф, кому он назначит (IV, 72), а в загробную жизнь царя сопровождали вместе с конями и дорогим имуществом наложница и многочисленные слуги, умерщвленные для этой цели (IV, 71, 72). В свете этих данных вырисовывается образ царя, весьма далекий от племенного вождя и больше напоминающий восточного владыку, наделенного неограниченной властью земного божества. Такие черты восточного монарха скифские цари могли приобрести за время пребывания скифов в Азии в окружении древневосточных государств и в тесном общении с ними. С этими чертами скифы вернулись в Северное Причерноморье, где составили особую группу скифов-царских.

Царская власть у скифов была наследственной привилегией определенного рода или семьи, в пределах которой она переходила от отца к сыну или другому ближайшему родственнику. Новый царь, подобно восточным владыкам, утверждался в своем положении согласием народа или его представителей в лице родовых старейшин, тоже наследственных, но его прерогативы оставались неизменными. Во времена Геродота скифы хорошо

знали генеалогию своих царей, начиная с Иданфирса, возглавившего борьбу с персидским царем Дарием в 514 г. до н. э. Происхождение его, в свою очередь, восходило к Спаргапифу (IV, 76), при котором, надо полагать, скифы вернулись из Азии. Родоначальником же скифских царей считался Таргитай, которого греки приравнивали к своему полубогу Гераклу.

В середине V в. до н. э. скифы-царские занимали господствующее положение в Северном Причерноморье и всех остальных скифов считали своими рабами, т. е. подвластными себе. Так в данном случае надо понимать значение греческого слова δοῦλος, так как у нас нет никаких данных о существовании у скифов развитого рабовладения. Этому не благоприятствовал самый тип кочевого скотоводческого хозяйства у степного населения Скифии, в котором рабы могли применяться только для выполнения подсобных домашних работ. Покупных рабов у скифов нет, категорически заявляет Геродот (IV, 12), а это значит, что рабский труд не играл в производстве скифов сколько-нибудь существенной роли. Кочевое скотоводческое хозяйство скифов не нуждалось в применении рабского труда, так как оно, как правило, осуществлялось коллективно. Скифы кочевали не отдельными хозяйствами, а общинами из семейных хозяйств, вместе передвигались по степи в подвижных домах-кибитках сообща перегоняли животных с пастбища на пастбище и охраняли их от зверей и врагов (IV, 46, 121). Труд рабов, если и был нужен, так только для переработки продуктов скотоводства в хозяйствах с большим числом скота, и то преимущественно женский. Отсюда скифский обычай ослепления рабов, о котором сообщает Геродот (IV, 2). Для этой цели годились и слепые рабы, зато хозяин был гарантирован от побегов рабов и угона доверенного им имущества.

Древние писатели, в их числе и Геродот, сохранили очень мало сведений о внутреннем строе скифов. Из их сообщений можно только понять, что у скифов были начальствующие и подчиненные, богатые и бедные — владеющие несколькими повозками и большим числом голов скота и, как их называет Лукиан Самосатский, «восьминогие», т. е. обладавшие всего одной повозкой, запряженной парой быков (Скиф или гость, I). Основной единицей скифского общества была семья со своим хозяйством и имуществом. Земля находилась в общей собственности. У земледельцев она подвергалась ежегодным переделам, вероятно, только в возделываемой части, у кочевников земля, надо полагать, распределялась по зонам кочевания отдельных производственных общин. Собственность была семейной и личной. Личная в большей своей части шла вместе с умершим в могилу, а семейная оставалась в совместном семейном владении. Сыновья могли выделиться из семейного хозяйства и получить причитающуюся им часть семейного имущества (IV, 114, 115).

Родство и наследование велось по отцовской линии. Практиковалось многоженство. Жены после смерти мужа переходили к его наследнику, как и имущество. Так, Скил после смерти своего отца получил одну из его жен скифянку Опию, хотя тот имел от нее другого сына Орика (IV, 78). Семья несла коллективную ответственность за своих членов. Рассказывая о казни гадателей, Геродот отмечает, что умерщвлялись не только обвиненные, но и их мужское потомство. На женщин это не распространялось, они, как и другое имущество, подлежали конфискации в пользу обвинителей (IV, 68, 69). Ссора между родственниками или, скорее, соотечественниками (слово οἰκηίωσ значит и то и другое) разрешались поединком под контролем царя (IV, 65), что исключало ничем не регулируемую кровную месть и упорядочивало общественные отношения.

В легенде о происхождении скифов у Геродота названо несколько родов, восходящих к общим предкам. Это авхаты, катиары, траспии и паралаты (IV, 6). Но были ли это действительно знатные роды или племена — не ясно. В описании населения Скифии у того же автора упомянуто подразделение скифов с именем алазоны (IV, 17), но было ли оно собственным названием племени или презрительной кличкой, данной греками, тоже не ясно (алазон по гречески значит хвастун, шарлатан). Племенным названием, видимо, следует признать только имя гелоны, хотя Геродот выдает гелонов за эллинов, поселившихся в скифской стране (IV, 10, 108, 109, 120). Различные части скифов носят у Геродота описательные наименования, возможно, представляющие греческие кальки с их туземным обозначением подобно названию «царские», соответствующему иранскому «саи». Описательные названия не могли быть именами ни родов, ни племен, а скорее всего применялись для обозначения совокупностей нескольких племен, объединенных по направлению их хозяйственной деятельности (пахари, кочевники) или по другим характерным для них особенностям (царские). О племенах у скифов Геродот упоминает всего один раз в описании похорон скифского царя, тело которого перед погребением обвозили по подчиненным областям. Но это не значит, что племен не было или что они не играли никакой роли, а только то, что в условиях централизованного царства эта роль не могла быть значительной.

Основываясь на приведенных отрывочных данных, скифское общество следует считать патриархально-родовым. Однако обычные для этого типа общества порядки у них были соподчинены военной организации с ее иерархией властей, в одних случаях совпадающих с родо-племенными, а в других — стоящих над ними. Геродот упоминает у скифов, кроме верховного царя, других царей и номархов (IV, 66, 120) — военных предводителей областей, едва ли соответствующих племенным вождям и родовым старейшинам. Эти правители, надо полагать, назначались

верховным царем из его приближенных и зарекомендовавших себя верностью представителей родо-племенной аристократии. Последние, вероятно, именовались «скриптухами», т. е. жезлоносцами, и знаком их достоинства был маленький топорик с головкой животного или птицы на обушке. Такие топорики изредка находятся в могилах, с ними в руке изображаются скифские вожди.

Как уже отмечалось, скифы-царские всех других скифов считали своими рабами, но из этого не следует, что все подвластные им скифы были действительно рабами. Эксплуатация подвластного скифам-царским населения была основным источником обогащения их господствующего слоя, но не только аристократии, так как она осуществлялась коллективно и выгодами ее пользовались, хотя и не в равной мере, не только царь и его окружение, но и рядовые воины. У скифов-царских не было оформившихся классов, существовавшая у них эксплуатация была скрытой, замаскированной формами коллективного производства. Так же обстояло дело и у земледельцев. Внутри каждого из подразделений скифов действовали порядки, свойственные военной демократии, хотя и с деспотической властью царя, отнюдь не противостоящей этим порядкам, так как эта власть была строго ограниченной обычаем, нормы которого были обязательными и для самого царя. Нарушение их, как показывает история с царем Скилом, могло обернуться для царя самым серьезным образом. За пренебрежение к отеческим обычаям Скил был не только смещен, но и казнен, новым царем в силу обычая стал его брат из той же традиционной царской династии (IV, 78—80).

В скифском обществе эксплуатация развертывалась не внутри племен, а между ними. Одна часть — скифы-царские — владычествовала над другими и эксплуатировала их в меру своих возможностей и того сопротивления, какое подвластные племена могли им оказать. Именно для поддержания этой системы угнетения и эксплуатации скифам-царским нужны были сильное войско и абсолютная власть царя. Но созданная скифами-царскими организация не была еще государством.

Б. Н. Граков, считая Скифское царство рабовладельческим государством, приравнивал положение подвластных скифам-царским других скифов к спартанским илотам (гелотам) и боспорским пелатам. К числу их можно было бы добавить еще фессалийских пенестов и критских кларотов. Оставляя в стороне не вполне ясных по их положению пелатов, сравнение илотов с подчиненными скифами вполне правомерно. И те и другие попали в зависимое состояние в результате завоевания. Но илоты, а еще меньше подвластные господствующим скифам остальные скифы, не были рабами в собственном значении этого понятия. Они не находились в частной собственности, их нельзя было ни продать, ни убить, ни освободить, они владели

своими хозяйствами и облагались установленным властью натуральным налогом или оброком. В отличие от илотов, прикрепленных к земле и находившихся во владении отдельных спартиатов, скифские «рабы» сохраняли свою самостоятельность во внутреннем управлении, у них оставалась своя родо-племенная аристократия, были даже цари, которые и обеспечивали выполнение обязанностей, возложенных победителями на побежденных. Все это нимало не похоже на рабство и не может служить доводом в пользу рабовладельческого строя у скифов.

В марксистско-ленинском понимании государством называется организация господства одного класса над другим с обязательным существованием соответствующего этой цели аппарата принуждения. Скифское общество располагало таким аппаратом, обеспечивающим господство одной части скифов над другой. Но та и другая части — господствующая и подчиненная — не являлись классами с различным отношением к средствам производства. В классовом обществе господствующий класс владеет средствами производства, а эксплуатируемый полностью или частично их лишен. В скифском обществе средства производства оставались в руках производителей, хотя обеспеченность ими была различной. Однако принципиальной разницы в отношении к собственности не существовало ни между господствующими и подчиненными, ни между богатыми и бедными. Рабы в качестве средств производства еще не представляли такой величины, которая могла бы сказаться на характере социальных отношений. Рабовладельцы и рабы еще не составляли противостоящих классов и еще не было надобности в специальных средствах подчинения вторых первыми. О скифском рабовладельческом строе можно говорить только как о зачаточном, существенно не отличающимся от патриархального рабства, сливавшегося с семейными отношениями. Скифское царство обеспечивало не власть одного класса над другим, а одного племени над другими. В этом заключается его главная функция, и на это была направлена его организация.

Скифское царство не было государством в марксистско-ленинском понимании этого термина. Это была одна из форм военной демократии, стоящей на грани превращения в государство. Уже в самом названии военной демократии заключаются ее характерные признаки. Входившие в состав Скифского царства племена сохраняли демократический строй, поскольку царь или вождь с дружиной еще не противостояли вооруженному народу, но оно же было и военным, так как война стала для них обычной функцией, по выражению Ф. Энгельса, своего рода производством (промыслом). Созданное в порядке завоевания Скифское царство представляло собой результат военной деятельности одного из подразделений скифов, не изменивший социальную природу ни завоевателей, ни завоеванных и существовавшее

лишь постольку, поскольку сохранялось военное превосходство одних над другими.

В IV в. до н. э. Скифское царство находилось в зените своего могущества и богатства. Подвластное земледельческое население обеспечивало знать этого царства доходами, которые вместе с дарами, шедшими из греческих городов, давали ей возможность обставлять свою жизнь не только довольством, но и роскошью. В руках скифской знати скапливались богатства, только частично отложившиеся в сохранившихся до нашего времени погребениях ее представителей. Драгоценные металлы — золото и серебро в изобилии покрывали одежды, оружие и другие предметы ее бытового обихода. Роскошные украшения создавались для нее греческими художниками. Одни из этих украшений оставались греческими по форме, другие в соответствие со вкусами заказчиков делались по местным образцам. В украшения включались сцены из быта и военной жизни варваров, как это представлено, например на золотой пекторали из Толстой Могилы, на серебряной вазе из Чертомлыка или на золотом гребне из Солохи; изображались эпизоды скифской этногонической легенды, подобные имеющимся на кубках из Куль-Обы и Частых курганов, создавались образы скифских божеств и особенно многочисленные различных животных, игравшие роль не только украшений, но и охранительных амулетов. К предметам из металла надо добавить разнообразные изделья из дерева и тканей, не сохранившиеся в скифских могилах.

Все это резко отличало скифскую аристократию от рядового населения, которому даже у скифов-царских доставалась незначительная часть тех благ, которыми пользовалась верхушка общества. Имущественные различия усиливались, росла трещина между богатыми и бедными, знатными и незнатными, господствующими и подчиненными, эксплуататорами и эксплуатируемыми и грозила превратиться в пропасть, способную поглотить все скифское общество. Именно этими растущими противоречиями объясняется ослабление Скифского царства к началу III в. до н. э., его неспособность противостоять натиску со стороны сарматов и потеря большей части территории. Скифское царство все же уцелело и в сокращенном виде просуществовало еще около шести столетий, но оно стало не таким, каким оно предстает по рассмотренным выше источникам. Ему пришлось перестроиться и во внутренних и во внешних отношениях на новый лад и, по сути дела слиться с сарматами, время господства которых составляет следующий период истории южной половины Восточной Европы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. Сб.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
АС — Археологический сборник ГЭ.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВЛУ — Весник Ленинградского государственного университета.
ВМУ — Вестник Московского государственного университета.
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии. Сб.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГО — Географическое общество.
ДФ — Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Сб.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия государственной Академии истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК — Краткие соощения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
СЭ — Советская этнография.
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

Абаев В. И. Скифский язык.— Скифский язык и фольклор, 1. М.—Л., 1949, с. 147.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965 .

Абросов В. Н. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон.— Изв. Всесоюзн. географ. об-ва, 1962, № 4.

Анохин В. А. Монеты скифского царя Атея.— В кн.: Нумизматика и сфрагистика, вып. 2. Киев, 1965, с. 3.

Анфимов Н. В. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратное городище).— СА, VII, 1941, с. 258.

Анфимов Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в раннескифское время.— СА, XI, 1949, с. 242.

Анфимов Н. В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья.— МИА, № 23, 1951, с. 144.

Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, № 23, 1951, с. 155.

Анфимов Н. В. Исследование Семибратского городища.— КСИИМК, вып. 51, 1953, с. 107.

Анфимов Н. В. Протомеотский могильник у с. Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. 2. Майкоп, 1961, с. 103.

Анфимов Н. В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов.— В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 127.

Артамонов М. И. Общественный строй скифов.— ВЛУ, 1947, № 9, с. 56.

Артамонов М. И. Третий Разменный курган у станицы Костромской.— СА, X, 1948, с. 177.

Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму.— ВЛУ, 1948, № 8, с. 70.

Артамонов М. И. О землевладении и земледельческом празднике у скифов.— УЗЛГУ, сер. истор. наук. 1948, № 15, с. 3.

Артамонов М. И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов.— ВДИ, 1949, № 1, с. 29.

Артамонов М. И. Этногеография Скифии.— УЗЛГУ, сер. истор. наук, 1949, № 13, с. 129.

Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов.— ВДИ, 1950, № 2, с. 37.

Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии.— Доклады VI научн. конф. Институт археологии АН УССР. Киев, 1953, с. 169.

Артамонов М. И. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции.— КСИАУ, вып. 4, 1955, с. 84.
Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, вып. 59, 1955, с. 100.
Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов.— АС, вып. 2, 1961, с. 57.
Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага, 1966.
Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства.— СА, 1968, № 4, с. 27.
Артамонов М. И. Загадки скіфської археології.— Укр. іст. журнал, 1970, № 1, с. 23.
Белявский В. А. Война Вавилона за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии.— В кн.: Исследования по истории стран Востока. Л., 1964, с. 93.
Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. Л., 1971.
Бичурин И. Я. (Иакинф) Сборник сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. т. I—III. М.— Л., 1950—1953.
Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952.
Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей.— ВМУ, 1948, № 8, с. 12.
Блаватский В. Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями.— СА, XXIV, 1955, с. 29.
Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья.— СА, 1964, № 2, с. 13, № 4, с. 25.
Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
Блаватский В. Д. О северной Скифии Геродота.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 29.
Болтунова А. И. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора.— ВДИ, 1964, № 3, с. 136.
Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э.— СА, XXIII, 1955, с. 58.
Братченко С. Н. Раскопки крепости бронзового века у Ростова-на-Дону.— АО 1966, М., 1967, с. 66.
Братченко С. Н. Багатошарове поселення Ліванцівка і на Дону.— «Археологія», XXII, 1969, с. 210.
Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.
Брашинский И. Б. О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов.— ВДИ, 1965, № 1, с. 118.
Венедиктов И. Фракийское искусство в Болгарии. София, б/г.
Веселовский Н. И. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве.— ИАК, 1913, вып. 47, с. 96—103.
Вязьмитина М. И. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской области.—КСИАУ, вып. 1, 1952, с. 59.
Вязьмитина М. И. Раннескифские памятники звериного стиля.— СА, 1963, № 2, с. 165.
Вязьмітіна М. І., Покровьска Е. Ф. Поселяння VII—VI ст. до н. э. в околицях с. Жаботина.— АП, VI, 1956, с. 38.
Ганина О. Д. До питання про жіночі поховання аі зброєю скіфського часу.— В кн.: Праці Київського державного історичного музею, вып. I. Київ, 1958.
Ганина О. Д. Античні бронзи з Піщаного. Київ, 1970.
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.— Л., 1949.
Геродот. История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко, тт. I—II. М., 1888.
Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре.— Труды секции археологии РАНИОН, вып. 2. М., 1928, с. 16.

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 231.

Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов.— КСИИМК. вып. XXII, 1948, с. 38.

Граков Б. Н. Скифский Геракл.— КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, с. 7.

Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.

Граков Б. Н. Старейшие находки железных вещей в европейской части СССР.— СА, 1958, № 4, с. 3.

Граков Б. Н. Греческое граффито из Немировского городища.— СА, 1959, № 1, с. 259.

Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115, 1962, с. 56.

Граков Б. Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии.— АС, вып. 6, 1964, с. 118.

Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 101.

Граков Б. Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М., 1971.

Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время.— ВССА, 1954, с. 39.

Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота.— СА, XVIII, 1953, с. 111.

Грач Н. Л. О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 108.

Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории степной зоны Евразии.— «История СССР», 1967, № 1, с. 53.

Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири (в эпоху бронзы).— КСИЭ, XXIV, 1955, с. 19; СЭ, 1959, № 1.

Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ, XXVI, 1957, с. 21.

Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс.— В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи, II. Майкоп, 1961, с. 127.

Добровольский А. В. Перше Сабатинівське поселення.— АП, IV, 1952, с. 78.

Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э.— АС, вып. 2, 1961, с. 26.

Доманский Я. В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья.— АС, вып. 7, 1965, с. 116.

Доманский Я. В. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н. э.— АС, вып. 12, 1970, с. 47.

Древности Боспора Киммерийского. Спб., 1854.

Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ, 1951, № 2, с. 247.

Дьяконов И. М. Последние годы царства Урарту по ассиро-вавилонским источникам.— ВДИ, 1951, № 2, с. 29.

Дьяконов И. М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.— Л., 1956.

Елагина Н. Г. О родоплеменной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота.— СЭ, 1963, № 3, с. 76.

Елагина Н. Г. Письменные источники о социальных категориях в Скифии VI—V вв. до н. э.— В кн.: Историко-археологический сборник (1962), с. 94.

Ельницкий Л. А. Киммерийцы и киммерийская культура.— ВДИ, 1949, № 3, с. 23.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.— Л., 1953. (Боспорские Археанактиды, с. 21; Геродот и скифские божества, с. 29; Возникновение Боспорского государства, с. 48; Боспорские этюды, с. 159; Скифский рассказ Геродота, с. 308).

Жебелев С. А. и Мальмберг В. К. Три архаических бронзы из Херсонской губернии.— МАР, № 32, 1907.

Забелин И. Е. Древности Геродотовой Скифии, вып. I—II. Спб., 1866—1872.

Златковская Т. Д., Полевой Л. Л. Городища прутско-днестровского междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов.— ДФ, 1969, с. 35.

Иерусалимская А. А. Курильницы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа.— СГЭ, 1957, XII.

Иерусалимская А. А. О предкавказском варианте катакомбной культуры.— СА, 1958, № 2, с. 34.

Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР.— СА, 1953, XVIII, с. 49.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки.— МИА, № 233, 1951, с. 75.

Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА, 1954, с. 112.

Ильинская В. А. О скифах пахарях и будинах Геродота.— КСИИМК, вып. XL, 1951, с. 28.

Ильинская В. А. Скіфські секири.— «Археологія», 1961, XII, с. 27.

Ильинская В. А. Скіфська вузда VI ст. до н. е. «Археологія», 1961, XIII, с. 38.

Ильинская В. А. Про скіфські навершники.— «Археологія», 1963, XV, с. 33.

Ильинская В. А. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры.— СА, 1963, № 2, с. 85.

Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.— СА, 1965, № 1, с. 102.

Ильинская В. А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 206.

Ильинская В. А. Про походження етнічні зв'язки племен скіфської культури Посульсько-Донецького лісостепу.— «Археологія», 1966, XX, с. 58.

Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3, с. 154.

Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Ильинская В. А. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи?— «Археологія», 1970, XXIII, с. 23.

Итина М. И. Степные племена Среднеазиатского междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. — СЭ, 1962, № 3, с. 109.

Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи.— Л., 1949.

Капошина С. И. Из истории греческой колонизации нижнего Побужья.—МИА, 1956, № 50, с. 211.

Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов V—IV вв. до н. э. и местные их особенности.— МИА, 1959, № 69, с. 257.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Клейн Л. С. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 59.

Клейн Л. С. Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным.— АС, вып. 2, 1961, с. 45.

Клейн Л. С. Происхождение скифов-царских по археологическим данным.— СА, 1968, № 4, с. 27.
Клейн Л. С. Происхождение донецкой катакомбной культуры. Л., 1968.
Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э.— ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 90.
Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.
Копылов И. И. Находка скифского шлема в Семиречье.— Ученые записки Алма-Атинского пединститута, т. 14 (2). Алма-Ата, 1957, с. 300.
Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов.— СА, 1957, № 2, с. 174.
Косарев М. Ф. Среднеобский центр трубинско-сейминской бронзовой металлургии.—СА, 1963, № 4, с. 20.
Кривцова-Гракова О. А. Бессарабский клад. М., 1949.
Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
Кругликова И. Т. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму.— СА, 1955, XXIV, с. 74.
Крушкол Ю. С. К вопросу об этногенезе синдов.— В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 156.
Крушкол Ю. С. К вопросу о киммерийцах.— В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 91.
Крупнов Е. И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе.— КСИИМК, 1949, вып. 24, с. 27.
Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ.— ВССА, 1954, с. 186.
Крупнов Е. И. Жемталинский клад. М., 1952.
Крупнов Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе по археологическим данным.— МИА, 1958, № 68, с. 176.
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда.— СА, 1958, № 4, с. 120.
Кузьмина Е. Е. О южных пределах распределения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 141.
Лавров И. Л. О происхождении народов северо-западного Кавказа.— В кн.: Сборник статей по истории Кабары. Нальчик, 1954.
Лавров И. Л. О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию.— СА, 1965, № 3, с. 223.
Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
Латынин Б. А. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой.— АС, вып. 6, 1964, с. 53.
Латынин Б. А. Архаические круглые псалии с шипами.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 201.
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели. Спб., 1893; т. II. Латинские писатели. Спб., 1904; ВДИ, 1947—1949.
Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства.— В кн.: Понтика. Спб., 1909, с. 358.
Лесков А. М. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова.— СА, 1964, № 1, с. 299.
Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965.
Лесков А. М. О северочерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юго-европейской части СССР. Киев, 1967, с. 143.
Лесков А. М. Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 7.
Либеров П. Д. К вопросу о скифах-пахарях.— ВДИ, 1951, № 4, с. 178.
Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных.— МИА, 1969, № 151, с. 5.
Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса.— СА, 1954, XXI, с. 281.

Максимова М. И. Ритон из Келермеса.— СА, XXV, 1956, с. 215.
Манандян Я. А. О некоторых проблемах древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944.
Манцевич А. П. О скифских поясах.— СА, VII, 1941, с. 19.
Манцевич А. П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху.— ВДИ, 1949, № 2, с. 196.
Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха.— СА, 1951, XIII, с. 217.
Манцевич А. П. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве.— СА, 1958, № 2, с. 196.
Манцевич А. П. Золотой венец из кургана на р. Калитве (К вопросу об агафирсах).— В кн.: Известия на Археологическая институт Българска академия на Науките, кн. XXII. София, 1959.
Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи.—АС, 1966, вып 8, с. 23.
Манцевич А. П. Парадный меч из кургана Солоха.— ДФ, 1969, с. 96.
Марченко И. Д. Литейная форма конца VI в. до н. э. в Пантикапее.— КСИА, вып. 89, 1961, с. 51.
Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964.
Матющенко В. И., Чагаева А. С., Павленок Л. А. Раскопки в Омской и Томской областях.— АО 1966. М., 1967, с. 153.
Матющенко В. И. Турбино, Ростовка, Самусь — Уральское археологическое совещание (Тез. докл. и сообщ.). Сыктывкар, 1967.
Мелентьев А. Н. Некоторые детали конской узды киммерийского времени.— КСИА, вып. 112, 1967, с. 38.
Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы истории Маннейского царства.— ВДИ, 1949, № 1, с. 57.
Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 223.
Мелюкова А. И. Войско и военное искусство скифов.— КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, с. 30.
Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы.— СА, XXII, 1955, с. 239.
Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— МИА, 1958, № 64, с. 5.
Мелюкова А. И. Исследования памятников предскифской и скифской эпохи в лесостепной Молдавии.— Материалы и исследования по археологии юго-западной СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 129.
Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины.— МИА, 1962, № 115, с. 114.
Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ—Д1—4, 1964.
Мелюкова А. И. Скифские элементы в гетской культуре.— КСИА, вып. 105, 1965, с. 32.
Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами. ДФ, 1969, с. 61.
Миллер Ф. С. Осетинские этюды, т. I—III. М., 1881—1887.
Мошинская В. И. О государстве скифов.— ВДИ, 1950, № 3, с. 203.
Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—VI вв. до н. э.— САИ—Д1—27, 1966.
Онайко Н. А. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье.— В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 159.
Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ Д1 — 4, 1967.
Петров В. П. Имена скифских божеств у Геродота.— «Археологія», 1963, XV, с. 19.

Петров В. П., Макаревич М. Л. Скифская генеалогическая легенда.— СА, 1963, № 1, с. 20.
Пиотровский Б. Б. Скифы в Закавказье.— УЗЛГУ, сер. истор. наук, 1949, вып. 13, с. 172.
Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур, вып. 1. Ереван, 1950.
Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток.— СА, XIX, 1954. с. 141.
Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту (VIII—VI вв. до н. э.). Л., 1962.
Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.
Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Л., 1971.
Погребова Н. Н. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов (по поводу статей А. П. Манцевич).— СА, XVII, 1953, с. 285.
Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье.— СА, 1969, № 2, с. 179.
Покровская Е. Ф. Поселения VIII—VI ст. до н. э. на Тясмині.— «Археологія». VII, 1952, с. 43.
Покровская Е. Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин.— КСИАУ, вып. 12, 1962, с. 73.
Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры.— Труды ГИМ, вып. 24. М., 1955.
Попова Т. Б. К вопросу о многоваликовой керамике.— СА, 1960, № 4, с. 42.
Придик Е. М. Мельгуновский клад.— МАР, 1913, № 31.
Прушевская Е. Родосская ваза и бронзовые вещи из могильника на Таманском полуострове.— ИАК, вып. 63, 1911, с. 31.
Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода.— Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ, т. I. Л., 1941, с. 99.
Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой Балки.— КСИИМК, вып. XL, 1951, с. 114.
Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея.— СА, 1970, № 3, с. 90.
Редер М. Г. Восточные тексты о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 1, с. 263.
Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Материалы по этнографии ГО СССР, вып. I. Л., 1961, с. 2.
Рыбалова В. Д. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине.— АС, вып. 2, 1961, с. 9.
Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908.
Сафронов В. А. Хронология памятников II тысячелетия до н. э. юга Восточной Европы. М., 1970. Автореф. канд. дис.
Семенов-Зусер С. А. Родовая организация у скифов Геродота.— ИГАИМК, 1931, вып. IX.
Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.
Сидорова Н. А. Архаическая керамика из Пантикапея.— МИА, 1962, № 103, с. 94.
Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69, с. 5.
Смирнова Г. И. Северинovское городище по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.— АС, вып. 2, 1961, с. 88.
Смирнова Г. И. Раскопки курганов у с. Круглик и Долиняны на Буковине.— АС, вып. 10, 1968, с. 14.
Смирнова Г. И., Бернякович К. В. Происхождение и хронология. памятников Куштановицкого типа Закарпатья.— АС, вып. 7, 1965, с. 89.
Смирнов А. П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935.
Смирнов А. П. Скифы. М., 1966.
Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 272.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
Смирнов К. Ф. Археологические сведения о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА, 1961, № 1, с. 46.
Соломоник Э. И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— В кн.: Археология и история Боспора, I. Симферополь, 1952.
Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. М., 1957.
Спицын А. А. Скифы и Гальштат.— В кн.: Сборник А. А. Бобринскому. Спб., 1911.
Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей.— ИАК, вып. 65, 1918.
Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратоновского. М.— Л., 1964.
Струве В. В. Дарий I и скифы Причерноморья.— В кн.: Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 103.
Тереножкин А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время.— СА, XXIV, 1955, с. 7.
Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов.— СА, 1966, № 2, с. 33.
Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. 1—2. Спб., 1889.
Фабрициус И. В. До питання про топографізацію племен Скіфії.— «Археологія», 1951, V, с. 50.
Фармаковский Б. В. Милетские вазы из России. М., 1914.
Фармаковский Б. В. Архаический период в России, МАР, № 34, 1914.
Фисенко В. А. Племена катакомбной культуры северо-западного Прикаспия. Л., 1967. Автореф. канд. дис.
Фисенко В. А. Погребальный обряд племен катакомбной культуры юго-востока.— Археологический сборник. Саратов, 1966, с. 63.
Ханенко Б. И., Ханенко В. И. Древности Приднепровья, вып. II, 1899; вып. III, 1900; вып. VI, 1907.
Харко Л. П. К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье.— МИА, 1961, № 96, с. 223.
Хвойко В. В. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность, народность.— Труды XII археологического съезда, т. I. М., 1905, с. 93.
Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав.— МИА, 1951, № 19, с. 63.
Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея.— МИА, 1957, № 56, с. 227.
Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
Членова Н. Л. Скифский олень.— МИА, 1962, № 115, с. 167.
Шарафутдинова И. Н. К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, № 3, с. 16.
Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIV, с. 62.
Шилов В. П. Проблема освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы.— АС, вып. 6, 1964, с. 86.
Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке.— СА, 1957, № 1, с. 178.
Шрамко Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.— СА, 1961, № 1, с. 73.
Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
Шрамко Б. А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.— СА, 1964, № 4.
Шрамко Б. А. Исследования лесостепной полосы УССР.— АО 1966, 1967, с. 199.
Шрамко Б. А. Орудия скифской эпохи для обработки железа.— СА, 1969, № 3, с. 53.

Шрамко Б. А. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии.— СА, 1970, № 2, с. 217.
Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии.— СА, 1963, № 4, с. 36.
Шрамко Б. А., Петриченко А. И., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Похождения і техника лиття бронзовых казанів в раннього Залізного веку.— В кн.: Нариси з історії техніки. Київ, 1966.
Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза й сталі — «Археологія», 1970, XXIII, с. 40.
Штительман Ф. М. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э.— КСИАУ, вып. 3, 1954, с. 102.
Штительман Ф. М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50, с. 255.
Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 225.
Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя.— КСИАУ, вып. 12, 1962, с. 57.
Яценко И. В. Скифия VI—V вв. до н. э. М., 1959.

* * *

Amandry P. Un motif «scythe» en Iran et en Greece.— Journal of Near East Studies. XXIV, 1965.
Amandry P. L'art scythe archaique.— Archäologischer Anzeiger, 1965, 4.
Barnet K. D. The treasure of Ziwiye.— Iraq, XVIII, 2, 1956.
Barnet K. D. Median art.— Iranica Antiqua, II, I, 1962.
Benedikov I. L'art thrace et l'art achemenide.— Actes du premier Congres International des etudes balkaniques et Sud Est europaennes, II. Sofia. 1970.
Berciu B. Arta traco-getica. Bucuresti, 1969.
Boroffka. G. Scythian art. London, 1928.
Charriere G. L'art barbare scythe. Paris, 1971.
Dubs H. The date of the Shang period.— Toung Pao, XIII, 1953.
Dussaud R. Le tresor de de Ziwiye «Azerbeidian».— Syria, 27.
Dyson R. Ninth century men in Western Iran.— Archaeology. N. Y., 1964, v. 17, 8.
Dyson R. Iran 1956. University museum bulletin, vol. 21, VI.
Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn.— Praehistorische Zeitschift, B. IV, H. 1/2. Berlin, 1913.
Folkner M. Der Schatz von Ziviye.— Archiv für Orientforschung, XVI, 1952—1953.
Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
Gimbutas M. Borodino, Seima and their contemporaries.— Proceedings of the Prehistoric Society, vol. XXII. Cambridge, 1956.
Ghirshman R. Fouilles de Sialk pre Kashan. v. I—II. Paris, 1938—1939.
Ghirshman R. Le tresor de Ziwie (Kurdistan).— Haarlem, 1950.
Ghirshman R. Notes iraniennes, IV. Le tresor de Sakkes, le origines de l'art made et le bronzes du Luristan.— Artibus Asiae, XIII, 1950.
Ghirshman R. Perse. Protoiraniernes, Medes et Achemenides, Paris, 1964.
Hančar F. Hallstatt und der Ostraum (Ein Beitrag zur Klarung des Kimmerierproblems). Сб. Гаврил Кадаров, I. София, 1950.
Harmata I. Le probleme cimmerien.—Archeologiai Ertesitö, VII—IX, 1948.

Herzfeld E. Iran in the ancient East. L.— N. Y., 1941.
Le Chi. The beginnings of Chinese civilization. Washington Press, 1957.
Makarenko N. La Civilisation de Scythes et Hallstatt.— Eurasia Septentrionalis Antiqua, V, 1930.
Müller-Karpe H. Beitrage zur Chronologie der Urnenfelderzeit nordlich und sudlich der Alpen. Berlin, 1959.
Pârvan V. Getica. Bucuresti, 1926.
Potratz I. Die Scythen und Vorderasien. Orientalia, 28, I. Roma, 1959.
Potratz I. Scythische Kunst.— Orientalla, 29, 1960.
Rostovtseff M. The animal style in South Russia and China. Princeton, 1929.
Scerbakivsky T. La situation geographique de la ville de Gelone d'Herodote.— Bibliotheka Prehistoryszna, I. Poznań, 1930.
Scerbakivsky T. Zur Agathyrsenfrage.— Eurasia Septentrionalis Antiqua, IX, 1939.
Schefold K. Der Skythische Tierstil in Südrussland.— Eurasia Septentrionalis Antiqua, X, 1936.
Sulimirski T. Scythowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936.
Tallgren A. Zum Ursprungsgebiet des sogenanten skythischen Tierstils.— Acta Archeelogica, IV, 1933.
Tehran. The Iran Bastan museum.— Archaeologia Viva, I. Paris, 1968.
Walter H. Frühe samische Gefässe. Chronologie und Landschaftsstelelle ostgriechischer Gefässe. Samos. V. Bonn, 1968, S. 65. 120.
Wanden-Berghe. Le necropole de Khurvin. Istambul, 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 5
Происхождение скифов 7
Киммерийцы и скифы в Азии 23
Скифская культура 34
Киммерийцы на Кубани 55
Скифы-царские 68
Земледельческое население Скифии 80
Скифы-пахари 94
Скифское царство 108
Синды и Боспор 118
Этническая принадлежность населения Прикарпатья в скифское время. Скифы во Фракии 128
Общественный строй скифов 138
Список сокращений 145
Список литературы 146

Артамонов Михаил Илларионович

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

Редактор *В. В. Макарова*

Художник *Б. Н. Осенчаков*

Техн. редактор *Г. С. Орлова*

Корректоры *Е. Л. Каманина, И. Л. Кудряшова*

М-21264. Сдано в набор 29/XII 1973 г. Подписано к печати 6/V 1974 г.
Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бум. тип. № 3. Печ. л. 9,75.
Уч.-изд. 10,32. Бум. л. 4,875. Тираж 6400 экз. Заказ 1483. Цена 71 коп.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова
Картфабрика ВМФ